

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Актуальные проблемы романской филологии

Минск
МГЛУ
2023

УДК 81
ББК 81я4
А 43

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 5/66 от 12.12.2022 г.

Редакционная коллегия: Н. В. Лещенко (*ответственный редактор*), Е. А. Кучугурная, Н. В. Лещенко, А. Б. Чиркун

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент, *М. А. Комарова* (БГЭУ), кандидат филологических наук, доцент, *Е. А. Гапанович* (МГЛУ)

Актуальные проблемы романской филологии: сб. науч. ст. А43
Междунар. науч. конф., Минск, 18 марта 2022 г. / редкол. :
Н. В. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2023. – с.
ISBN 978-985-28-0196-6.

Данный сборник представляет итоги Международной научной конференции (2022), посвященной актуальным проблемам романистики. Издание освещает широкий спектр теоретических и прикладных проблем современного романского языкознания. В научных статьях представлены результаты исследований по функциональной семантике языковых единиц и речевых структур, эффективности коммуникации, лингвопрагматической и национально-культурной специфике речи, а также затрагивается проблема перевода и интерпретации текста, исследуется новейшая испаноязычная литература, описываются новации в методике преподавания романских языков.

Адресуется специалистам в области романской филологии, а также аспирантам, магистрантам, студентам.

УДК 81
ББК 81я4

ISBN 978-985-28-0196-6

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2023

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

УДК 811.134

Анна Викторовна Иванова,
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры романской филологии
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
avi.trujaman@gmail.com

АНАЛИТИЗМ VS СИНТЕТИЗМ В ИБЕРО-РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Общепризнанный факт, что доминирующей строевой особенностью иберо-романских языков, характерной для процесса их формирования и становления, является преобладание аналитических образований. В статье показано, что корпусные данные как инструмент лингвистических исследований, в частности, в области изучения синтаксиса, обладают беспрецедентными возможностями, однако опору на статистический арсенал корпусов следует применять с большой осторожностью.

Ключевые слова: аналитизм; синтетизм; перифраза; корпусные данные; синтаксис; иберо-романские языки.

Anna Ivanova
Ph.D. (Linguistics, Romance Philology),
Department of Romance Philology, senior lecturer,
Saint Petersburg State University
Saint-Petersburg

ANALYTISM VS SYNTHETISM IN IBERO-ROMAN LANGUAGES IN THE LIGHT OF MODERN CORPUS DATA

The generally accepted fact that the dominant structural feature of the Ibero-Romance languages, characteristic of the process of their formation and development, is the predominance of analytical formations, is ambiguously confirmed by corpus statistics. The article shows that corpus data is a peerless tool for linguistic research, in particular, in the field of syntax studies, however, relying on the statistical arsenal of corpora should be used with great caution.

Key words: analyticism; synthetism; paraphrase; corpus data; syntax; Ibero-Romance languages.

Общепризнанный факт, что доминирующей строевой особенностью иберо-романских языков, характерной для процесса их формирования и становления, является преобладание аналитических образований (см., например [1, с. 201]). Попытки обращения типологов к количественным методам, обусловленные

стремлением дать более объективную оценку строевым особенностям того или иного языка, предпринимались неоднократно, и, вместе с тем, всегда были связаны с непреодолимыми трудностями в реализации этой задачи. Как известно, еще В. Гумбольдт писал, что «языковые типы – это своего рода абстракция; не существует «чисто» аналитических или «чисто» синтетических языков. В реальности отнесение некоторого языка к тому или иному типу языков означает лишь преобладание в нем способов выражения грамматических значений, соответствующих данному типу» [2, с. 67]. Одним из пионеров квантитативной оценки языковых тенденций был Э. Сепир [3], идеи которого впоследствии нашли отражение в работах Дж. Гринберга, предложившего методику вычисления т. н. *индекса синтетичности* разных языков путем отнесения общего количества морфов (в одинаковом тексте на этих языках) к общему количеству слов в этом тексте [4]. Бурное развитие корпусной лингвистики, в частности, созданные за последние десятилетия усилиями зарубежных коллег аннотированные и лемматизированные корпуса иберо-романских языков (CRPC: Portugal only: powered by CQPweb, CREA beta 0.4, ADESSE, STILC¹ и др.) представляют собой практически неисчерпаемый ресурс эмпирического материала и удобный инструментарий для сравнительно-сопоставительных исследований, тем не менее, требующий от исследователя глубокого понимания феноменологии развития «языков в действии».

Глагольные и именные перифразы, как проявление феномена языкового расширения, связаны с понятием аналитизма, естественного способа для отображения тех или иных абстрактных понятий через конкретное еще на этапе становления древних языков. Так, И. М. Дьяконов пишет, что когда «не существовало достаточных средств для выражения общих понятий и человек был вынужден выражать общее через отдельное <...> в шумерском – типичном языке медно-каменного века, – чтобы сказать «открыть» приходилось говорить *ik - kid* – ‘дверь толкнуть’ <...> «убить» – *sag-gi-ra(h)* – ‘голову палкой ударить’, хотя бы речь шла об убиении мечом или палицей...» [5, с. 282]. Следует особо подчеркнуть, что в диахронической перспективе аналитичность и синтетичность являются фазами одного цикла [6], которые могут существовать параллельно и ни о какой однонаправленной эволюции «синтетизм» → «аналитизм» не может быть и речи. При этом квалификация аналитических конструкций, как наиболее совершенного способа выражения мысли [7, с. 364], не выдерживает критики при обращении к конкретному эмпирическому материалу, на основании которого М. М. Гухман отмечала, что сам этот способ древнее флексий [8, с. 19]. Смена аналитической и син-

¹ В ходе исследования использовались корпуса иберо-романских языков:

CRPC: Portugal only: powered by CQPweb: Corpus de Referência do Português Contemporâneo (<http://alfclul.clul.ul.pt/CQPweb/portugal>) (дата обращения – 25.02.2022)

CREA 0.3 (versión anotada): Corpus de referencia del español actual: <https://apps2.rae.es/CREA/view/inicioExterno.view> (дата обращения – 25.02.2022)

ADESSE: Alternancias de diátesis y esquemas sintáctico-semánticos del español (<http://adesse.uvigo.es/>) (дата обращения – 25.02.2022)

STILC: Corpus textual informatitzat de la llengua catalana: <https://ctilc.iec.cat> (дата обращения – 25.02.2022)

тетической тенденций носит циклический характер и представляет собой непрекращающийся континуум языкового развития. Так, пример формирования романского футурума как результат сменяющихся друг друга аналитических и синтетических образований является особенно показательным, ср.: параллельно лат. *cantabo* (<*cantabho), заменяющейся на аналитическую *cantare habeo*, а затем опять стягивающуюся в формы типа исп. *cantaré* '(я) спою', порт. *cantarei* 'то же' и др., аналитическая исп. *va a cantar* '(он) споет' в диалектах развивается в синтетическую *vacantar* (≈ порт. *va cantar*) [9].

Расширение структуры простого предложения-высказывания часто осуществляется путем перифразирования его именных, адъективных, адвербиальных и вербальных компонентов, эксплицирующееся порождением различных аналитических форм [10, с. 213]. При этом все многообразие моделей расширения можно разделить на аффективные и неаффективные. В рамках рассмотрения затрагиваемой в настоящей статье проблематики в фокусе нашего внимания – преимущественно последние.

Среди них весьма характерным для языков Атлантического ареала Европы является перифразирование адъективных компонентов, в частности, атрибутивно-релятивная конструкция *que* + *Verb.* вместо обычных прилагательных, ср.: *el año/ el mes/ la semana que viene* 'в будущем году/ месяце/ на следующей неделе' = *el año/ el mes/ la semana próximo/a*. Подробнее о таких атрибутивно-релятивных моделях, как, возможно, об одном из рефлексов интерференции с языком басков, см. [11, с. 396]. В корпусе (CREA, beta 4.0) атрибутивная аналитическая перифраза *el año que viene* 'в будущем году' (букв. «год, который приходит») встречается 38 раз, а ее адъективный синтетический коррелят *el año próximo* (букв. «год ближайший») – 13. Рестриктивными параметрами при формировании поискового запроса были следующие: регион (Испания, латиноамериканские варианты исключены); типы текстов (художественная литература послевоенного периода); жанр (любой). По данным корпуса португальского языка (CRPC: Portugal only) при аналогичных критериях поиска атрибутивная аналитическая перифраза *o ano que vem* 'в будущем году' (букв. «год, который приходит») встречается 6 раз, её адъективный синтетический коррелят *o próximo ano* – 6. Отметим попутно, что, учитывая разный исходный объем эмпирических данных каждого корпуса, статистические сопоставления и выводы о большей или меньшей частотности отдельно взятой модели между языками не являются показательными *a priori* и не являлись целью нашего исследования. Мы делаем лишь заключение о степени проявленности исследуемого феномена в каждом из рассматриваемых иберо-романских языков. В каталанском корпусе (STILC) соотношение аналитической атрибутивно-релятивной модели *l'any que ve* и адъективной синтагмы *l'any próxim* равно 48 / 32 соответственно.

Значительную часть общего фонда аналитических образований составляют генитивные перифразы *NS + de + NS*, имеющие две разновидности – атрибутивную и предикативную. О доминирующем преобладании в иберо-романских языках аналитических атрибутивных моделей над синтетическими

свидетельствуют многочисленные примеры. Так, в корпусе испанского языка предложная атрибутивная синтагма *de verano* 'летний' встречается 345 раз, и её частотность составляет 22,34 случая на миллион, в то время как выборка с адъективными компонентами *veraniego / estival* 'летний' в совокупности представлена всего 138 примерами, средняя частотность которых в три раза меньше (7,48 / млн.). То же – в каталанском: *d'estiu* (2161), *estival* (436).

Беспрецедентную роль в процессе эволюции иберо-романского аналитизма играют модели с глаголами широкой семантики т. н. *Verba omnibus* (типа исп. *hacer* / кат. *fer* / порт. *fazer* 'делать'; исп., порт. *dar*, кат. *donar* 'давать'; исп. *tener*, кат. *tenir*, порт. *têr* 'иметь' и др.), в которых группа составляющих *V + NS* равна одному синтетическому глаголу. Роль глагола обладания при этом настолько значительна, что его использование можно было бы определить как общую тенденцию к «тенеризации» [12]. Эти синтаксические образования, в большинстве случаев не имеющие аналогичных соответствий за пределами пиренейского ареала, появились в результате древней романо-баскской интерференции и преимущественно функционируют в разговорном языке [13, с. 116-118].

Однако нельзя не отметить, что обращение к корпусным данным при попытке верификации аксиоматичного факта об аналитизме иберо-романской предикативности дает неоднозначные и, в каком-то смысле, спорные и небедительные результаты. Так, в корпусе CREA сплошная автоматическая выборка моделей по лемме *temer* 'бояться' выдала первичный конкорданс, насчитывающий 2545 примеров, в то время как совокупность всех случаев употребления синонимичных глагольных перифраз структуры *V + NS* с существительным *miedo* 'страх' составила всего 1829 единиц. Как следует интерпретировать подобные статистические данные корпуса, противоречащие традиционным представлениям о доминирующей строевой характеристике иберо-романских языков? Прежде всего, необходимо учитывать не только количественные параметры, но и более существенный для оценки типологических особенностей – качественный. Так, благодаря развитой системе функционирования базовых глаголов как ядра иберо-романской предикативности, среднее количество вариантов аналитических перифраз для одной синтетической глагольной лексемы имеет коэффициент 4,5. Ср., например, рассмотренный выше исп. *temer* 'бояться' и совокупность аналитических моделей: *tener miedo / darse miedo / sentir miedo / pasar miedo, entrarle miedo a uno*, а также со сменой субъектно-объектных отношений: *darle susto a alguien* 'испугать(ся)'. То же – в каталанском, ср.: *têmer* 'бояться' (4370) и его аналитические корреляты *tenir por* (3871)², *fer por* (2042), *agafar por* (93), *sentir por* (78), *passar por* (74), *entrar por* (22). Здесь, однако, корпусные данные не вступают в противоречие, а лишь подтверждают тезис об аналитической органичности иберо-романского предложения-высказывания.

² Цифры в скобках указывают количество единиц данного типа в конкордансе с равными заданными параметрами поиска.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Salvador Hernán Urrutia Cárdenas, Roberto Olaeta Rubio, Francisco Milla Lozano. Dominio de estructuras oracionales // Anuario de Lingüística. – Hispánica, 1987. – № 3. – P. 183–202.
2. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [1830–1835] // Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. М., 1984. С. 37–298.
3. Сепир Э. Язык: введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. М., 1993. С. 26–203.
4. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 60–94.
5. Дьяконов И. М. Люди города Ура. М. : Наука, 1990. 427 с.
6. Schwegler A. Analycity and Synthetcity. A Diachronic Perspective with Special Reference to Romance Languages. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1990. 290 p.
7. Jespersen O. Language: its nature, development and origin. London : G. Allen & Unwin, 1925. 448 p.
8. Гухман М. М. К вопросу о развитии анализа в индоевропейских языках // Ученые записки 1 МГПИИЯ. М., 1940. Т. 2 : Вопросы грамматики. С. 18–34.
9. Зеликов М. В. Аналитизм и синтетизм как фазы единого цикла языковой эволюции [Электронный ресурс] // Тезисы XLVII Международной филологической научной конференции / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2018. URL: <https://conference-spbu.ru/conference/38/reports/7702>.
10. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
11. Зеликов М. В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберо-романских языков. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2005. 448 с.
13. Зеликов М. В., Иванова А. В. Функционирование глагола обладания в иберо-романских языках // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17, № 2. С. 232–253.
14. Зеликов М. В. Баскская мифология. Опыт лингвистической реконструкции. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 236 с.

УДК 811.134.2'37'42

Александра Владимировна Антоненко,
преподаватель-стажёр кафедры лексикологии испанского языка
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь
antonenko9824@gmail.com

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНАЛИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ ИСПАНСКОЙ ПРЕССЫ

В статье рассматриваются различные способы определения понятия «прецедентные единицы» с точки зрения манипуляционного воздействия, основные характеристики, которыми они должны обладать, и их место в классификациях К. В. Никитиной и А. А. Казакова. Также приведено несколько примеров, демонстрирующих попытки манипуляционного воздействия при помощи прецедентных единиц.

Ключевые слова: прецедентные единицы; классификация; манипуляционное воздействие; влияние; сознание.

Alexandra V. Antonenko

*Graduate Associate of the Lexicology of the Spanish Language
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus*

PRECEDENT ELEMENTS AS MEANS OF THE MANIPULATION IN THE ANALYTICAL ARTICLES OF THE SPANISH PRESS

The article considers the notion of the precedent element as means of the manipulation, its general characteristics and classification of K. V. Nikitina and A. A. Kazakov. There are some examples of the manipulation by means of precedent elements in the analytical articles of Spanish press.

Key words: precedent elements; classification; manipulation; influence; state of awareness.

Каждый день человек получает из разных источников информацию, которая формирует его картину мира и базу ориентиров и суждений. Каждый из этих источников, передавая информацию, преследует свою цель и, если мнения адресата и адресанта не совпадают, но последнему необходимо убедить в своей правоте оппонента, использует те или иные приемы убеждения, в том числе и манипуляционное воздействие.

Стоит отметить, что на данный момент не существует единой классификации инструментов речевой манипуляции из-за чего допускается некое варьирование в классификации прецедентных единиц. Например, К. В. Никитина в работе «Технологии речевого манипулирования в политическом дискурсе СМИ» за основание принимает аспект лексической единицы, который задействован в реализации манипуляции и выделяет 3 основных вида: лексико-семантические (конверсивы, номинализация, перифразы, уточнения, собственно оценочные слова, метафоры, метонимия, иностранные слова и др.), лексико-синтаксические (синонимы, антонимы, гиперонимы, деривационные модели, противопоставление, сравнения и любое изменение фразеологизмов, клише, пословиц и т. д.) и лексико-прагматические (выражают отношение автора к объекту при помощи негативной и позитивной вторичной номинации, различных коннотаций и модальности) [1, с. 9-11].

А. А. Казаков, систематизируя способы языкового манипулирования, выделяет три относительно самостоятельных уровня: микро-, мезо- и макроуровень. В качестве классификационного критерия он принимает радиус распространения воздействия.

Так, микроуровень реализуется в рамках слова или нескольких слов. Мезоуровень А. А. Казаков делит на 2 блока: «логический» и «эмоциональный», основываясь на направленности способов. В «логическом» блоке он разместил упрощение информации, перенос смыслового акцента, использование цифр и данных опросов, мнений авторитетных людей, обсуждение слухов и др. «Эмоциональный» блок мезоуровня, по мнению автора, включает в себя повторы, фразеологизмы, пословицы и поговорки, градации, невербальные способы воздействия (креолизованный текст и различные виды изображений, прикрепленные к нему) и юмор (от иронии до сарказма). На макроуровне манипуляция выходит за рамки лингвистики. [2, с. 88-89].

Так, в классификации К. В. Никитиной прецедентные единицы будут относиться к лексико-прагматической группе, однако А. А. Казаков относит их к «эмоциональному» блоку мезоуровня.

В научных трудах Н. А. Голубевой и Л. Талми под прецедентными единицами понимаются когнитивные знаки, которые «функционируют как образцовые языковые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов и представленные в речи определенными вербальными сигналами, которые актуализируют стандартное или нестандартное (по своей креативности) содержание» [3].

Н. А. Голубева в своей работе «Когнитивный аспект прецедентных единиц» выдвигает гипотезу о том, что прецедентной единицей является языковой элемент, который объективирует определенный когнитивный контекст, который раскрывает его генетическую связь с языковым и/или коммуникативным прототипом и, имея статус производности, выступает либо производным, либо производящим языковым знаком.

Согласно В. В. Красных, все прецедентные единицы должны быть актуальны в эмоциональном и когнитивном плане и хорошо известны в национально-лингвокультурном сообществе [4]. Схожие характеристики выделяет Ю. Н. Караулов для термина «прецедентный текст», определяя его как «значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, хорошо известный и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такой, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5, с. 216].

Исходя из вышесказанного прецедентные единицы – это общественные, исторические или культурные личности, тексты или явления, широко известные и значимые для определенного социального сообщества, которые многократно используются в дискурсе.

Несмотря на вариативность определения и классификаций, ученые пришли к общей системе характеристик прецедентов, которая включает в себя следующие пункты: производность, ментальность, стереотипность, включающая в себя повторяемость и узнаваемость, номинативно знаковая вариативность, реляционность, отсылочность, репрезентационность, лингвокреативность, которая включает в себя неординарность и словотворческое новаторство [6].

Los gamers son legión, están aquí para quedarse y no habrá quien pueda con ellos 'Геймеры – это легион, который пришел сюда, чтобы остаться и никто не сможет усмирить его' [7]. Данный пример связан с 5 главой Евангелия от Марка, которая называется «Иисус изгоняет демонов в стадо свиней». «Как только Иисус вышел из лодки, навстречу Ему из могильных пещер выскочил человек, одержимый нечистым духом. <...> Никто не мог усмирить его» и «Иисус спросил: – Как тебя зовут? – Меня зовут Легион, – ответил он, – потому что нас много».

Если сопоставить отрывки с примером, создается впечатление, что автор убеждает читателя, что видеоигры пришли в жизнь общества и настолько прочно в ней обосновались, что воспринимаются им как широко распространенное увлечение.

Относительно недавно общество столкнулось с новой реалией видеоигр, когда человек не играет, а только наблюдает за процессом со стороны. Перемены связаны с созданием открытых турниров по видеоиграм, которые известны как *eSports* и признанием их как кибер-спорта. Из содержания статьи становится очевидным, что автор дает положительную оценку этому феномену, предлагая варианты того, как можно присоединиться к данному явлению.

El hombre que soñaba con pasar inadvertido hasta caer emocionado en un campo de alcachofas lo hizo otra vez 'Мужчина, который хотел, чтобы никто не заметил, как он был впечатлен на артишоковом поле, сделал это снова' [8], связан с деятельностью М. Рахоя, который, как сообщает новостной сайт «Libertad Digital», в преддверии новых выборов предпринял поездку в Наварру на артишоковое поле, где по его собственным словам был «очень впечатлен» тем, какие «колоссальные усилия» прикладывают работники данной отрасли, чтобы обеспечить экспорт страны.

Un mundo casi feliz 'Почти счастливый мир' [8]. Только прочитав заголовок, возникает вопрос: «Почему почти?». Автор статьи уже завладел вниманием читателей. Далее в сознании некоторых читателей может возникнуть параллель с антиутопией Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», которая до сих пор пользуется популярностью, так как, несмотря на год ее написания, повествует о всех современных пороках общества. Основываясь на такой ассоциации, можно предположить, что в статье речь пойдет о реалиях современного общества и продолжит чтение, так как им может быть это интересно.

Un día de estos declarará la guerra en voz bajita y la noticia cerrará el telediario después del nuevo disco de Joaquín Sabina 'В один из таких дней объявит тихим голосом войну и завершит новостной выпуск после нового диска Х. Сабины' [8]. Хоакин Сабина – это испанский рок-певец, который считается одним из основоположников испаноязычной рок- и поп- культуры. Его новый диск носит значимое имя *Lo niego todo* 'Я все отрицаю' и был выпущен в марте 2017. Наибольший интерес представляет список песен, включенных в этот альбом:

1. Quién más, quién menos;
2. No tan deprisa;
3. Lo niego todo;
4. Postdata;
5. Lágrimas de mármol;
6. Leningrado;
7. Canción de primavera;
8. Sin pena ni gloria;
9. Las noches de domingo acaban mal;
10. ¿Qué estoy haciendo aquí?
11. Churumbelas;
12. Por delicadeza.

Давая ссылку на этот альбом, автор проводит параллель между названиями некоторых песен и связанными с Рахоем и его партией событиями, которыми сопровождался процесс выборов. Например, *¿Qué estoy haciendo aquí?* ‘Что я здесь делаю?’ подходит как продолжение предыдущего примера, т.е. автор как бы спрашивает, зачем Рахой ездил в Наварру. *No tan deprisa* ‘Не так быстро’ может быть намеком на то, что Рахой не смог сформировать правительство, из-за чего пришлось организовывать досрочные парламентские выборы, по результатам которых некоторые партии потеряли, а некоторые получили новые голоса, что очень созвучно с песней *Quién más, quién menos* ‘Кто больше, кто меньше’. *Lo niego todo* ‘Я все отрицаю’ намекает на ранее упомянутый коррупционный скандал “gürtel” и попытки Народной партии умолчать об этом. *Postdata* ‘Постскриптум’, вероятно, напоминает автору о последствиях референдума в Каталонии, *Canción de primavera* ‘Весенняя песня’ можно связать с «межсезоньем» парламентских выборов, когда каждая партия пыталась привлечь как можно больше сторонников. Композиция *Las noches de domingo acaban mal* ‘Воскресные вечера плохо заканчиваются’ может быть связана с итогами парламентских выборов, которые прошли 20 декабря 2015 и ввергли Испанию в правительственный кризис.

В целом, этот пример является примером того, как автор, так искусно употребивший прецедентность в своих целях, одной фразой в полной мере выразил свою точку зрения.

Подводя итоги, можно говорить о том, что прецедентные единицы являются многогранными и глубокими формами выражения влияния. С их помощью автор создает из обычного предложения или фразы целую историю. Однако нужно отметить, что прецедентные единицы имеют значительный минус: не каждый читатель сможет увидеть и понять все уровни такого явления. Это можно сравнить с картиной художника, подходя к которой, каждый видит то, на что хватает его воображения. Несмотря на свои недостатки, прецедентные единицы являются одним из главных способов влияния на сознание человека и манипуляции в особенности.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Никитина К. В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2006. 24 с.
2. Казаков А. А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе : попытка систематизации [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 87–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-yazykovogo-manipulirovaniya-v-politicheskom-mediadiskurse-popytka-sistematizatsii/viewer> (дата обращения: 25.09.2021).
3. Голубева Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы [Электронный ресурс] // Язык, коммуникация и социальная среда / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2007. С. 152–168. URL: <http://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2007pdf/LSE2007Golubeva.pdf> (дата обращения: 30.11.2021).

4. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, Л. И. Изотов. М., 1997. С. 26–40.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 262 с.
6. Лобан Т. В. Прецедентный феномен как объект исследования [Электронный ресурс] // Філалагічныя навукі. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnyy-fenomen-kak-obekt-issledovaniya/viewer> (дата обращения: 30.04.2020).
7. Los videojuegos como opción de futuro // Aula Magna. 2017. 27 de oct. P. 5.
8. Jabois M. Un mundo casi feliz // El País. 2017. 13 de febr. P. 21.

УДК 811.134.2'367'37

Ольга Чеславовна Байдак,
*старший преподаватель кафедры лексикологии испанского языка,
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь*
gramatica.baidak@gmail.com

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ПРИДАТОЧНЫХ И (ПСЕВДО)НЕЗАВИСИМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СОЮЗОМ *QUE* В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются придаточные предложения с союзом *que*, являющиеся как частью сложноподчиненного предложения, так и выступающие автономно в качестве псевдонезависимых предложений. В составе сложного предложения придаточные, вводимые союзом *que*, чаще всего используются как субстантивные или адвербиальные предложения причины, цели, условия, уступки. Отмечается, семантическая и прагматическая зависимость сложноподчиненных и псевдонезависимых предложений от предиката главного предложения.

Ключевые слова: союз *que*, придаточные предложения, псевдонезависимые предложения, сложное предложение, семантика, прагматика, употребление наклонений

Olga Ch. Baidak,
*Senior Lecturer of the Department of Lexicology of the Spanish Language,
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Republic of Belarus*

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF COMPLEX SENTENCES AND PSEUDO-INDEPENDENT SENTENCES WITH THE CONJUNCTION *QUE* IN SPANISH

The article considers the subordinate clauses with the conjunction *que* as a part of complex sentence and when it appears as a pseudo-independent sentence. They are used as nominal or adverbial clauses. It is important their dependence of the semantics and pragmatics of the predicate of the main clause.

Key words: conjunction *que*, subordinate clause, pseudo-independent sentence, complex sentence, semantics, pragmatics, use of moods

В теоретической грамматике сложное предложение рассматривается как полипредикативная единица, состоящая из двух и более компонентов, аналогичных простым предложениям, и образующая смысловое, структурное и интонационное целое [1, с. 735].

Проблемное поле грамматики и семантики сложного предложения (СП) связано с изучением основных признаков СП, определением критериев и типов классификации, исследованием соотношения между сочинительной, подчинительной и бессоюзной связью частей СП.

Дискуссионным остается вопрос об автономности частей сложного предложения. С одной стороны, наличие самостоятельного предикативного центра позволяет считать части СП отдельными предложениями. С другой стороны, структурно-семантическая целостность СП отражается на функционировании каждой из его частей.

Наиболее сильно зависимость компонентов СП наблюдается в сложноподчиненных предложениях (СПП). Грамматика Испанской академии указывает на особую спаянность частей СПП и рассматривает все придаточные предложения как инкорпорированные или включенные в главное [2, с. 232].

Для сложноподчиненных предложений (СПП) актуальны исследования семантических связей между главной и зависимой частями и выделение семантического центра, определение статуса соединительных слов (союзов, местоимений, наречий), а также изучение синтаксической организации СПП с полной и свернутой структурой, представленной опущением подчинительных слов, безглагольной главной либо придаточной частью, эллипсисом главного предложения, выделением псевдонезависимых предложений.

С точки зрения прагматики, представляет интерес изучение модусного потенциала сложноподчиненных предложений: использование придаточных предложений для передачи различных намерений говорящего: пожелание, оценки, сомнения, эмоциональной реакции. Адекватное понимание интенции говорящего обуславливает корректное употребление временных форм испанского глагола и их согласования в сложноподчиненном предложении с учетом семантических и прагматических факторов.

Изучение поставленных вопросов имеет прикладной характер и непосредственно связано с преподаванием таких дисциплин, как «Практическая грамматика» и «Теоретическая грамматика испанского языка» на разных уровнях получения высшего лингвистического образования.

В испанской грамматической традиции принята функциональная классификация СПП, основанная на приравнивании придаточных предложений частям речи, выступающим в функции соответствующего члена простого предложения [3, с. 174]. Данная классификация была разработана Теньером, который рассматривал придаточные предложения в качестве средства транспозиции личной формы глагола в функцию другой части речи [1, с. 740].

Согласно испанской академической грамматике выделяют следующие типы СПП: 1) с придаточными субстантивными, включающими в зависимости от синтаксической функции подлежащие, дополнительные, придаточные в роли именной части сказуемого; 2) адъективные, в роли определения; 3) адвербиальные, в роли обстоятельств различных видов [2, с. 233].

Обозначив основные аспекты изучения СПП, ограничимся рассмотрением семантических и прагматических особенностей придаточных и (псевдо)-независимых предложениями с широко распространенным союзом *que*.

Отметим, что в поле нашего внимания не оказываются придаточные определительные, которые вводятся относительным местоимением *que* 'который', схожим по форме, но отличающимся по функциям от союза *que*.

В первую очередь, в испанском языке СПП с союзом *que* представлены большой группой **субстантивных** предложений, в которых определяющую роль играет глагол модуса главного предложения. Важно, что намерение говорящего в данных предложениях выражено эксплицитно.

Семантика главного глагола определяет использование времен и наклонений в придаточном предложении. Употребление сослагательного наклонения обусловлено наличием глаголов, выражающих намерение, эмоции, оценку, сомнение. Изъявительное наклонение используется для констатации реальных фактов, утверждения, выражения уверенности.

Основные интенциональные характеристики предиката главной части субстантивных СПП с союзом *que*, обуславливающие использование времен сослагательного наклонения в придаточном предложении, являются:

- СПП с предикатом волеизъявления в главной части.
- Например: *Necesito que me ayudes*. 'Мне нужно, чтобы ты мне помог'.
Dice que os quedéis en casa. 'Он говорит, чтобы вы остались дома'.
Es imprescindible que lo hagan. 'Необходимо, чтобы они это сделали'. [4, с. 477]
- СПП с предикатом эмоциональной реакции в главном предложении.
- Например: *Me sorprendo de que estén allí*. 'Я удивлен, что они здесь'.
Es una pena que no hayan llegado. 'Жаль, что они не приехали'. [5, с. 76]
- СПП с предикатом оценки в главном предложении.
- Например: *Está bien que no insista*. 'Хорошо, что он не настаивает'.
Más vale que lo olvides. 'Лучше, чтобы ты это забыл'. [5, с. 77]
- СПП с предикатом, выражающим сомнение в главном предложении.

Следует отметить, что отрицание в главном предложении оказывает существенное влияние на значение, формируемое в главном предложении. Так предложения с конструкциями *es cierto*, *creo* и др. в утвердительной форме выражают уверенность, а в отрицательной передают сомнение. Например: *No está claro que nos haya entendido*. 'Не ясно, что он нас понял'. *No se afirma que llegue mañana*. 'Не утверждается, что он приедет завтра'. *No creo que sea malo*. 'Не думаю, что это плохо'. [5, с. 76]

Если модус главного предложения заключается в констатации факта, сообщении без эмоциональной интенциональной окраски, в придаточном предложении используется изъявительное наклонение. Например: *Veo que me aprecias*. 'Я вижу, что ты меня ценишь'. *Se nota que es francés*. 'Заметно, что он француз'. [5, с. 76]

В испанском языке использование союза *que* в некоторых СПП **обстоятельствственных** не является типичным, но все же в грамматике зафиксированы некоторые случаи.

– СПП обстоятельства причины. Важно, что зависимый глагол используется в изъявительном наклонении. Придаточное предложение обязательно выделяется запятой. Например: *Tú, ten cuidado, que nadie sabe lo que va a pasar aquí.* ‘Будь осторожен, так как никто не знает, что здесь может произойти’. [4, с.885] *Me voy, que tengo que vigilar a Rigoberto.* ‘Я уйду, так как я должен смотреть за Ригоберто’. [6]

– СПП обстоятельства цели, что определяет употребление зависимого глагола в сослагательном наклонении. Например: *Dile algo, que no te pase como la otra vez.* ‘Скажи ему что-нибудь, чтобы не получилось, как в прошлый раз’. [4, с. 890] *¡Ven que te vea!* ‘Иди сюда, чтобы я тебя увидел’. [6]

– СПП обстоятельства сравнения. *El ministro está [tan enfadado] que trina.* ‘Министр так недоволен, что звенит от злости’. *Pero si toreas [tan bien] que da gusto.* ‘Ты так искусно ведешь бой (корриду), что приятно на тебя смотреть’. [6]

Особый интерес представляют предложения с измененной, неполной структурой, так называемые независимые или **псевдонезависимые** предложения и их корреляция с полными сложноподчиненными предложениями [3, с. 177], [4, с. 823].

Имеются в виду сложные предложения с эллипсисом главного предложения. Предложение представлено только придаточным, начинается с союза *que*, что создает впечатление, что речь идет о независимом самостоятельном предложении.

Синтаксическая структура данных предложений может быть восстановлена до сложноподчиненных предложений соответствующего типа (с придаточным подлежащим, дополнительным, обстоятельства причины и т. д.) [7, с. 900]. Академическая грамматика аргументирует появление псевдонезависимых предложений тенденцией к преодолению избыточности языкового выражения и экономии языковых средств [8, с. 1271].

В большинстве случаев употреблений времён и наклонений в этих предложениях зависит от глагола в главном предложении и сложность заключается в том, что сказуемое главного предложения скрыто и оказывает имплицитное влияние на придаточное предложение, определяя его семантическое и прагматическое значение.

Анализ зафиксированных Королевской академией значений, для передачи которых используются **псевдонезависимые** предложения с союзом *que*, позволяет систематизировать их следующим образом.

А. Псевдонезависимые предложения со значением волеизъявления:

– выражающие пожелания:

Например: *(Quiero / (te) deseo) ¡Que tengas mucha suerte! ¡Que seáis muy felices!* ‘(Я хочу/Желаю, чтобы) Пусть тебе повезет! Будьте счастливы!’ [9, с. 155]

Сюда же относятся речевые клише: *(Espero) ¡Que descanses! ¡Que duermas bien!* *(Espero) ¡Que aproveche!* ‘(Надеюсь, что ты выспишься) Спокойной ночи! (Надеюсь, что еда тебе пойдет на пользу!) Приятного аппетита!’ [5, с. 93], [9, с. 158], [3, с. 177]

Иногда в данных устойчивых выражениях опускается союз *que*: (*Quiero que*); *Dios te ayude! ¡Dios os bendiga! Bienvenido seas. En paz descanse.* ‘(Я хочу, чтобы ...) Бог в помощь! Благослови, Господь! Добро пожаловать! Покойся с миром!’

– выражающие приказ или угрозу:

Например: (*Será mejor*) *¡Que no le vuelva a ver por aquí! (Dile) ¡Que venga cuando quiera!* ‘(Будет лучше) Чтобы я не видел его здесь снова! (Скажи ему) Чтобы пришел, когда захочет!’ [5, с. 93]

– выражающие в диалоге косвенный приказ:

(*Digo, ordeno, quiero, exijo que*) *¡Ven aquí! – Perdón. ¿Qué dices? – ¡Que vengas aquí, (por favor)!* ‘(Говорю, приказываю, хочу, требую, чтобы) Иди сюда! – Извини. Что ты говоришь? – Чтобы ты подошел сюда, (пожалуйста)!’ *¡Ayúdame! – Perdón. ¿Qué dices? – ¡Que me ayudes, (por favor)!* ‘Помоги мне. – Извини. Что ты говоришь? – Чтобы ты мне помог, (пожалуйста)!’ [5, с. 93]

В. Псевдонезависимые предложения, выражающие оценку с пожеланием.

No tienen dónde sentarse. – (Sería mejor) Que hubieran llegado antes. ‘Им негде сесть. – (Было бы лучше) Пусть бы они пришли пораньше.’

Pepe tiene hambre. – Que se aguante. (Sería mejor) Que hubiera comido más en el desayuno. ‘Пепе хочет есть. – Пусть терпит. (Было бы лучше) Пусть бы поел хорошо за завтраком’ [9, с. 158]

С. Зафиксированные языковые формулы со значением условия: *Que yo sepa, que yo recuerde, que yo vea, que yo haya visto* ‘Насколько я знаю, как я помню, как я вижу, как я увидел’ [9, с. 158],[5, с. 93]

Например: *Que yo sepa, todavía no han llegado. (si no me confundo)* ‘Как я знаю (если я правильно знаю), они еще не приехали’. *Que yo recuerde, la toma de Granada fue en 1492. (si no recuerdo mal)* ‘Как я помню (если я правильно помню), Гранада была взята в 1492 году’. *Que yo vea, nadie ha levantado la mano.* ‘Как я вижу (если я правильно вижу), никто не поднял руку’. *Que yo haya visto, nadie lo ha solucionado.* ‘Как я увидел (если я правильно увидел), никто это не исправил’.

Д. Псевдонезависимые предложения со значением уступки.

Que venga, que no venga (venga o no venga, aunque no venga), yo sí pienso ir a la fiesta. ‘Пойдет он или не пойдет (даже если он не пойдет), я собираюсь идти на праздник’. [6]

Que seas mayor, no presupone tu superioridad. ‘Хотя ты старше, не значит, что ты превосходишь меня’. [9, с. 158]

Е. Псевдонезависимые предложения, выражающие эмоциональные реакции:

– удивление;

Например: *¡Que sea tan ingenuo! (Es increíble)* ‘(Невероятно) Чтобы он был таким наивным!’ [9, с. 157]

– нетерпение, возмущение;

Например: (*Será posible*) *¡Que no se decida a hacerlo!* ‘(Возможно ли) Чтобы он не мог решиться сделать это!’ (*Será posible*) *¡Que fueran tan aburridos!* ‘(Возможно ли) Чтобы они были такие скучные!’ (*Será posible*)

¡Que haya habido tantos muertos! ‘(Возможно ли) Чтобы оказалось столько смертельных случаев!’ (*Será posible*) *¡Que no le hubieran visto a tiempo!* ‘(Возможно ли) Чтобы они не увидели его вовремя!’ [6]

– сожаление;

Например: *¡Que me pase esto a mí, a mis años!* (= *Siento*) ‘(Сожалею) Чтобы такое происходило со мной в мои годы!’ [6]

Псевдонезависимые предложения с глаголом в изъявительном наклонении:

– выражающие предупреждение;

Например: *¿Qué haces ahí arriba? ¡Que te vas a caer!* (= *Te advierto*) ‘Что ты делаешь наверху? (=Я тебя предупреждаю) Ты упадешь!’ [6]

– удивление в вопросительных предложениях;

Например: *¿Que no quiere gas? ¿Pues qué quiere?* (= *¿Dice...?*) ‘(Так он говорит, что) Он не хочет газ? Так а что он хочет?’ [6]

¿Que por qué me callo? ‘Так (говоришь), почему я молчу?’ [8, с. 1271]

– резюме сказанного собеседником;

Например: *O sea, que eres feliz.* ‘Так, ты говоришь, что ты счастлив’. *Vamos, que no existe educación musical.* (= *Dices*) ‘Так, ты говоришь, что нет музыкального образования’. [6]

– условие, предположение в вопросительных предложениях;

Например: *¿Que no llegamos a tiempo?* (= *si no llegamos a tiempo*) *Pues nos volvemos.* ‘(Говоришь) Если мы не успеем? Тогда мы вернемся’. [6]

– убежденность в вопросительных предложениях (с предлогом *a*);

Например: *¿A que es preciosa?* (= *Apuesto = ¿Es cierto?*) ‘(Спорим / Правда) А что, она прекрасна?’ [6]

– призыв собеседника к соревнованию, действию (в побудительных предложениях);

Например: *¡A que no me alcanzas!* (= *Apuesto*) ‘(Спорим) А что, ты меня не догонишь?’ [6]

Таким образом, анализ семантики и прагматики псевдонезависимых предложений позволяет отметить их противоречивый характер. С одной стороны, данные придаточные части сложного предложения обладают достаточной автономностью и формально эмансипируются от главного предложения. С другой стороны, адекватное понимание псевдонезависимых предложений возможно только при восстановлении связи с главным глаголом, семантические и прагматические установки которого обуславливают семантику и корректное согласование временных форм зависимого глагола.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка : учеб. для вузов. М. : Добросвет, 2004. 832 с.

2. Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. Синтаксис предложения : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1981. 303 с.

3. Esbozo de una Nueva Gramática de la lengua española = Современная грамматика испанского языка : в 2 ч. Ч. 2 : Синтаксис. СПб. : Лань, 1997. 256 с.
4. Manual de la Nueva Gramática de la lengua española. Real Academia Española. Madrid : Editorial Espasa Calpe, S.A., 2011. 1049 p.
5. Fernández J., Fente R., Siles J. Gramática. Curso intensivo de español. Madrid : SGEL, 1990. 271 p.
6. Diccionario panhispánico de dudas [Electronic resource] // QUE Conjunción. URL: <https://www.rae.es/dpd/que> (accessed: 18.03.2022).
7. Moliner M. Diccionario de uso del español. T. 2 : H-Z. Madrid : GREDOS, 1984. 1585 p.
8. Martínez Amador, E. Diccionario gramatical y de dudas del idioma. Barcelona : Ramón Sopena, 1974. 1498 p.
9. Moreno C. Curso de Perfeccionamiento (Hablar, escribir y pensar en español). Madrid : SGEL, 2007. 343 p.

УДК 811.134.2'373.43

Татьяна Михайловна Гридина

*преподаватель кафедры лексикологии испанского языка
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
gridina.tatiana.mslu@gmail.com*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования неологизмов в профессиональном дискурсе разных сфер на примере испанского и русского языков, что помогает понять, какие из переводческих приемов позволяют наиболее полно передать всю совокупность значений, заключенную в новой лексической единице какой-либо профессиональной сферы.

Ключевые слова: неологизмы, заимствования, вариативность, функциональная неоднородность, критерии дифференциации, коннотация, переводческие приемы.

Tatiana M. Gridina

*Professor of the Spanish Lexicology Department
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus*

FUNCTIONING OF NEOLOGISMS IN PROFESSIONAL DISCOURSE

The article deals with the peculiarities of functioning of neologisms in the professional discourse of various fields on the example of Spanish and Russian languages, which helps to single out translation techniques conveying the entire set of meanings contained in a new lexical unit of any professional field to the fullest extent possible.

Key words: neologisms, borrowings, variability, functional heterogeneity, differentiation criteria, connotation, translation techniques.

В условиях необратимых изменений, вызванных динамичным развитием технологий, а также пандемией коронавируса, происходят значительные преобразования на уровне профессиональных сообществ, лингвистической харак-

теристикой которых является наличие в них собственного профессионального дискурса. Процесс повсеместной компьютеризации и возможность удаленной работы способствуют выходу профессионального дискурса за пределы отраслевой сферы, что делает специализированную лексику весьма значимым компонентом в тематическом наполнении дисциплин по иностранным языкам. Возникают новые профессии, а вместе с ними новые понятия и объекты для номинации. В медицинском, ландшафтном, рекламном профессиональных сообществах русского языка появились, к примеру, такие лексические единицы, как *ковидные*, *локдаун*, *забанить*, *лэнд-граффити*. *Пластик* и *намордник* приобрели дополнительные значения у экологов и медиков. Испанский язык также стремительно пополняется неологизмами в различных профессиональных средах: *ioseros*, *cracker*, *covidioso*, *couchear*. Подобные единицы не зафиксированы в словарях, что препятствует пониманию их значений при обучении испанскому языку как иностранному.

Изложенной выше актуальностью обусловлена тема данного исследования и цель, которая заключается в выявлении особенностей функционирования неологизмов в профессиональном дискурсе на материале испаноязычных и русскоязычных источников СМИ, чатов и форумов профессиональных сообществ. Результаты позволяют определить наиболее подходящие переводческие приемы для передачи полноты значений, содержащихся в каждой новой профессиональной единице. Сопутствующими задачами в рамках достижения поставленной цели являются сопоставление отобранных методом сплошной выборки неологизмов специализированных сфер обоих языков по их структурно-семантическим характеристикам, а также анализ и систематизация трудностей, возникающих при подборе двусторонних соответствий.

Полученные знания могут быть применены в рамках обучения студентов языковых и неязыковых специальностей испанскому языку как иностранному, языку профессионального общения, языку для специальных целей, а также при обучении переводческим дисциплинам, поскольку специалисту необходим адекватный перевод и полное понимание профессионального дискурса.

Результаты исследования привели к следующим заключениям об особенностях функционирования неологизмов в профессиональном дискурсе.

1. Как в испанском, так и в русском языке доминирующее количество неологизмов в профессиональном дискурсе соотносится с заимствованием новых явлений и понятий из английского. Языки-реципиенты сталкиваются с проблемой борьбы между противниками и сторонниками англицизмов. Результатом является параллельное функционирование адаптированных и неадаптированных к фонетическим и словообразовательным нормам языка заимствований. Сравните испанские и русские пары: *hacer clics* и *cliquear*, *smartphone* и *teléfono inteligente*, *twitear* и *tuitear*, *скил* и *навык*, *дедлайн* и *крайний срок сдачи*, *девайс* и *устройство*. Зачастую данный процесс объясняется модой на англицизмы. Однако существуют и ситуации, в которых подобрать соответствия оказывается проблематичным: используемое в рус-

ском языке слово *воркшоп* в зависимости от ситуации может означать ‘курсы’, ‘семинар’, ‘мастер-класс’; *нейминг* как ‘разработка названий для услуг и компаний’ имеет сложный для произношения эквивалент *имяоб-разование*.

2. В испаноязычном профессиональном дискурсе отдельно стоит отметить и такую особенность функционирования неологизмов, как вариативность, обусловленную территориально (близость стран Латинской Америки к языку-источнику неологизмов). Латиноамериканский вариант испанского языка более склонен к грамматической ассимиляции англицизмов, в то время как в полуостровном доминирует семантическое калькирование. Сравните: *resetear* (от англ. *reset* ‘перезапустить’) в Латинской Америке и *reiniciar* в Испании.

3. Институт Сервантеса совместно с Ассоциацией академий испанского языка регулярно проводит конгрессы с целью упорядочивания корпуса неологизмов. Поскольку момент включения новых единиц в словари отложен во времени, то недавно появившиеся единицы уже могут исчезнуть, перестать употребляться в связи с устареванием обозначаемого ими понятия (слово *disquete*, едва попав в испанские словари, перестало быть популярным).

4. Неологизмы в любой профессиональной сфере отличает также то, что фиксация в словаре новой лексической единицы либо ее значения затрагивает в основном только терминосистему. Между тем профессиональный дискурс является неоднородным и предполагает функционирование и других лексических подсистем, как, например, профессионального просторечия и жаргонных единиц. Подробный обзор можно найти у С. Д. Шелова [1]. Так, в словарях испанского языка для единиц *telaraña* и *pieдра* отсутствуют новые значения ‘интернет’ и ‘проц’, а также не зафиксированы новые единицы *zumear*, *bugear* (‘увидеться в приложении Зум’, ‘сломаться (о программе)’).

Следовательно, для полноценного понимания и порождения текстов и сообщений в рамках профессионального дискурса, необходимо учитывать все составляющие его лексические подсистемы и уметь соотносить встретившийся неологизм с той или иной из них, чтобы осуществить наиболее адекватный перевод в зависимости от контекста. К примеру, технические инструкции составляются с использованием нейтральной терминологии, без вкраплений жаргонизмов и профессионализмов, которые, напротив, будут уместны в сообщениях в рамках специализированных форумов. Сравните: *Cliquea en la aplicación, reduce la ventanilla* (‘Запустите приложение, сверните окно’) и *Haz un click en la app, minimiza el ventanuco* (‘Кликни по проге, сверни окошко’).

5. Каждая из лексических подсистем профессионального дискурса имеет свои отличительные признаки. Так, существуют критерии для дифференциации терминов [1; 2; 3]. Однако специфика функционирования неологизмов такова, что данные критерии не всегда дают возможность определить принадлежность новообразования к определенной подсистеме. Так, одним из критериев терминов является их употребление в письменном дискурсе. Появ-

ление комбинированных форм дискурса (чат, форум, социальные сети) не позволяет отождествлять встречающиеся в них неологизмы только с терминами.

Обратимся к другим критериям дифференциации терминов, выделяемым лингвистами: внедренность, краткость, однозначность, отсутствие синонимов, номинативность, отсутствие дополнительных коннотаций.

Первый критерий – внедренность – характерен для терминосистем, но не позволяет соотнести неологизм с определенной лексической подсистемой именно в силу новизны и в силу территориальной вариативности (см. пункт 2).

В отношении краткости стоит отметить, что среди неологизмов это свойство присуще в большей мере профессиональному просторечию, нежели терминам. Сравните испанские просторечные *app*, *covidiar*, *torre*, *linkar*, *emailear* ('апа', 'подцепить ковид', 'системник', 'линкануть', 'замылить') с их терминологическими эквивалентами *aplicación*, *contagiarse con covid*, *bloque sistémico*, *pasar por el enlace*, *escribir correo electrónico* ('приложение', 'заразиться ковидом', 'системный блок', 'перейти по ссылке', 'отправить электронное письмо'). Любопытно отметить, что в данной серии примеров профессиональные просторечия образованы путем аббревиации.

Следующие критерии – однозначность и отсутствие синонимии – не являются показательными при анализе профессиональных неологизмов, поскольку на начальных этапах становления терминам не чужда полисемия и синонимия [4, с. 114]. Так, испанскому термину *dialer* соответствуют два значения ('разновидность компьютерного вируса' и 'утилита для подключения к глобальной сети'), а русским единицам *файл* и *компьютер* соответствуют синонимические пары *archivo* и *fichero*, *computadora* и *ordenador*.

Касательно номинативности и отсутствия дополнительной коннотации необходимо подчеркнуть, что данные свойства характерны для неологизмов, относящихся ко всем лексическим подсистемам, а не только к терминам, что вызывает трудности при подборе соответствующего эквивалента именно в силу новизны явления и единицы для его номинации. Сложно сказать, например, слово *disipador* следует относить к терминосистеме или к профессиональному просторечию, поскольку оно лишено экспрессивности и прочих дополнительных коннотаций в противовес общепринятому мнению о свойствах профессионального просторечия и жаргонизмов [1, с. 260]. Отличает же данную единицу профессионального просторечия от официально принятого термина *ventilador* лишь более точное определение функции данного устройства, что соответствует критерию номинативности и точности, которые присущи терминосистеме. В то же время от соотнесенности с определенной подсистемой будет зависеть и перевод: *охлаждающий вентилятор* или *кулер*.

Из всего вышесказанного следует, что для более четкого представления о принадлежности неологизма к определенной лексической подсистеме соответствующего профессионального языка необходимо учитывать всю совокупность приведенных критериев.

6. Функционирование неологизмов в профессиональном дискурсе, помимо уже упомянутой территориальной близости к стране – источнику новшеств, обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как популярность, интенциональность, развитость отрасли, возрастной контингент ее представителей. В испаноязычных странах, как и в русскоязычных, например, модно использовать англицизмы: *link*, *smartphone*. Наряду с использованием англицизмов (*линк*, *смартфон*), в среде русскоязычных специалистов создание неологизмов часто имеет целью привнести элемент юмора в общение: *намордник* ('медицинская маска'), *мыло* ('электронная почта').

Приведенные пункты обнаруживают как сходства, так и расхождения в особенностях функционирования неологизмов в профессиональном дискурсе обоих языков, что приводит к определенным сложностям при переводе. Так, из двух приведенных в пункте 6 единиц только для второй имеется полное стилистическое соответствие – *emilio*. В отношении же первой наиболее подходящим будет распространенный, но нейтральный вариант *subrebocas*. Следовательно, сохранить при подборе эквивалента в ПЯ полное функционально-стилистическое соответствие профессиональному неологизму ИЯ и точно передать его смысловое содержание оказывается достаточно сложной задачей в противовес утверждению С. В. Виноградова об отсутствии особых проблем при воссоздании общих неологизмов [5, с. 121].

Проведенный анализ и систематизация возникающих при двустороннем переводе трудностей позволил выявить ряд недочетов общепринятых для перевода неологизмов приемов при применении их же к профессиональным неологизмам, а также позволил подобрать наиболее подходящие решения. Рассмотрим полученные результаты:

а) Широко используемый описательный прием при переводе профессиональной лексики не позволяет сохранить все коннотации. Так, при переводе русского слова *ковидник* в значении 'место, где находятся заболевшие ковидом' происходит утрата коннотации неприязни и брезгливости, что наблюдается и при описательном переводе на русский язык испанского слова *coronabicho* 'вирус, который может вызвать заболевание ковидом'.

б) Транскрибирование и транслитерация, позволяя избежать пространных описаний, могут привести к неполному пониманию нового понятия, поскольку его содержание приходится выводить из контекста. Так, единицы *bot* 'бот', *trol* 'тролль', *dron* 'дрон', звучат кратко, передают весь объем понятия, но в различных контекстах содержание этих единиц может быть интерпретировано по-разному. Так, *blog* 'блог' может быть понят как дневник, а также как платформа для обмена мнений. При этом, ни одно, ни другое толкование не дают полного понимания значения данной единицы, поскольку *блог* представляет собой расположенный в сети Интернет авторский журнал событий, где читающие его пользователи могут публиковать комментарии.

в) Прием генерализации также может привести в случае перевода текста специальной тематики к потере тех или иных сем. Так, ошибочным будет обобщить словом *mensaje* различные виды сообщений (*sms, multimedia, tuit, me gusta, repost*), поскольку каждому виду сообщений могут соответствовать, например, определенные манипуляции в социальных сетях.

г) Словотворчество оказывается довольно частотным и удачным переводческим приемом при переводе неологизмов профессиональных сфер. Однако, для применения данного приема необходим опыт и знания, в том числе о структурно-семантических особенностях неологизмов ИЯ и ПЯ. Например, при подборе эквивалентов отсутствующим в терминологических словарях, но являющимся популярными в профессиональном просторечии русским единицам *ресетнуть, делитнуть, забанить, аттачить*, можно применить следующие знания. Во-первых, в испанском языке существует мода на англицизмы. Во-вторых, заимствование «порывает с системой того языка, в котором оно существовало ранее, и включается в систему другого языка и оформляется по правилам и средствами этого языка» [6, с. 234]. В-третьих, наиболее продуктивными словообразовательными глагольными суффиксами в испанском языке являются *-ar, -ear*. Логично предположить, что испанскими эквивалентами указанных русских единиц будут словоформы *resetear, deletear, banear* и *atachar* или *atachear*. Поиск образованных слов в сети Интернет подтвердил предположения. Аналогично, при переводе испанских единиц *macoseros, ioseros, covidioso* языковая догадка подсказала оказавшиеся достаточно частотными русские словоформы *макосники, айосники, ковидник*.

Подводя итоги, отметим, что выявленные в ходе исследования особенности функционирования неологизмов в профессиональном дискурсе на материале русского и испанского языков, а также анализ возникающих при их переводе трудностей, позволяют утверждать, что полная передача всех значений новой лексической единицы является достаточно сложной задачей. Наиболее подходящим решением зачастую оказывается словотворчество, основанное на языковой догадке, для формирования навыка которой необходимо владеть знаниями о структурно-семантических характеристиках лексических единиц, деривационных (морфологических, семантических и синтаксических) процессах ИЯ и ПЯ. Знания о словообразовательных моделях поможет соотнести встретившийся в определенном контексте неологизм с терминосистемой, жаргонизмами или профессиональным просторечием, поскольку в рамках каждой подсистемы наблюдаются свои характерные тенденции. Так, русским терминам свойственна определенная формальная структура [2]. Единицам профессионального просторечия, как было отмечено в начале статьи, присуща аббревиация. Это же справедливо и в отношении гибридизации (присоединение испанских или русских аффиксов к английской основе), прибегая к которой представители определенной профессии стараются закодировать свой дискурс, подчеркнуть свою отнесенность к кон-

кретной сфере. Сравните нейтральные *cargar, navegar, guardar* ('загрузить', 'искать в сети', 'сохранить') и их эквиваленты с форумов профессиональных сообществ *aploadear, internetear, savear* ('закинуть', 'сёрфить', 'засэйвить').

Наличие английской основы делает такие единицы «модными», а аффиксы родного языка – удобными для образования новых единиц. Как следствие, профессиональные неологизмы мигрируют в широкие массы, где активно модифицируются: *насмартфониться, залогинить, tuitear, faceboquero*. Изменениям подвергается и культурная составляющая языков: испанская поговорка *En abril, aguas mil* превратилась в *En abril, contagios mil*, а известные русские пословицы *Семь бед – один ответ, Кашу маслом не испортишь* трансформировались в *Семь бед – один Reset, Компьютер памятью не испортишь*. Интенсивная демократизация профессиональных неологизмов, ее влияние на культурный аспект и словарный состав современных языков представляет особый интерес для дальнейших исследований.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шелов С. Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. М. : ПринтПро, 2018. 472 с.
2. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
3. Лингвистический аспект стандартизации терминологии / В. П. Даниленко, И. Н. Волкова, Л. А. Морозова, Н. В. Новикова ; РАН, Ин-т рус. яз. М. : Наука, 1993. 128 с.
4. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка. 2-е изд., исп. и доп. М. : Высш. шк., 2003. 244 с.
5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М. : РАО, 2001. 224 с.
6. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. М. : Омен, 1998. 259 с.

УДК 81'25:2-264

Лариса Евгеньевна Ильина,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры романской филологии и методики преподавания
французского языка Оренбургского государственного университета
nerol2620@mail.ru

Рустам Рамилович Каримов,
студент 2 курса направления подготовки 45.03.02 Лингвистика,
Оренбургского государственного университета
rustam.016563@gmail.com

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЛОКАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена способам перевода наименований мифологических локаций славянских культур на английский и французский языки. В статье указывается, что при переводе необходимо не только сформулировать название понятия на языке перевода, но донести до

иностранного читателя основную мысль, заложенную в наименовании мифологической локации и произведения в целом. Авторы приходят к выводу, что названия этих стран или земель составляют содержательную основу мифов, а затем, в ходе развития общества, становятся мифологизмами, так как к сюжетно-мотивационной конструкции художественной реальности по образцу мифологического стереотипа прибегают многие писатели. Авторами предлагается использование термина *мифологическая локация* (от лат. *locatio* - положение, размещение) в значении отдельной области вымышленного мира, в которой происходит действие мифа, эпического или художественного произведения.

Ключевые слова: перевод, славянская мифология, мифологизм, мифологическая локация, проблемы перевода

Ilyina Larisa Evgenievna,
candidate of pedagogical sciences,
Associate Professor of the Department of Romance Philology and Teaching
Methods
French Orenburg State University

Karimov Rustam Ramilevich
2nd year student of the direction of preparation 45.03.02 Linguistics,
Orenburg State University

MYTHOLOGICAL LOCATIONS: PROBLEMS OF INTERPRETATION

The article is devoted to the ways of translating the names of the mythological locations of Slavic cultures into English and French. The article points out that when translating, it is necessary not only to formulate the name of the concept in the language of translation, but to convey to the foreign reader the main idea inherent in the name of the mythological location and the work as a whole. The authors come to the conclusion that the names of these countries or lands form the content basis of myths, and then, in the course of the development of society, they become mythologisms, since many writers resort to the plot-motivational construction of artistic reality on the model of a mythological stereotype. The authors propose the use of the term mythological location (from Latin *locatio* - position, placement) in the meaning of a separate area of a fictional world in which the action of a myth, epic or work of art takes place.

Key words: translation, Slavic mythology, mythologism, mythological location, translation problems

В мифологии всех народов, в мировом эпосе, в научной, научно-популярной и художественной литературе описываются различные места (вымышленные или реально существующие), волшебные (дальние / заморские страны), места, наделенные чудесной силой, либо дарующие ее. В самом общем смысле названия этих стран или земель составляют содержательную основу мифов, а затем, в ходе развития общества, становятся мифологизмами, так как к сюжетно-мотивационной конструкции художественной реальности по образцу мифологического стереотипа прибегают многие писатели.

Древнегреческую религию и мифологию изучали Ф. Ф. Зелинский, А. И. Покровский, Н. А. Кун [1]; мифы и религию Древнего Рима – William Warde Fowler, North, John., П. П. Гнедич, Ю. Б. Циркин. Славянскую мифологию изучали А. Н. Афанасьев, Е. В. Аничков, Л. Нидерле, В. Я. Пропп [2].

А. В. Юдин исследовал функционирование имен собственных в русском магическом фольклоре. Результатом изучения славянских древностей стал этнолингвистический словарь Н. И. Толстого [3].

Изучение мифов продолжается и сегодня, так А. Ф. Журавлёв, исследуя взаимовлияние языка и поэтики мифа, составил лингвистический комментарий к работе А. Н. Афанасьева о поэтических воззрениях славян на природу.

Среди последних работ по теории и практике перевода лет отметим исследование М. С. Магильян, посвященное проблемам интерпретации при переводе мифологизмов, трудности перевода жанровых особенностей мифологических текстов при экранизации мифов рассмотрены М. А. Корецкой. Семантические проблемы перевода, проблемы «непереводимости», целенаправленное формирование переводческой техники представлены в работах А. Д. Швейцера, С. Влахова, С. Флорина, В. Н. Крупнова [4]. Отдельного исследования, посвященного особенностям перевода мифологических локаций нами не выявлено.

Анализ теоретического материала позволил сформулировать **тему исследования:** Мифологические локации: проблемы интерпретации.

Цель исследования: выявить особенности перевода мифологических локаций и обосновать особенности их интерпретации

Материал исследования: статьи и материалы энциклопедии и интернет-источники на русском, английском и французском языках о областях вымышленного мира, в которых происходит действие мифа, эпического или художественного произведения.

Методы исследования: анализ и синтез научной литературы по проблеме исследования, сравнительно-сопоставительный метод, метод сплошной выборки, контекстуальный анализ.

Основные результаты и выводы исследования.

Уровень современной коммуникации делает доступными любые тексты. Мифические персонажи и объекты становятся элементами фильмов, сериалов, компьютерных игр. Первоначально заложенные в мифологических персонажах качества и свойства изменяются вплоть до противоположных. Названия мифологических локаций вошли в устойчивые словосочетания, первоначальное значение которых может быть непонятно современным носителям языка и создавать трудности при переводе.

В культуре каждого народа особые земли, волшебные страны, куда стремился попасть каждый человек, но которые были чаще всего недостижимыми по разным причинам.

В Античности у древних греков священным местом была гора Олимп, именно на ее вершине находился Зевс и другие боги. Римляне, познакомившись с пантеоном греческих богов и соединив их со своими богами, разместили их на Капитолийском холме.

В иудаизме и христианстве *Святой обетованной землей* называли регион, который на протяжении всей истории, начиная от библейских времён до наших дней, всегда был тесно связанный с Государством Израиль.

В более общем плане *Земля обетованная* может также представлять собой любое место (или состояние, ситуацию), несколько идеализированное (в плане надежды, изобилия, счастья, будущего). Это труднодоступное место, до которого мечтает добраться человек, воспринимается как личная награда или должное, хотя бы потому, что человек потрудился, чтобы добраться до него.

В славянской мифологии таким местом считался ирий. Ирий (*ирей, вирий, вырий, вырей*) – древнее название рая и райского мирового дерева; мифическая страна, находящаяся на тёплом море на западе или юго-западе земли, где зимуют птицы и змеи. Ирий – это страна солнца. Необходимо отметить, что в славянской мифологии словом ирий обозначался не мифический рай, а реально существующее географическое место, разные версии славянских мифов размещают ирий в Беловодье, на Эльбрусе, на Урале, или на Байкале. Ирий – это место, где собираются славянские боги [5]. Через Ирий протекает Молочная река, вследствие чего Ирий имеет еще одно название – Беловодье. Б. Успенский проанализировал обширный этнографический материал об Ирии и сделал вывод, что «ирий» – общее обозначение потустороннего мира [6]. Первое упоминание об Ирии содержится в «Поучении» Владимира Мономаха.

Передача названий мифологических локаций может осуществляться с помощью переводческих приемов транскрипции и транслитерации. Транскрипция – это воспроизведение звучания иностранного слова, транслитерация – это воспроизведение буквенного состава иностранного слова на языке перевода. При переводе текста, содержащего наименование мифологической локации ИРИЙ на французский язык можно перевести ее с помощью транскрипции - Irîi; Virîi, и соответственно Vugaj; Irij при передаче е с помощью транскрипции на английский язык. Но данные слова, скорее всего, будут непонятны людям другой культуры и кроме указания на иностранное происхождение, семантизация слова будет затруднена из-за разницы в фоновых знаниях.

Поэтому переводчику необходимо обратиться к культуре, истории и литературе языка страны перевода и найти в ней несколько близких понятий, а затем на основе контекста и общей направленности работы на языке оригинала выбрать один вариант перевода.

В англоязычных текстах славянский рай может обозначаться словосочетаниями: The Kingdom of Orona (Опоньское царство), Nav (Навь – город (страна/царство) мертвецов), Kitezsh (Китеж-град), Cockaigne Страна Кокейна.

Рассмотрим фрагмент текста с сайта *Meet the slavs* <https://meettheslavs.com/slavic-mythological-places/>, где упоминается The Kingdom of Orona – Опоньское царство. *Опоньское* – это искаженное русское слово – *японское*. Нам удалось установить, что про Японию в Древней Руси говорили, прежде всего, как про очень далекую, чудесную и недосягаемую страну. Интересно в этом примере сравнение правителя Опоньского царства с Королем Артуром.

This kingdom of Opona was also known as Golden Land, and Belovodye. Ancient Russians believed that this imaginary place existed at the edge of the Earth which they imagined as a flat plane.

It was believed that in this kingdom lived Russian peasants who are free and happy. The kingdom of Opona was ruled by the White Tsar who was true and just in his actions and deeds (he is kind of similar to King Arthur)

Это Опоньское царство было также известно как Золотая Земля и Беловодье. Древние русичи верили, что это воображаемое место существует на краю Земли. Землю они представляли плоской.

Считалось, что в этом царстве жили свободные и счастливые русские крестьяне. Царством Опона правил Белый царь, который был правдивым и справедливым в своих действиях и поступках (он чем-то похож на короля Артура).

Другое название чудесной страны, находившейся где-то на Востоке – Беловодье. Считается, что длительное время, примерно со второй половины XVIII века, местонахождением страны древнего благочестия была долина реки Бахтармы (один из притоков Иртыша), мифического Беловодья или молочной реки с кисельными берегами. Такое поэтическое описание появилось по характерному белому цвету воды в Бахтарме. Интересен факт, что именно в Беловодье по замыслу Н. В. Гоголя должны были переселиться герои второй (утраченной) части «Мертвых душ».

На французском языке *Беловодье* упоминается при описании Шамбалы (<https://fr.wikipedia.org/wiki/Shambhala>):

La tradition chrétienne occidentale l'identifie parfois au « Royaume du prêtre Jean » des Nestoriens alors que la tradition chrétienne orientale parle des légendes liées à « la terre des blanches eaux » ou à « l'île blanche » ou encore « Bélovodié », particulièrement répandues chez les Orthodoxes vieux-croyants.

Западно-христианская традиция иногда отождествляет ее (Шамбалу) с «Царством священника Иоанна» несториан, в то время как восточно-христианская традиция говорит о легендах, связанных со «страной белых вод», с «белым островом» или с «Беловодьем» (русский язык: белую воду), особенно распространенных среди последователей старообрядческих традиций.

В следующем примере, взятом с сайта *Université Paris IV Sorbonne* (<http://www.recherches-slaves.paris-sorbonne.fr/Cahier3/Conte.htm>) мы находим описание Китеж-града и причин его исчезновения:

Cette ville a subsisté intacte jusqu'à nos jours, avec ses murailles de pierres blanches, ses églises aux coupes dorées, ses saints monastères, les terems des princesses, les palais des seigneurs, avec ses maisons aux solides et saines charpentes de bois. Elle est intacte, mais invisible. Il n'est pas donné aux créatures pécheresses de voir la glorieuse Kitèje. Elle s'est dérobée à la vue, miraculeusement, sur l'ordre de Dieu, quand Baty, le tsar impie, vint y porter la guerre après avoir ruiné la Russie de Souzdal. Le tsar des Tatars était venu jusqu'aux murs de la grande Kitèje, dans le dessein d'incendier ses maisons, de massacrer les hommes ou de les emmener en captivité, de prendre les femmes et les filles pour concubines.

Этот город сохранился в первозданном виде до наших дней, с его белокаменными стенами, церквями с золотыми куполами, его святыми монастырями, теремами для царевен, царскими дворцами, домами с прочными и целебными деревянными остовами. Он цел, но невидим. Грешным созданиям не дано увидеть славный Китеж-град. Он ускользнул из виду, чудесным образом, по велению Бога, когда нечестивый хан Батый, разорив Суздальскую Русь, пришел завоевать его. Хан Батый подошел к стенам великого Китежа с намерением сжечь дома, зарезать или пленить мужчин и взять женщин и девушек в наложницы.

Во французском тексте Батый именуется царем *Tatar* (*le tsar des Tatars*), но учитывая традицию русских исторических текстов, мы употребили в переводе *Хан Батый*. Также мы отмечаем, что во французском языке имеется несколько способов написания мифологической локации Китеж: *Kitej, Kitèje, Kitège*.

Рассмотрим примеры перевода названия еще одной мифологической локации. Одним из самых ранних проявлений поиска места, где возможно счастье, было стремление найти Страну Кокейна (Земля Кокени, Кокейн), царство, воспеваемое по всей Европе в XII–XVI веках. Кокейн был страной, спрятанной в каком-то отдаленном уголке земного шара, где преобладали идеальные условия жизни.

Cockaigne was a peasant's vision of paradise that tells us much about life in the medieval and early modern periods. A sure supply of rich food and plenty of rest were the chief aspirations of those who sang the praises of this idyllic land.

Страна Кокейна представляла собой крестьянское видениерая, которое многое рассказывает нам о жизни средневековья и раннего Нового времени. Надежный запас обильной пищи и обильный отдых были главными чаяниями тех, кто воспевал эту идиллическую землю.

На сайте *Russia Beyond* мы нашли описание страны мертвых Нави (фр. *Nav*), которая рассматривалась в славянской традиции как мир, противопоставленный Яви – миру живых <https://fr.rbth.com/histoire/80236-monde-morts-slaves>:

Quand un homme mourrait, son âme quittait Yav' et partait pour le monde souterrain parallèle appelé Nav'. Contrairement à la tradition chrétienne, les anciens Slaves ne faisaient pas de distinction entre le paradis et l'enfer et pour eux, tous les morts allaient à Nav' (traduit comme « mort ») : le seul endroit où l'âme du défunt puisse aller et là où vivent également d'autres créatures.

Когда человек умирал, его душа покидала Явь (мир живых) и отправилась в параллельный подземный мир, называемый Навь. В отличие от христианской традиции, древние славяне не делали различия между раем и адом, и для них все мертвые отправлялись в Навь (в переводе «смерть», страна мертвых): единственное место, куда могла попасть душа умершего и где живут и другие существа.

Здесь требуется уточнение, так как текст на французском языке неточно передает сведения. В тексте читаем: «les anciens Slaves ne faisaient pas de distinction entre le paradis et l'enfer» (древние славяне не делали различия между раем и адом) – это содержательная ошибка, так как у древних славян был еще один мир *Правь* – мир светлых богов, аналог христианского рая, а *Навь*, соответственно, была обителью тёмных божеств или адом в понимании христианской религии. Впервые эта триада (Явь, правь и Навь) была описана у «Книге Велеса», происхождение которой достаточно спорно, ученые считают, что это фальсифицированный документ, выдаваемый за текст IX века.

Таким образом, проблема интерпретации названий мифологических локаций, существующих в мифах, фольклорных, эпических и других произведениях заключается в том, что они чаще всего не имеют лексических эквивалентов в других языках. Предложенные схемы анализа и перевода мифологических локаций способствуют формированию компетенций переводчика в понимании последовательности действий при переводе мифологических локаций, формированию умений определения объема данного понятия и его смысловой нагрузки в тексте оригинала для подбора соответствующей локации в языке перевода, профессионально навыка уточнения семантики и функций мифологических локаций в культурах языка оригинала и языка перевода.

Новизна данной работы заключается в введении в научных обиход и использовании термина *мифологическая локация* (от лат. *locatio* – положение, размещение) в значении отдельной области вымышленного мира, в которой происходит действие мифа, эпического или художественного произведения.

Перспективность исследования заключается в особенностях языков и культур. Расширяя круг поиска, используя выработанные приемы формирования профессионально навыка уточнения семантики и функций мифологических локаций в культурах языка оригинала и языка перевода в исследовании будут вовлекаться малоизученные языки Африки, Сибири, коренных народов Нового света.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зелинский Ф. Ф. Автобиография // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России : Альманах. СПб., 2012. Вып. 4. С. 46–197.
2. Журавлёв А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2005. 1004 с.
3. Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 2012. 5 т.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Междунар. отношения, 1980. 344 с.
5. Будур Н. В. Сказочная энциклопедия / общ. ред. Н. В. Будур. М. : Олма-Пресс, 2005. 606 с.
6. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М. : Изд-во МГУ, 1982. 245 с.

УДК 811.133.1' 42

Светлана Ефимовна Кремзикова
доктор филологических наук, доцент
заведующий кафедрой романской филологии
Донецкий национальный университет, Донецк
svetlana-kremzikova@rambler.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ СИТУАЦИЙ В ДИСКУРСЕ КОНФРОНТАЦИИ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье представлено концепцию деятельностной ситуации как универсальной категории дискурса, которая с одной стороны, находит свое воплощение в высказывании с помощью таких традиционных понятий как лексическое, словообразовательное, грамматическое значение, а с другой стороны, соседствует с такими когнитивными структурами как фрейм, сценарий, отражая концептуальные связи с действительностью. В рамках данной проблемы в работе анализируются лингвокреативные процессы в языке и их роль в организации дискурса конфронтации в диахроническом аспекте как синтеза разных типов деятельности: речевой, когнитивной, коммуникативной, социальной.

Ключевые слова: деятельностная ситуация; лингвокогнитивная модель; конфронтация; дискурс; участник ситуации; языковая картина мира

Svetlana Y. Kremzykova
Doctor of Philology, Associate Professor
and Chair of the Romance Languages Department,
Donetsk National University, Donetsk

LINGUO-COGNITIVE BASES FOR MODELING ACTIVITY SITUATIONS IN CONFRONTATION DISCOURSE (DIACHRONIC ASPECT)

The article presents the concept of the activity situation as a universal category of discourse, which, on the one hand, is embodied within the framework of the statement with the help of such traditional concepts as lexical, derivational, grammatical meaning, and on the other hand, is adjacent to such cognitive structures as frame, scenario, reflecting conceptual connections with reality. Within the framework of this problem, the paper analyzes linguo-creative processes in the language and their role in organizing the discourse of confrontation in the diachronic aspect as a synthesis of different types of activity: speech, cognitive, communicative, social.

Key words: activity situation; linguo-cognitive model; discourse; participant of the situation; language picture of the world

Понятие «ситуации» как единицы описания языковой картины действительности по-разному толкуется в работах по философии языка, логике, лингвистике. Прежде всего, понятие «языковой ситуации» определяется как совокупность форм существования языка в определенном государстве или

регионе с учетом их функциональной специфики [1, с. 481]. «Речевая ситуация» реализуется в языковой ситуации, в конкретных условиях коммуникации, характеризует определенные обстоятельства речи. «Коммуникативная ситуация» определяет готовность коммуникантов использовать конкретные подъязыки и их стилистические средства в речевой деятельности. Она определяет речевое поведение, способы реализации коммуникативной интенции (стратегию, тактику коммуникации) [2, с. 337]. Разграничивают понятия «текстовой ситуации» и «речевой ситуации». «Текстовая ситуация» отличается характером парадигматических средств, к которым относятся не только языковые нормативные явления, но и контекстуальные парадигмы, которые отражают многоаспектную картину мира [3, с. 12]. Считается, что языковая картина мира беднее концептуальной, поскольку в языке фиксируется не вся совокупность знаний о мире, а лишь та информация, которая отмечена этнокультурной спецификой [4, с. 60]. Указывая на связь языковой и концептуальной картин мира, ученые обращают внимание на то, что концептуальная картина мира более подвижна, она быстрее меняется под влиянием внеязыковых факторов социально-исторического и когнитивного характера [5, с. 9]. Т. А. ван Дейк рассматривает ситуации как схемы, модели, отражающие знания, убеждения, взгляды, опыт носителей языка, которые находятся в основе порождения и понимания текста. Модели ситуаций носят структурный характер и являются многоуровневыми категориальными. Он определяет такие категориальные элементы ситуации, как условия, обстоятельства, Участники, События, Действия [6, с. 185]. В большинстве определений ситуации выделяются ее основные структурные компоненты: 1) участники ситуации; 2) событие, действие, процесс, факт; 3) время; 4) пространство и место; 5) оценка.

Дискурс, определяемый как закрепленное в языковом пространстве повторяющееся функционально-смысловое единство коммуникативных ситуаций и речевых актов, представляет свой собственный языковой уровень и соответствующие структуры и формы характеризуется временным измерением, а также общими принципами и условиями формирования [7; 8, с. 39]. Характеризуя дискурс как явление континуального порядка, которое допускает членение на «условные дискретные единицы», В. И. Карасик считает, что для его анализа применимы понятия «дискурсивный акт» и «дискурсивная сцена» [9, с. 288]. В настоящем исследовании, в роли универсальной и комплексной единицы дискурса, рассматривается деятельностная ситуация, которая формируется на пересечении субстанциональных и процессуальных характеристик. Деятельностная ситуация как комплексная дискурсивная единица объединяет, по нашему мнению, аспекты языковой ситуации (используются единицы системы языка соответствующего исторического периода), коммуникативной ситуации (элементы конкретных подъязыков и их стилистических средств), текстовой ситуации (контекстуальные парадигмы различной структуры), категориальной ситуации (актуализация грамматических

категорий: времени, аспекта, рода действия и т. д.), когнитивной ситуации (стереотипы, которые отражают знания, убеждения, взгляды, опыт носителей языка; оценки определенных явлений, действий, событий) [10; 11]. Смысловой основой этой единицы является такой атрибут субстанционального участника, как одушевленность. Деятельностные ситуации совершаются в определенной социально-культурной сфере, вербализуются в соответствующем дискурсе путем актуализации ключевых концептов. Различным дискурсам соответствуют определенные ситуации, в которых эти дискурсы реализуются. Считается, что дискурсы содержат культурные коды эпохи, все то, что необходимо для ее понимания и оценки.

Анализ деятельностной сферы дискурса как многомерной ситуации, предполагает языковую интерпретацию любого состояния дел, включая объективные отношения, имеющие место в реальном мире: реальные действия характеризуются временными и пространственными координатами, а в языковом толковании (в отличие от события и факта) качественными признаками. Ядерным репрезентантом деятельностной ситуации в дискурсе выступает ключевое слово, семантика которого выражает основной концепт. Концепты как обобщение структурированного знания формируются предметной деятельностью людей и отражают ключевые понятия национальной концептосферы. Понятийное ядро концепта потенциально содержит все смысловые связи с единицами лексико-семантического комплекса, которые его вербализуют и определяют его дискурсивный смысл, являясь, по мнению С. Г. Воркачева, «своего рода коллективным интенционалом» [4, с. 54]. Такими, для эпического и исторического дискурсов Европы Средневековья, в частности, Франции XI–XIII вв, являются оппозитивные концепты «*crestien / crestiente*» ‘христианин/ христианство’ и «*raien / raienie*» ‘язычник /язычество’. Деятельностная ситуация конфронтации цивилизаций представляет собой смысловое развертывание опорного концепта, реализуя правило замен, включающих синонимический ряд: война, столкновение, противостояние, противопоставление, противоборство, вооруженный конфликт, конфликт, стычка.

Для христианина мировосприятие сводится к обобщенной картине, в центре которой находится деятельный Бог со всеми его атрибутами: гневом, наказанием за грехи, помощью, прощением. Выполнение одинаковых обрядов, общий жизненный уклад, который определяется религиозными установками, способствует солидаризации членов общества независимо от их социального положения, отделяет их от других социумов, и нередко являются основой противостояния, противоборства, столкновения. Социальные факты как элементы социальных институтов, таких как религия, вербализуются единицами языковой системы. Сравнивая социальный факт и языковой знак, ученые отмечают их произвольность, конвенциональность, производность от коллективной воли, а также их назначение управлять поведением других. Основная задача верующего человека выразить чаяния, мольбы, надежды, а в ситуации конфронтации найти поддержку Всевышнего [12].

Так, в ситуации батального действия против иноверцев французские рыцари обращаются к Богу-творцу за помощью и поддержкой. Модель этой деятельностной ситуации в эпическом и историческом дискурсах основывается на системе концептов, определяющих коммуникативное поведение людей в общении с Богом, а ее вербальная реализация представлена компонентами словообразовательного ряда от глагола *aidier / aiiier* 'помогать': *V- N Ac-age, -ement, -ance; - N Ag-eor; Adj.-able, -if*

V*Aidier -N Ac aidage, -ement n. m., -ance n. f.* (XIII s.) «aide»

«*La mère Jhesu nous soit en aidance.*» [20, de Meung.]

N Ag aideor, ère n. m., ervesse n. f. (XIIe s.) «celui, qui aide»

«*Croient en Deu qui est lor aiutor.*» [14]

Adj.-aidif adj. (XIIe s.) «qui peut aider»

«: *Si me soit Diex aidis.*» [20, Huon Bord]

Adj -aidable.adj. (XIIe-XVIe s.) «secourable»

«*Poissant et bien aidable.*» [20, Wace]

Такое общение выявляет духовную сущность человека, как «ответ на зов, который мы ощущаем на уровне интуиции» [13, с. 25]. Обращение к Богу с просьбой предполагаемого желаемого действия: поддержки, придания сил, озарения передается формами сослагательного наклонения. Например, соответствующими формами глагола *donner* 'дать' -*donet*; корреляцией форм однокоренных глаголов *tenir* 'держат' -*tiegne, maintenir* 'поддерживать' -*maintiegne*.

“*Dex le maintiegne, li pere creator*” [14, 5000]. “*Franc crestien, Dex vos tigne en vertu*” [14, 835]. «*De tel barnage l'ad Deus enluminet, Meilz voelt murir que guerpier sun barnet*» [15, 535–536]. “*Que Deus te dont prouece et hardemant, force et vertuz et vaiselage grant*” [14, 7486–7487]. Эта ситуация вербализуется в дискурсе путем актуализации словообразовательных и лексико-семантических связей концептуального поля «христианство» в сферах: помогать, поддерживать, давать силу, озарять.

Поскольку аксиологическая категория направлена на интерпретацию определенной исторической эпохи, она принимает различные формы выражения и проверяется сравнением с эталоном, который лежит в основе так называемой модели мира. В эпическом дискурсе таким образом является *la foi crestienne* 'христианская вера'. Рыцари-христиане, носители закона Божьего, выполняют Его волю – поддерживают и славят христианство: “*Que Dex del ciel nos a fait envoyer Crestienté tenir et essaucier* [14, 9395–9396]; «*Li bon crestien meismes sentresarmonoient et efforcoient a tenir plus fermement la foi crestienne tant com plus cil leur en faisoient de maus.*» [16, с. 14]. Борьба добра, блага, праведности, благочестия (закона Божьего) и зла, неправедности (отторжение божественной идеи), стыкуется с антитезой концептов «благо / зло», «истина / ложь, закон / беззаконие». Как отмечает Н. Б. Мечковская, в отличие от язычества, в котором «преобладал страх и вынужденное почтение к высшим силам», любовь к Богу в теистических религиях «придает вере человека глубоко личное звучание» [17, с.14]. На дискурсивном уровне в репрезентации религиозных ритуалов функционируют формально и семантически антонимичные единицы двунаправленного процесса по оппозиции

лингвоконцептов *crestien-crestiente* / *paien-paienie*, такие как *beneïr* 'благославлять', который актуализирует модальность поддержки и поощрения, и *maleïr* 'проклинать' - модальность угрозы:

“Li traitor, que Deus puist maleïr! ... Mais uns frans abes, que Deus peüst beneïr” [18, 1436, 1439].

Ситуация благословения истинных христиан, рыцарей, идущих на бой за веру, включает агента действия неземного происхождения (Бога) и агента действия - священника, который берет на себя социальную ответственность выступать от имени Бога. Развитие ситуации происходит не только посредством парадигматических проекций глагола *benëir* 'благословлять' в разных его формах: *beneïsse*, *beneïssent*, *beneïst*, *beneit*, но и путем его перекатегоризации, в частности, номинализации. Мотивированное глаголом существительное *benëïçon* 'благословение' функционирует, актуализируя значение опредмеченного действия, и в конструкции с каузативными глаголами *faire* 'делать', *otroier* 'предоставить' реализует соответствующие модусы возможности психического воздействия.

Признавая существование категории каузативной переходности, Ю. С. Степанов отмечает, что объект действия претерпевает реальные изменения, приводящие к его образованию или уничтожению [19, с. 307]. К этому можно добавить изменения, в результате которых происходят духовные трансформации. Конструкции с каузативными глаголами имеют разное семантическое наполнение (с глаголом *otroier* - пермиссивное, с глаголом *voloir* - волитивное) и отражают наставление Бога; конструкции с глаголом *faire* реализуют фатическую функцию (установление контакта, донесение информации), то есть выполнение действия наместником Бога на земле - священником.

“Par granz batailles e par mult bels sermons, Cuntre paiens fut tuz tens campïuns Deus li otroit (la sue) seinte beneïçon! AOI” [15, 2243-2245]. *“Namles le fiert par tel devision, Si con Dex volt par sa beneïçon”* [14, I, 1999].

“Li arcevesque ne poet muer n'en plurt, Lievet sa main, fait sa beneïçon,” [15, 2193-2194].

Двунаправленностью характеризуются оценки лиц, действующих в ситуациях конфронтации, через вербальную оппозицию- *avoir dreit* / *avoir tort*, когда христиане правы, а язычники нет. *“Païen unt tort e chrestiens unt dreit; Malvaise essample n'en serat, ja de mei»* [15, 1015-1016].

Рассказчик, верный идеалам христианства, старается представить под разными углами зрения тех или иных лиц, в том числе неверных. Со стороны французских рыцарей оценка неверных, как носителей других духовных ценностей, является отрицательной; но оценка их воинских качеств может быть как положительной, так и отрицательной, учитывая личность. Сравним оценки одного и того же лица: со стороны христиан как противника, заклятого врага, который не верит в Бога: *«Devant chevalchet un Sarrasin, Abisme: Plus fel de lui n'out en sa cumpagnie»* [15, 1470-1471]; *“Ne creit en Deu, le filz sainte Marie; Issi est neirs cume peiz ki est demise; Plus aimet il traïsun e murdrïe»* [15, 1473-1475]; и как храброго воина, одного из вассалов Марсилия, за что тот его уважает: *«Vasselage ad e mult grant estultie: Por ço est drud al felun rei Marsilie;»* [15, 1478-1479].

Участвуя в реализации деятельностной ситуации конфронтации в эпическом и историческом дискурсе старофранцузского периода, существительное *païen*, а также мотивированные им производные *païenie* 'язычество', *païenor* 'языческий', коррелируют с рядом слов, семантическая структура которых включает, помимо архисемы 'язычник', пейоративные и негативные семы «безбожник», «иноверец», «чужой», «дикий», «жестокий», «преступный», «ненавистный», «неверный», «предатель, предательский», «неприятель, враг, вражеский»: *la jent païenie*, *païene jent*, *la jent païenor*, "*la gent criminal*", "*la jent grifagne*", "*gent cruäl*", "*la jent haïe*", "*la jent Apollin*", "*la gens salvage*", "*gent mescreant*", "*la contredite gent*", "*la pute gent averse*", "*païens desloial*"; "*païen et aversier*", "*li cuvert solduiant*" [14; 15].

"*L'amustens, li fel, li combatant*", «*Reis Corsalis, Barbarins est e mult de males arz*», «*Ahi! culvert, malvais hom de put aire*», «*la gent orgueilleuse et sauvage*" [14; 15].

Французские рыцари *Franc hom*, *Franc chevalier* характеризуются, прежде всего, как христиане *Franc crestien*, *L'ost crestiene* и коррелируют с прилагательными положительной оценки: *bon* 'добрый'; *jentil* 'благородный'; *nobles* 'знатный'; *proz* 'отважный'; *fier* 'гордый'; *riche* 'богатый', например; "*bon combateor*", "*jentil pogneor*", "*li gentil escuier*", "*le bon tornoieor*". «*Karlemagne l'empereor roial*», «*li proz quens Acelin*», «*E Oliver, li proz e li gentilz*»;» *li proz quens Gerers*», "*Rossillon li fiers*" [14; 15].

Как показывает анализ, противники христиан и христианства, язычники, участники ситуаций конфронтации в эпическом и историческом дискурсах, актуализируют потенциальную сему *desloial* 'незаконный' "такой, который не выполняет закона божьего", находится в оппозиции к "закону христианскому". Признаками врагов христиан, является то, что они исповедуют «закон неверных» *la loi païenor* 'паганский закон', не любят Бога и молятся другим идолам, как языческим, так и теическим, например: "*Floriades, le rice pogneor, Molt par fu sages de la loi païenor Et chevalier nen I ot nul mellor*" [14, II, 6607–66090]; «*Li reis Marsilie la tient, ki Deu nen aimet; Mahumet sert e Apollin reclimet*:» [15, 7–8].

По отношению к рыцарям-христианам, признающим закон божий "*la crestiene loi*» и защищающим его, адепты другой веры квалифицируются как те, у которых закон отсутствует, что и определяется префиксальным прилагательным с противоположным отрицательным значением *desloial* 'незаконный' или субстантивированным причастием с отрицательным префиксом *miscreant* 'неверный', 'неверующий'. «*Li Mescreant se combatoient pour essaucier leur loi et por croistre leur pooir sur leur anemis; li Crestien defendoient la foi Jhesucrist et vouloient garantir leur vies et leur franchises*» [G. de Tyr, 21]. Проведенный анализ реализации концептов в эпическом дискурсе и дискурсе исторических хроник показал, что в структуру концепта «христианин» входит оценочный компонент «истинный, правдивый», тогда как для оппозитивного концепта «язычник» - характерен компонент «неистинный, ошибочный». Они актуализируются в ситуациях конфронтации в старофранцузском эпическом дискурсе и в дискурсе исторических хроник в корреляции

с концептом "закон" (закон божий, христианский / закон языческий). Категориальная оппозиция «истинность / неистинность» эволюционирует во французской лингвокультуре как «свой» / «чужой» и находит свое специфическое воплощение в различных типах дискурса. Обращение к дискурс-анализу позволяет понять устройство и организацию вербализованной ситуации как динамической структуры, которая включает все операции со словом. Это возможно лишь при должном внимании к лексическим, морфологическим, словообразовательным единицам, которые являются своеобразным продолжением синтаксических правил, ориентированных на цепочки слов, слова, их части. В процессе вербализации ситуации слово может выступать в сформированном виде, или порождается, согласно семантическим свойствам синтаксической конструкции, формируется и согласовывается с ней в формальном отношении.

Деятельностная ситуация представляет, таким образом, узел отношений, организует языковые единицы в синтагматическом и парадигматическом планах, делает возможным существование широкой концептуальной (глубинной) сети взаимоотношений, которая на поверхностном уровне дискурса отражает эти отношения в виде семантически и формально связанных слов. Время существования ситуации определенного действия сводится к одному раунду наблюдения, деятельность же определяется совокупностью разнородных и разноплановых действий, направленных к одной цели; существование деятельностной ситуации во времени подтверждается ее разворачиванием как ряда эпизодов. Исследование эпического и исторического дискурсов с помощью анализа деятельностных ситуаций позволяет выявить определенную коммуникативную стратегию, которая состоит из ряда целенаправленных действий, показать зависимость высказывания от ситуации, относящейся к определенному отрезку времени, когда речевое событие пространственно включается в целое, на что указывают вариативные средства вербализации и расширяет представление о феномене дискурсивной деятельности, которая отражает процесс творческого освоения мира нашим сознанием.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. ЛЭС : Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Совет. энцикл., 1990. 685 с.
2. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики. Київ : Академія, 2004. 342 с.
3. Панина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М. : УРСС, 2002. 367 с.
4. Воркачев С. Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, коммуникация и социальная среда = Language, Communication and Social Environment. Воронеж, 2014. Вып. 12. С. 50–69.
5. Чередниченко О. І. Багатомовність і концептуальна картина світу // Вісник Іноземна філологія. Київ, 2002. Вип. 32. С. 7–10.
6. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 310 с.
7. Bourbello V. Introduction à la discoursologie historique: l'ancien français. Kyiv : Univ. de Kyiv, 2005. 100 p.
8. Foucault M. L'archéologie du savoir. Paris : Gallimard, 1969. 208 p.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

10. Кремзикова С. Е. Деятельностная ситуация как единица описания языковой картины мира в дискурсе (на материале старофранцузского периода) // Мир человека в пространстве языка : сб. ст. СПб., 2017. Вып. 13. С. 291–300.
11. Кремзикова С. Е. Когнитивный аспект осмысления деятельностной ситуации в дискурсе (на материале разноструктурных языков) // Мир. Человек. Язык : сб. науч. тр. Владимир, 2019. С. 183–194.
12. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М. : Academia, 2004. 428 с.
13. Маслова В. А. Лингвокультурное введение в теорию человека // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2019. № 3. С. 21–28.
14. La Chanson d'Aspremont. Chanson de geste du XII-e siècle. Texte du manuscrit de Wellaton Hall édité par Louis Brandin. T. 1-2. Paris : Champion, 1923. T. 1. 208 p. ; T. 2. 211 p.
15. La Chanson de Roland [Electronic resource] / éd. par G. Moignet. 2e éd. revue et corrigée. Paris : Bordas, 1971. Index lemmatisé (établi par P. Kunstmann). URL: <http://www.uottawa.ca/academic/arts/lfa>.
16. William of Tyre: William of Tyre, Archbishop of Tyre, ca. 1130-ca. 1190. Chronique, édition critique par R.B.C. Huygens ; identification des sources historiques et détermination des dates par H. E. Mayer et G. Rosch. Turnholt : Brepols, 1986. 410 p.
17. Мечковская Н. Б. Язык и религия : пособие для студентов гуманитар. вузов. М. : ФАИР, 1998. 352 с.
18. Le Couronnement de Louis, chanson de geste du XII -e siècle, (édition d'Yvan G. Lepage). Paris-Genève : Droz, 1978. 421 p.
19. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М. : Наука, 1981. 360 с.
20. GDAF Grand dictionnaire. Ancien français. La langue du Moyen Age de 1080 à 1350 / A. J. Greimas. Paris : Larousse, 2007. 630 p.

УДК УДК 811.134.2'42

Елена Анатольевна Кучугурная,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики
и грамматики испанского языка
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
elena1180@yandex.ru

Матвей Юрьевич Филон,
студент 5 курса факультета романских языков
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
electroniccs@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА НА ОСНОВЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются структурные, семантические и структурно-семантические трансформации прецедентных феноменов как проявления языковой игры в испаноязычном разговорном дискурсе.

Ключевые слова: языковая игра; прецедентный феномен; трансформация; разговорный дискурс; испанский язык

Alena A. Kuchuhurnaya,
*PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Phonetics and
Grammar
of the Spanish Language
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus*

Matvey Y. Fylon,
*5th year student of the Romance Languages
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus*

LANGUAGE GAME ON THE BASIS OF PRECEDENT PHENOMENA IN SPANISH CONVERSATIONAL DISCOURSE

The article presents structural, semantic and structural-semantic transformations of precedent phenomena as a source of creating the effect of language game in Spanish conversational discourse.

Keywords: language game; precedent phenomena; transformation; conversational discourse; Spanish language

Языковая игра – многоаспектное явление, имеющее стилистическую, психолингвистическую, прагматическую, эстетическую природу, представляющее собой «использование языка в особых – эстетических, социальных и прочих целях, как правило, сопряженное с комическим эффектом и демонстрирующее внутреннюю природу самого языка» [1, с. 48]. Языковая игра пользуется неизменным успехом не только у писателей, юмористов, политиков, но и у рядовых носителей языка в повседневной коммуникации. При этом довольно часто источником языковой игры выступают прецедентные феномены, под которыми традиционно понимаются хорошо известные всем представителям национального лингвокультурного сообщества, актуальные в когнитивном плане единицы, являющиеся культурными знаками-символами образов, качеств и ситуаций, обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национального лингвокультурного сообщества [2; 3 и др.]. В дискурсе языковой личности прецедентные феномены «позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение некоторые элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку» [4, с. 115]. Языковая игра с прецедентными феноменами обусловлена переосмыслением исходной единицы и предполагает обоюдное творчество коммуникантов, поскольку необходима не только креативность автора для создания нового контекста, но и активность адресата для его декодирования. Важно подчеркнуть, что основополагающим критерием использования прецедентных феноменов в речи является их общеизвестность. Переосмысленные и трансформированные прецедентные феномены становятся источником языковой игры, если они легко узнаваемы и дешифрованы адресатом даже при сложных трансформациях.

Проведенное исследование показало, что не все прецедентные феномены, а именно прецедентные имена, ситуации, тексты и высказывания, в равной степени обнаруживают тенденцию к преобразованию в рамках разговорно-бытового общения. Так, в исследуемом типе коммуникации языковая игра с привлечением прецедентных феноменов реализуется, главным образом, за счет имен и высказываний.

Как показал проведенный анализ, среди трансформаций прецедентных феноменов можно выделить **структурные, семантические и структурно-семантические** преобразования (рисунок).

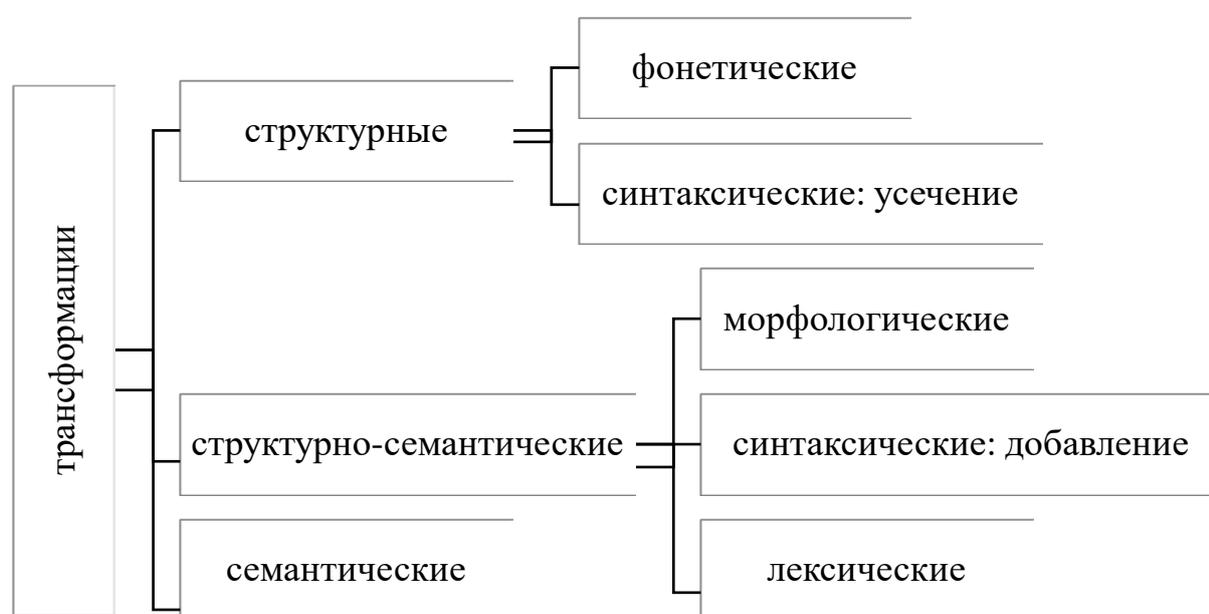

Рисунок – Типы трансформаций прецедентных феноменов в разговорном дискурсе

Источник: собственная разработка.

Структурные трансформации представляют собой некоторые преобразования внешней формы (структуры) прецедентного феномена, в результате которых не меняется его смысл. К таким модификациям можно отнести следующие.

1. Фонетические трансформации: *Necesito sentir tu piel. Tu aliento. Tus besos. Te necesito toda, Susana. – ¿Cómo la canción de Jesulín? – Тоа. Тоа* ‘Мне необходимо чувствовать твою кожу. Твое дыхание. Твои поцелуи. Ты нужна мне вся, Сусана. – Как в песне Хесулина? – Вся. Вся’ (Serie «Estoy vivo»). В данном примере используется часть песни «Тода Тода», в которую говорящий вносит фонетические изменения: выпадение согласного [d] в интервокальной позиции в слове *toda* ‘вся’, что не влияет на семантику этой лексической единицы. Отметим, что данное фонетическое явление характерно для ряда территориальных и социальных разновидностей испанского языка.

2. Синтаксические трансформации усечения: *Si Mahoma no va a la montaña...* ‘Если гора не идет к Магомету...’; *Hablando del Rey de Roma...* ‘Вспомни (помяни) черта (дьявола)...’ (Serie «Mercado central»); *A buenas horas...* ‘Дорога ложка...’ (Serie «Aquí no hay quien viva»).

Как правило, подобные усечения характерны для известных практически всем носителям языка пословиц, поговорок и т.п. Говорящему достаточно произнести первую часть высказывания, чтобы оно было понято и адекватно интерпретировано собеседником:

– ¡**Hablando del rey de Roma!**... *tu Domingo. Ven a verlo. Ahí está en el suelo, patas arriba, pintado hasta las orejas con la salsa.* – ¡¿Domingo?! ‘– Легок на помине!.. твой Доминго. Посмотри на него. Вон он на полу, вверх лапами, до ушей измазанный соусом. – Доминго?!’ (I. García Guerra. Memorias de abril).

Структурные трансформации в чистом виде встречаются редко. Как правило, модификации структуры прецедентного феномена влекут за собой изменения и в его значении, т.е. являются структурно-семантическими. В отличие от структурных, **структурно-семантические** преобразования отличаются не только высокой частотностью, но и многообразием. Так, на нашем материале были выявлены следующие подтипы структурно-семантических трансформаций прецедентных феноменов:

- 1) грамматические (морфологические и синтаксические);
- 2) лексические.

Рассмотрим подробнее данные подтипы структурно-семантических трансформаций.

1. Морфологические трансформации.

Морфологическими являются трансформации прецедентных имен, при этом изменению подвергаются такие характеристики прецедентного имени, как:

– род: ¡*Hola, Caperucito!* ‘Привет, Красная Шапочка!’ (Serie «Aquí no hay quien viva»); *O sea que eso me convierte a mí en... Ceniciento* ‘Благодаря этому я превращаюсь... в Золушку’; *Yo fui el Celestino* ‘Я был Селестиной’ (Serie «Mercado central»). В приведенных примерах такие прецедентные имена, как *Caperucita*, *Cenicienta*, *Celestina* используются при обращении к лицу мужского пола и подвергаются соответствующим преобразованиям (изменению окончания существительного);

– число: *¿Qué va a suceder con el apoyo popular a los Dalís?* ‘Что же будет при всеобщей поддержке этих Дали?’ (Serie «La casa de papel»).

В данном случае имя собственное *Дали*, которое в принципе не имеет формы множественного числа, используется для обозначения людей в масках, похожих на художника С. Дали.

2. Синтаксические трансформации.

К данному подтипу мы относим трансформации, влекущие за собой усложнение синтаксической структуры высказывания (добавление).

Примером добавления может служить следующий: *Las cosas del palacio van despacio y las del ayuntamiento ya ni te cuento* ‘Досл.: Во дворце все решается медленно, **не говоря уже о мэрии**’ (Serie «Mercado central»).

В данном примере дополнение известной пословицы *Las cosas del palacio van despacio* не только позволяет сообщить собеседнику, что в мэрии все решается довольно медленно, но и создать комический эффект, усилению которого способствует рифмовка слов *ayuntamiento – cuento*.

Трансформацию добавления можно наблюдать и в следующем примере:

– *¿Y Emilio? ¿Dónde está el portero? – Buena pregunta. ¿Quién mató a Kennedy y dónde está el portero?* ‘– А где Эмилио? Где консьерж? – Хороший вопрос. Кто убил Кеннеди и где консьерж?’ (Serie «Aquí no hay quien viva»).

В приведенном фрагменте используется прецедентный вопрос *Кто убил Кеннеди*, который содержит следующую коннотацию: ‘вопрос, на который нет однозначного ответа; вопрос, который долго оставался без ответа’. Данная коннотация экстраполируется на вторую, добавленную, часть вопроса *dónde está el portero*, при помощи которой говорящий хочет сказать, что консьержа никогда нет на рабочем месте.

Приведем еще один пример:

– *Hijo, yo te advierto por última vez: yo te mando a un internado... – Ojo por ojo: hoy internado, mañana residencia. Ya te estoy buscando una por internet* ‘– Сын, я последний раз тебя предупреждаю: я отправлю тебя в интернат... – Око за око: сегодня интернат, завтра дом престарелых. Я уже подыскиваю подходящий в интернете’ (Serie «Aquí no hay quien viva»).

Добавление может возникать не только в конце известного высказывания, но и в середине, придавая дополнительное значение исходному выражению: *¡Vete un poquito a la mierda!* ‘Иди ты немножко к черту!’ (Serie «Aquí no hay quien viva»).

3. Лексические трансформации.

Среди лексических трансформаций прецедентных феноменов, исходя из нашего материала, можно выделить каламбур и лексические замены.

Каламбур заключается в юмористическом использовании разных значений одного и того же слова или нескольких слов, имеющих схожую звуковую оболочку:

– *Pero... – ¡Ni peros ni peras!* ‘– Но... – Никаких но!’ (Serie «Mercado central»).

В приведенном примере обыгрываются несколько значений слова *pero*: а) ‘но’ (противительный союз), именно в этом значении его использует первый коммуникант, и б) ‘грушевое дерево’, значение, обыгрываемое вторым коммуникантом при помощи противопоставления с существительным женского рода *pera* ‘груша (плод)’.

Приведем еще один пример:

– *¿Y qué pasó con Clara? – Pasó el profesor de Filosofía* ‘– Что с случилось с Кларой? – С ней случился преподаватель философии’ (Serie «Mercado central»).

В данном примере можно наблюдать и нарушение лексико-грамматической сочетаемости: ответ на вопрос первого коммуниканта не предполагает сочетаемости используемого глагола с одушевленным существительным.

Как показали результаты проведенного исследования, самым распространённым вариантом модификации прецедентных феноменов являются лексические замены, которые могут быть:

а) однокомпонентными (когда замещается одно слово): *Pero, ¿tengo que pagar yo? – No, yo soy de “ascensores sin fronteras”* ‘Платить должен я? – Нет, я из организации «лифтеры без границ»’ (название организации *Médicos sin fronteras* ‘врачи без границ’); *El portero siempre llama dos veces* ‘Консьерж всегда звонит дважды’ (название фильма *El cartero siempre llama dos veces* ‘Почтальон всегда звонит дважды’) (Serie «Aquí no hay quien viva»).

В составе прецедентного феномена (высказывания) могут замещаться не только имена нарицательные, но и собственные, например, *¡Váyase, señor Cuesta, váyase!* ‘Уходите, сеньор Куэста, уходите!’ (Serie «Aquí no hay quien viva»). Данный пример отсылает нас к известному высказыванию Х. М. Аснара (премьер-министр Испании с 1996 г. по 2004 г.) по отношению к Ф. Гонсалесу (премьер-министр Испании с 1982 г. по 1996 г.): *¡Váyase, señor González, váyase!*

Следующие примеры демонстрируют замены одного из компонентов прецедентных имен собственных: *¡Fascista, Juan Hitler!* (Adolf Hitler) ‘Фашист, Хуан Гитлер!’ (Serie «Aquí no hay quien viva»); *Dile eso al Sebas Noris* (Chuck Norris) ‘Скажи об этом Себасу Норрису’ (Serie «Estoy vivo»).

В ряде случаев замена обусловлена **фонетическим** подобием исходного и нового слов: *Voy a hacerme un loft. – Eso lo cantaban los Beatles... All you need is loft...* (All you need is love) ‘Я сделаю себе лофт. – Как в песне Битлз... Все, что тебе нужно, это лофт’ (Serie «Aquí no hay quien viva»).

б) многокомпонентными, которые осуществляются, как правило, в прецедентных высказываниях, в частности в пословицах.

Часто при трансформациях от исходной пословицы остается только структура. Так, например, выражение *Una cosa es pasear y otra husmear* ‘Одно дело – просто гулять, а другое – шпионить’, вероятно, восходит к пословице *Una cosa es predicar y otra dar trigo* ‘Легче советовать, чем самому сделать; много сулят, да мало дают; досл.: Одно дело – говорить, а другое – сделать’ (Serie «Aquí no hay quien viva»).

Хотелось бы отметить, что существуют настолько универсальные прецедентные высказывания, которые, во-первых, неоднократно становились объектами языковой игры, а во-вторых, даже при значительных трансформациях являются легко узнаваемыми. К таким выражениям относится известнейшее *To be, or not to be, that is the question* ‘Быть или не быть, вот в чём вопрос’ (У. Шекспир. Гамлет). На нашем материале были зафиксированы такие трансформации данного высказывания, как *¡Ver o no ver! Ése es el dilema...* ‘Смотреть или не смотреть, вот в чём вопрос’ (F. González Mello. Edip en

Colofón: tragedia de enredos); *¿Beber o no beber? He ahí el dilema* ‘Пить или не пить, вот в чём вопрос’ (I. May Dzib. *La cuerda que nos mueve y otras obras de teatro*) и др.

Как было установлено в ходе анализа, семантика прецедентного феномена может переосмысливаться, меняться и при отсутствии структурных преобразований. Такие трансформации будем называть **семантическими**. Например, в следующем фрагменте диалога используется общеизвестное прецедентное высказывание *The show must go on* ‘Шоу должно продолжаться’ (Ф. Меркьюри) без каких-либо структурно-семантических преобразований. При этом очевидно, что употребляется оно не в своем первоначальном значении: *show* в данном контексте не связано со значением ‘представление, шоу’:

– *Y el alcalde nos va a dar un presupuesto. – Isadora tiene razón: the show must go on* ‘– Мэр выделит нам деньги. – Изадора права: шоу должно продолжаться’ (P. García Gámez. *Las damas de Atenea*).

В результате семантической трансформации данное прецедентное высказывание получает значение ‘начатое ранее должно продолжаться’.

Еще одним ярким примером может служить высказывание *To be, or not to be, that is the question*, которое может подвергаться не только структурно-семантическим, как было описано выше, но чисто семантическим преобразованиям:

– *Usted puede constatar, don Pastor, que el que llegó a su restaurante no es el mismo que soy ahora, ¿o sí? – Pues no, pero... sí. – ¿Si ve, don Pastor, que es posible ser y no ser? – To be or not to be – dijo solemnemente. – That is the question, don Pastor* ‘– Дон Пастор, Вы можете утверждать, что человек, который тогда пришел в Ваш ресторан, совсем не такой, как я сейчас, или все-таки такой же? – Нет, хотя... да. – Видите ли Вы, дон Пастор, что можно быть или не быть? – Быть или не быть – сказал он торжественно. – В этом и вопрос, дон Пастор’ (J. Franco. *Paraíso Travel*).

В данном диалогическом фрагменте можно наблюдать сразу несколько типов преобразований, во-первых, структурно-семантическую трансформацию, т. е. перевод с расширением структуры исходного высказывания и заменой союза *es posible ser y no ser*, во-вторых, семантическое переосмысление без структурных преобразований. Как известно, в тексте оригинала данное высказывание интерпретируется как противопоставление таких концептов, как «жизнь – смерть» или «действие – бездействие», в приведенном же выше фрагменте речь идет о том, что один из говорящих изменился, стал другим или нет. Таким образом, обыгрывается связующий глагол *ser*: *es o no es el mismo*.

В следующем примере обыгрывается выражение *guardar un minuto de silencio* ‘хранить минуту молчания’, обычно описывающее символический ритуал в память о каком-либо трагическом событии и погибших в нём людях. В результате языковой игры создается комический эффект, поскольку ситуация, о которой идет речь в диалоге, не является трагичной:

– *Lurdes está embarazada y nos vamos a casar... Bueno, que alguien diga algo, ¿no? – Espera, espera, que estamos guardando un minuto de silencio* ‘– Лурдес беременна и мы собираемся пожениться... Кто-нибудь скажет что-нибудь? – Подожди, подожди, мы храним минуту молчания’ (Serie «Aquí no hay quien viva»).

Таким образом, на основании проведенного исследования можно утверждать, что эффект языковой игры в разговорном дискурсе создается в результате структурных, семантических и структурно-семантических трансформаций прецедентных феноменов. Трансформации прецедентных феноменов обусловлены рядом прагматических факторов и способствуют актуализации новых смыслов, интенсификации значения широко известных прецедентных феноменов, созданию комического эффекта.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М. : Флинта : Наука. 344 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : УРСС, 2003. 264 с.
3. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 1997. Вып. 2. С. 5–12.
4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.

УДК 811.134.2'42

Роксана Викторовна Лебедевич,
старший преподаватель
кафедры лексикологии испанского языка
Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь
roksana19@list.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ЗАТРУДНЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ОПИСАНИИ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ОБРАЗОВ, В ДИАЛОГАХ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются речевые конструкции (развернутые вербальные хезитативы), используемые при эксплицитной фиксации коммуникативных затруднений, возникающих в ситуациях описания экстероцептивных ощущений. Анализируются обстоятельства их возникновения, специфические семантико-синтаксические особенности и способы преодоления подобных затруднений в диалогическом испаноязычном общении.

Ключевые слова: развернутый вербальный хезитатив; коммуникативное затруднение; экстероцептивные ощущения; перцептивный модус.

Raksana V. Lebiadzevich,
Senior Lecturer
Department of Spanish Lexicology
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus

VERBALIZATION OF COMMUNICATION DIFFICULTIES,
 ARISING FROM THE DESCRIPTION OF PERCEPTUAL IMAGES,
 IN DIALOGUES IN SPANISH

The article deals with speech constructions (expanded verbal hesitatives) used in the explicit fixation of communicative difficulties that arise in situations of describing exteroceptive sensations. The circumstances of their occurrence, specific semantic-syntactic features and ways to overcome such difficulties in dialogic Spanish-speaking communication are analyzed.

Key words: extended verbal hesitative; communication difficulty; exteroceptive sensations; perceptual mode.

В лингвистике конца XX – начала XXI века наблюдается повышенный интерес к проблемам репрезентации модальностей восприятия в языке: «интенсивность исследований обозначения восприятия настолько велика, что учёные в начале XXI в. заговорили об особой отрасли языкознания, которую В. К. Харченко предлагает назвать лингвосенсорикой, а О. А. Мещерякова – лингвистической перцептологией» [1, л. 2]. На данный момент наиболее разработанной является традиционная категоризация экстероцептивных ощущений, включающая пять сенсбилий (вербальных репрезентаций показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния) [2, с.25]. При этом ученым все еще предстоит ответить на ряд вопросов, связанных со сложностями механизма кодирования перцептивной информации и ее последующей репрезентации в языке и речи. В качестве основных проблем можно выделить: 1) неравномерность разработанности перцептивных модусов в лексической системе языка; 2) субъективность воспринимаемых образов и необходимость их переноса в объективный языковой код. Данное исследование является результатом наблюдения за тем, как при попытке передать информацию перцептивного характера коммуниканты нередко испытывают определенные затруднения и эксплицируют их в использовании специфических показателей, которые ранее мы назвали развернутый вербальный хезитатив (далее – РВХ) [3, с. 46]. Под РВХ понимаются метакоммуникативные рефлексивные конструкции, содержащие глагол речи или иное изофункциональное средство, указывающее на характер испытываемого говорящим затруднения типа *no sé cómo decir* ‘не знаю, как сказать’, *es difícil explicar* ‘трудно объяснить’, *no encuentro la palabra* ‘не могу подобрать слово’ и под.

Как показал наш анализ, использование РВХ весьма характерно для ситуаций, в которых говорящий испытывает трудности при экспликации экстероцептивных ощущений. Хезитативы такого типа представлены при попытках вербализовать информацию, связанную со всеми перцептивными модусами.

- Визуальный модус:

... *un color amarronado, no sé cómo decirte...* 'такой коричневатый цвет, не знаю, как тебе сказать'.

- Аудиальный модус:

... *pero al no haber sonido pues no suenan, pero si suena como «una interferencia» que no lo es, no se describir el sonido.* 'а так как звука нет, то и не звучат, а если звучат, то как «помеха», которой нет, не знаю, как описать этот звук'.

- Тактильный модус:

... *el maniquí es un maniquí, vamos ... que si has visto o tocado alguna vez alguno es con ese material, no sé cómo describirlo, entre plástico duro y tipo corcho, no sé.* '...манекен как манекен, ну... если ты видел или трогал когда-нибудь такой из этого материала, не знаю, как описать, что-то среднее между твердым пластиком и пробковым деревом, не знаю'.

- Вкусовой модус:

Sabe a leche pero con un toque a nuez que no sé describir... 'На вкус как молоко, но с ореховым привкусом, который я не знаю, как описать...'

- Ольфакторный модус:

No sabría como describir el olor, es algo así como hierbabuena o romero, huele a hombre. 'Не знаю, как описать запах, что-то вроде мяты перечной или розмарина, пахнет по-мужски'.

Несмотря на то, что в рамках данного исследования были выявлены контексты, включающие эксплицитную вербализацию коммуникативных затруднений говорящего со всеми составляющими классической пятичленной модели сенсориума, важно отметить некоторую количественную неравномерность данных модусов среди отобранных контекстов. Так, в силу примата визуального модуса восприятия, который «единодушно признается важнейшим в перцептивном опыте человека» [2, с. 25], соответствующий ему набор лексических ресурсов позволяет говорящим реже испытывать коммуникативные затруднения при вербализации зрительных образов. Наиболее характерно использование РВХ при вербализации перцептивных образов вкусовой и ольфакторной информации, ср. комментарии исследователей о причинах особо затрудненной вербализации этих перцептивных модусов:

В. фон Хоффманн: «...ощущение вкуса кажется слишком субъективным, чтобы допускать обобщения; оно настолько мгновенно, что предшествует мысли и языку... Воспринимаемое как одна из форм животного инстинкта, ощущение вкуса глубоко непередаваемо, аффективно...» [2, с. 51];

А. Холли, П. Маклеод: «... «скрытость» обоняния проявляется в его слабой представленности в языке. Специфические сенсорные качества запаха, улавливаемые «рядовым» человеческим носом, остаются практически полностью невербализованными. ...Проблема, описанная еще Платоном, заключается в невозможности «ольфакторного абстрагирования»: запах, в отличие от цвета или звука, не воспринимается как самостоятельная сущность, в отрыве от своего носителя [2, с. 49].

Также в ходе анализа отмечено, что РВХ, используемые в анализируемых ситуациях, отличаются от аналогичных конструкций, используемых при затруднениях иного типа, по целому ряду параметров.

Во-первых, РВХ, эксплицирующие затруднения обсуждаемого типа, весьма вариативны с точки зрения синтаксической формы, и могут представлять собой:

- определенно-личные конструкции типа *no sé describirlo* 'я не знаю, как описать это', *no puedo describirlo* 'я не могу это описать';

- сложноподчиненные предложения *no sé cómo describirlo* 'я не знаю, как это описать';

- безличные конструкции типа *es difícil describirlo* 'это тяжело описать'.

Но при этом, в отличие от РВХ других типов, РВХ данного типа не реализуются в интеррогативных конструкциях типа *¿cómo decirlo?* 'как мне это сказать?'. Отсутствие таких конструкций наглядно демонстрирует тот факт, что в подобных ситуациях говорящий не обращается за помощью к собеседнику, который не переживал соответствующего перцептивного опыта и/или обладает своим собственным субъективным представлением о вербализуемом концепте.

Во-вторых, если в общем корпусе РВХ представлен достаточно широкий набор глаголов речи (*decir* 'сказать', *explicar* 'объяснить', *encontrar palabras* 'подобрать слова', *expresar* 'выразить'), то в составе РВХ анализируемого типа доминирует глагол *describir* 'описывать', что вполне логично и объясняется желанием коммуниканта дать детальное, многоаспектное описание **ощущения**. В данном случае интересно толкование глагола *describir*, которое словарь Королевской академии испанского языка помечает как устаревшее "Definir imperfectamente algo, no por sus cualidades esenciales, sino dando una idea general de sus partes o propiedades" '«Несовершенно определять что-либо не по его существенным качествам, а давая общее представление о его частях или свойствах»' [DRAE]. На наш взгляд, такое определение этого глагола вполне точно отражает процесс экстериоризации в речи перцептивных образов.

В-третьих, такие РВХ не имеют тенденции к распространению дополнительными речевыми элементами типа извинений, обращений к собеседнику и под. Очевидно, что в ситуациях вербализации перцептивной информации говорящий не склонен полагать, что возникшее затруднение, его вербализация и попытки преодоления доставляют дискомфорт собеседнику и угрожают благоприятному течению диалога (в отличие от, например, РВХ, возникших вследствие вербализации просьб, негативно-оценочных комментариев и прочих речевых контекстов, требующих высокой степени импозитивности).

Интересно также рассмотреть способы преодоления, которые используют коммуниканты, испытывающие затруднения описываемого типа. Эти способы не только весьма разнообразны, но и специфичны и включают использование следующих ресурсов:

- сравнения (в том числе метафорические):

Que gustazo poder abrir la ventana a la noche y que huele a primavera. Es un olor, no os puedo describir exactamente, es como tener un pequeño bosque en tu ventana que va dejando pasar su fragancia hacia tu habitación por medio de suaves brisas. ‘Какое удовольствие иметь возможность открыть окно ночью и почувствовать запах весны. Это запах, я не могу точно описать, это похоже на небольшой лес под вашим окном, аромат которого проникает в вашу комнату с легким бризом’;

Colonia no sé, pero after shave sin duda Varon Dandy ... que no se puede describir con palabras, como una percepción de «cercanía» ‘Одеколон не знаю, но средство после бритья, без сомнения, Varon Dandy... его не описать словами, словно ощущение «близости»’;

- имитация звука (при описании звуковых образов):

Escuchar se escucha un ssshhhh (No sé cómo describir el sonido xD) ‘Ты слышишь шшшшшш (не знаю, как описать звук xD)’;

Es el «claclacla» de un diesel, no sé como describirlo, el motor ronronea como un diesel de hace 10 años siendo gasolina. ‘Это «цокцокцок» дизеля, я не знаю, как это описать, двигатель урчит, как дизель 10-летней давности, бензиновый’;

- развернутые окказиональные словосочетания:

Trufa blanca no la ha probado nadie del foro. Trufa negra alguno más. Es difícil describir un sabor. Dulce almizclado intenso... ‘Белый трюфель на форуме никто не пробовал. Черный трюфель – некоторые. Трудно описать вкус. Насыщенно мускусно-сладкий...’.

Таким образом, можно сказать, что РВХ, эксплицирующие коммуникативные затруднения, возникающие при описании перцептивных образов, являются довольно интересными конструкциями, отличающимися особенностями по ряду важных параметров. В качестве дальнейших перспектив для исследования может быть предложено выявление отдельных характеристик РВХ, соответствующих каждому из пяти членов сенсориума, изучение воздействия таких РВХ на течение диалога, а также сопоставление изучаемых конструкций в русском и испанском языках.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецова С. С. Вербализация чувственного восприятия как отражение перцептивной картины мира диалектной языковой личности диалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Нац. исслед. Том. гос. ун-т. Томск, 2015. 27 с.
2. Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований : аналит. обзор. М. : РАН. ИНИОН, 2017. 86 с.
3. Лебедев Р. В. Развернутый вербальный хезитатив как индикатор коммуникативного затруднения говорящего в разных типах диалога // Вестник МГЛУ. 2019. № 4 (101). С. 46–52.
4. El Diccionario de la lengua española [Electronic resource]. URL: <https://dle.rae.es/describir?m=form> (accessed: 24.01.2022).

УДК 811.134.2'42:339.138

Алла Борисовна Лисова,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
лексикологии испанского языка
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь
lisovaab@mail.ru

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В РЕКЛАМНОМ СЛОГАНЕ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются семантические, сочетаемостные и прагматические характеристики языковых интенсификаторов в испаноязычном рекламном дискурсе. Использование интенсифицирующих единиц со значением высокой, предельной степени, а также маркеров, осложненных дополнительными значениями эмотивности / оценочности, призвано подчеркивать свойства рекламируемого продукта (посредством усиления главным образом его положительных оценочных характеристик), смещать фокус внимания адресата на необходимые элементы в описании и таким образом эффективно воздействовать на решения потенциального потребителя.

Ключевые слова: интенсификатор; рекламный дискурс; степень усиления; интенсификация оценки; интенсификация параметрической характеристики; интенсификация качественного состояния.

Alla B. Lisova
*PhD in Philology, Associate Professor of the Department of
Spanish Lexicology
Minsk State Linguistic University, Minsk,
Belarus*

SEMANTIC-PRAGMATIC FEATURES OF THE FUNCTIONING OF INTENSIFIERS IN THE ADVERTISING SLOGAN IN SPANISH

The article deals with the semantic, compatibility and pragmatic characteristics of language intensifiers in Spanish-language advertising discourse. The use of intensifying units with a value of a high, ultimate degree, as well as markers complicated by additional values of emotiveness / evaluativeness, is intended to emphasize the properties of the advertised product (mainly by strengthening its positive evaluative characteristics), shifts the focus of the addressee's attention to the necessary elements in the description, and thus effectively influences the decisions of a potential consumer.

Key words: intensifier; advertising discourse; degree of intensification; evaluation intensification; parametric characteristic intensification; quality state intensification.

Рекламный дискурс уже на протяжении достаточно длительного времени представляет собой одну из самых притягательных исследовательских областей. С точки зрения лингвистического анализа особенно интересной реклама становится ввиду обеспечения ученых широчайшим диапазоном постоянно обновляющихся используемых языковых средств и приемов. Важная роль рекламы в жизни современного общества и необходимость ее многостороннего исследования определяют актуальность и значимость изучения функционирования самых разных языковых единиц (в т. ч. интенсифицирующих), способствующих реализации основных задач данного типа дискурса: воздействия, убеждения, побуждения адресата и др. [1, с. 11; 2, с. 11; 3, с. 10]

Цель данной работы заключается в выявлении семантико-прагматических особенностей функционирования интенсификаторов в рекламном слогане на испанском языке. Такая постановка цели обуславливает выполнение следующих задач: а) выявление семантических характеристик языковых интенсификаторов, используемых в рекламных слоганах на испанском языке; б) определение сочетаемостных особенностей исследуемых единиц; в) описание прагматических свойств интенсификаторов в испаноязычном рекламном дискурсе.

Основным критерием отнесения языковых единиц к интенсификаторам в данной работе является присутствие в их значении семы «интенсивность». В анализируемом материале выявлены два типа интенсифицирующих единиц: интенсификаторы, в значении которых сема «интенсивность» является единственной (*muuy* ‘очень’, *tan* ‘так / такой’, *qué* ‘как / какой’, *absolutamente* ‘абсолютно’, *totalmente* ‘полностью’, *intensamente* ‘интенсивно’, *элативные формы прилагательных, повтор прилагательного* и т. п.), а также маркеры, сочетающиеся в своей семантике данное значение степени с другими смыслами, например, эмотивности, оценочности (*increíblemente* ‘невероятно’, *sorprendentemente* ‘удивительно’, *instantáneamente* ‘моментаально’, *exclusivamente* ‘исключительно’, *fenomenalmente* ‘феноменально’ и т. п.). Первые в исследуемом материале являются несколько более востребованными (56 % употреблений).

К наиболее частотным в категории «чистых» интенсификаторов, используемых в рекламных текстах на испанском языке, относится наречие *muuy* ‘очень’ (19 % анализируемых примеров), например: *La locura de tus pestañas está llegando muuy lejos!* ‘Безумие твоих ресниц заходит очень далеко!’.

Весьма употребительным также является местоимение *qué* ‘как / какой’ (16 %) в роли интенсификатора в восклицательных предложениях, например: *¡Qué mejor estrategia compar este helado!* ‘Какая отличная стратегия – купить это мороженое!’. В данном случае, кроме того, фиксируется интересный прием комбинирования нескольких интенсифицирующих единиц (*qué* + *элатив прилагательного* ‘хороший’), весьма симптоматичный в рамках исследуемого типа дискурса. Ср. пример:

*Solo se emplean materiales de **primerísima** calidad* ‘Используются материалы только превосходнейшего качества’. В данном случае лексема *primero* ‘превосходный’ усилена элативной формой, что, на наш взгляд, позволяет максимально интенсифицировать необходимое значение.

В ряду маркеров интенсифицирующего содержания, осложненных другими значениями (экспрессивностью, оценочностью, качественными характеристиками и пр.), зарегистрированы наречия и прилагательные *auténtico* ‘настоящий’, *exclusivamente* ‘исключительно’, *instántaneamente* ‘момента́льно’, *increíblemente* ‘невероятно’, *sorprendentemente* ‘удивительно’, *fenomenalmente* ‘феноменально’, *maravillosamente* ‘чудесно’, *naturalmente* ‘естественно’, *eficazmente* ‘эффективно’, *ridículamente* ‘смешно’, *exactamente* ‘точно’, *excepcionalmente* ‘исключительно’. Количественные данные употребительности данных интенсифицирующих единиц не позволяют выделить в их ряду более и менее востребованные маркеры, однако важно отметить их сходство в реализации функции выделения тем или иным образом рекламируемого продукта. Так, например, *increíblemente* и *sorprendentemente* наряду с усилением актуализируют сему невероятности и удивления, *ridículamente* так же усиливает положительную оценку предмета, вынося ее значения за пределы нормы, а *auténtico* сигнализирует об оригинальности и подлинности товара или его качеств. Например:

*Deja tu piel **increíblemente** suave, uniforme, limpia con nuevo gel de Clinique* ‘Сделай свою кожу невероятно мягкой, равномерной, чистой с новым гелем от Клиник’. В данном рекламном тексте посредством осложненного интенсификатора удастся не только усилить качество рекламируемого продукта, но и выделить его среди потенциальных конкурентов.

*Yogur Griego: Yogur **ridículamente** espeso* ‘Греческий йогурт: до смешного густой йогурт’. Данный рекламный слоган обращает внимание потребителя на необычность физических характеристик, представляющих максимально положительно вкусовые свойства данного продукта питания.

*Aquasource Non Stop es un **auténtico** baño de hidratación* ‘Аквасорс Нон Стоп – это настоящая увлажняющая ванна’. В приведенном примере интенсификатор призван воздействовать на чувственное восприятие адресата, вызывая в его воображении необходимые образы.

Семантические признаки анализируемых единиц интенсифицирующего содержания позволяют, кроме того, распределить зарегистрированные маркеры в зависимости от той или иной реализуемой ими степени усиления:

1) предельная степень: *totalmente* ‘полностью’, *absolutamente* ‘абсолютно’, *por completo* ‘полностью’ и т.п.;

2) высокая степень: *muuy / mucho* ‘очень’, *tan* ‘так / такой’, *qué* ‘как / какой’, *intensamente* ‘интенсивно’;

3) чрезмерная степень: *increíblemente* ‘невероятно’, *ridículamente* ‘смешно’, *extraordinariamente* ‘чрезвычайно’ и т. п.

Так называемые «осложненные» интенсификаторы были отнесены в рамках данной работы в категорию чрезмерной степени интенсификации, поскольку присутствующая в их значении дополнительная сема, на наш взгляд,

выводит степень выражаемого значения за пределы объективно или субъективно устанавливаемых норм и существенно повышает прагматический потенциал такого маркера.

Отсутствие в анализируемом материале примеров употребления интенсификаторов средней степени, а также низкой и очень низкой представляется весьма логичным в связи с характеристиками данной дискурсивной сферы: основная задача рекламного слогана заключается в наиболее выгодном представлении положительных свойств продукта, а не сглаживании или усилении возможных нежелательных черт.

Семантический потенциал интенсифицирующих единиц в данном типе дискурса в полной мере раскрывается в их взаимодействии с объектом интенсификации – определяемым словом.

Анализ семантических характеристик сочетающихся с интенсификаторами лексем показывает, что исследуемые маркеры употребляются в комбинации с единицами, выражающими различные значения: наиболее употребительными в сочетании с интенсификаторами являются оценочные значения (*muu bien* ‘очень хорошо’, *muu fácil* ‘очень легко’), также зафиксирована интенсификация параметрических характеристик (*muu lejos* ‘очень далеко’, *tan duradero* ‘такой долгий’), качественного состояния или действия (*se revela perfectamente* ‘отлично проявляется’) и пр. Рассмотрим характеристики подобных комбинаций подробнее.

ИНТЕНСИФИКАТОР + ОЦЕНКА

Среди оценочных значений, интенсифицируемых в испаноязычном рекламном дискурсе, зарегистрированы следующие типы:

- Эстетическая оценка (18 % употреблений), например: ***Tan bella. Tan guapa. Tan perfecta.*** ‘Такая красивая. Такая привлекательная. Такая совершенная’.

Наиболее употребительными являются сочетания интенсификаторов с прилагательными и наречиями, выражающими эстетическую оценку. Преобладание данного типа оценки можно объяснить направленностью рекламы на формирование системы ценностей человека, одно из важнейших мест в котором занимает понятие красоты, и значительной долей продуктов ухода и косметических средств среди объектов рекламного продвижения. Совершенно очевидно, что, например, в рекламных роликах, ориентированных на женскую аудиторию, интенсификаторы в комбинации с лексемой, выражающей соответствие эстетическому идеалу (*muu bella* ‘такая красивая’, *tan guapa* ‘такая привлекательная’), будут способствовать реализации необходимого воздействия. Интересно отметить употребление в подобных контекстах лексемы *perfecto* ‘совершенный’ (самостоятельно актуализирующей значение абсолютной степени проявления качества) в комбинации с интенсификатором высокой степени.

- Телеологическая оценка (15 % употреблений): *Un resultado profesional con el mayor cuidado para el cabello y sin salir de casa. Es **mu**y fácil.* ‘Профессиональный результат с лучшим уходом для волос и не выходя из дома. Это очень легко’.

Вторую позицию занимают сочетания интенсифицирующих единиц с лексемами, выражающими телеологическую оценку. Использование этого приема является симптоматичным для рекламы, например, бытовой техники или другого предмета, где рекламодателю важно подчеркнуть простоту использования товара (*es **mu**y fácil de usar* ‘очень прост в использовании’).

- Общая оценка (12 % употреблений): *No quedes a tomar una cerveza. Queda a tomar una Estrella Galicia. **Exageradamente** buena.* ‘Не оставайся выпить пива. Оставайся выпить Эстрелья Галисия. Непомерно хорошее.’

Основной задачей интенсификации общей оценки, на наш взгляд, является акцентирование внимания на высоком качестве и положительных свойствах рекламируемого продукта (*¡**Qu**é bien lava!* ‘Как хорошо моет!’).

- Нормативная оценка (3 % употреблений): *Un coche extraordinario para gente **extraordinariamente** normal* ‘Чрезвычайный автомобиль для чрезвычайно нормальных людей’.

Приведенный пример иллюстрирует использование интенсификатора для образования парадокса, весьма эффективно справляющегося с функцией привлечения внимания адресата.

Что касается оценочного знака, вполне логичным представляется абсолютное преобладание интенсификации положительной оценки в рассматриваемом типе дискурса: рекламодатели заинтересованы в преподнесении продукта с максимально выгодной стороны. Интенсификация же отрицательной оценки зарегистрирована в единичных случаях (см. ниже п. «Интенсификация в рамках противопоставления существующего положения вещей (требующего от потенциального потребителя его изменения) приобретенному»).

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ + ПАРАМЕТРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Подобные сочетания в рассматриваемом типе дискурса значительно уступают в употребительности интенсифицированным оценочным значениям. Как правило, в данных случаях акцентируется стоимость товара, его размеры (*Nunca algo con **tanta** altura, tuvo un precio **tan** bajo. Kia* ‘Никогда ничего такого качества не имело такой низкой стоимости. Киа’), а также прогресс посредством комбинации с лексемой, характеризующей расстояние (*¡La hidratación nunca había llegado **tan** lejos!* ‘Увлажнение никогда не заходило так далеко’).

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ + КАЧЕСТВЕННЫЙ ПРИЗНАК

В данном случае усилению подвергаются различные конкретные качественные характеристики рекламируемого продукта, например: *Superfresco. Bachoco* ‘Суперсвежий. Бачоко’. Также нередко интенсифицируется значение

изменения качественного состояния, например: *El color se revela **perfectamente*** ‘Цвет отлично проявляется’. Использование данного приема представляется вполне очевидным: одной из приоритетных задач рекламы является внушение потенциальному покупателю, что с использованием той или иной продукции произойдут желаемые трансформации.

Анализ семантико-прагматических характеристик интенсификации в испаноязычном рекламном дискурсе позволяет выделить ряд приемов в зависимости от типа объекта усиления. К таким приемам относятся:

1) Интенсификация свойств собственно рекламируемого продукта. Данный прием интенсификации отмечается в анализируемом материале как наиболее предпочтительный, независимо от разновидности объекта рекламы. Ср. интенсифицированную характеристику продукта питания: *¡**Qué fantástico resfresco!*** ‘Какой фантастический напиток!’ или косметического средства: *El gel **suave, suave, suave*** ‘Гель, мягкий, мягкий, мягкий’.

2) Интенсификация характеристики ожидаемого результата после использования рекламируемого продукта. С помощью данного приема фокус внимания адресата смещается с непосредственно товара и его отдельных качеств на результат его употребления, что позволяет подчеркнуть эффективность продвигаемого продукта, действуя как важнейший фактор убеждения целевой аудитории.

В рамках данного приема интенсифицируется:

- абстрактный эффект: *Nunca un tratamiento ha aportado **tanto** a la piel de una mujer: una nueva vida, una nueva edad* ‘Никогда еще уход не давал коже женщины столько: новую жизнь, новый возраст’;

- конкретный эффект: *Conseguirás unos rizos **perfectamente** definidos* ‘Ты получишь совершенно четкие локоны’.

3) Интенсификация в рамках противопоставления существующего положения вещей (требующего от потенциального потребителя его изменения) приобретенному. Данный прием актуализирует в сознании адресата противопоставление имеющейся ситуации тому, как отразится на жизни потребителя использование рекламируемого товара или услуги. При этом интенсифицироваться могут разные стороны данного «конфликта». Ср. примеры:

*Antes para ponerte guapa tardabas una hora, ahora solo necesitas 3 minutos para tener una piel **tan** buena* ‘Раньше тебе требовалось 3 часа, чтобы прихорошиться, сейчас тебе нужно лишь 3 минуты, чтобы сделать свою кожу такой хорошей’.

*Querido 2020, tenemos algo que decirte. **Que** año **más** tonto. MediaMarkt.* ‘Дорогой 2020, мы должны тебе кое-что сказать. Какой же дурацкий год. МедиаМаркт’.

Проведенный анализ позволяет заключить, что интенсификация представляет собой одно из продуктивных средств реализации основных прагматических установок рекламного дискурса. Эффективность использования маркеров интенсификации в данной дискурсивной практике обуславливается

семантическими особенностями как самих анализируемых единиц, так и сочетающихся с ними лексем (в первую очередь, оценочных), реализующих ряд приемов, направленных на выделение тех или иных характеристик рекламируемого товара / услуги, привлечение к ним внимания целевой аудитории, внушение адресату их исключительности, что, безусловно, способствует искомому воздействию. В качестве же перспективы исследования интенсификации в рекламном дискурсе представляется интересным обозначить лингвокультурный аспект данного явления.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гаран Е. П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Южн. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2009. 20 с.
2. Кудинова И. А. Категория имплицитности в рекламном дискурсе (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Белгор. гос. ун-т. Белгород, 2009. 23 с.
3. Немов А. А. Лингвокультурные характеристики языковых средств и речевых приемов в рекламном дискурсе (на материале арабской рекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Воен. ун-т. М., 2011. 24 с.

УДК 811.133.1'367.634

Юлия Владимировна Овсейчик,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент, докторант кафедры общего языкознания
Минский государственный лингвистический университет,
Минск,
Беларусь
ovsei77@rambler.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАНЦУЗСКИХ КАУЗАЛЬНЫХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ *car* И *donc* (НА ПРИМЕРЕ КОНСТРУКЦИИ [ADJ]+CON]_{CO}+ [ADJ])

В статье рассматриваются функциональные свойства каузальных сочинительных союзов *car* и *donc*. Установлена тенденция к использованию данных единиц при соединении двух однородных предикативных элементов в современном французском языке.

Ключевые слова: каузальный сочинительный союз; корпусные данные; употребительность; функциональные свойства; однородные члены.

Yuliya. V. Auseichyk
PhD, Associate Professor,
doctoral student of the General Linguistics Department
Minsk State Linguistic University,
Minsk,
Republic of Belarus

FUNCTIONAL POTENTIAL
OF THE FRENCH CAUSAL COORDINATORS *CAR* AND *DONC*
(THE CONSTRUCTION [ADJ]+CON]_{CO}+ [ADJ])

The article deals with the functional properties of the causal coordinators *car* and *donc*. A tendency has been established to use these items when connecting two homogeneous predicative elements in modern French.

Key words: causal coordinator; corpus data; usage; functional properties; homogeneous elements.

Традиционно выделяемые семь французских сочинительных союзов *et* ‘и’, *ou* ‘или’, *mais* ‘но’, *ni* ‘ни’, *donc* ‘значит’, *or* ‘итак’, *car* ‘так как’ обладают неодинаковой способностью к оформлению связи между единицами разной синтаксической сложности. Функциональная неравноценность единиц порождает ряд дискуссий о количественном составе сочинительных союзов во французской романистике [1, p. 115–116; 2, p. 127–128; 3, p. 98–124; 4, p. 944].

В фокусе нашего внимания находятся два союза *car* и *donc*. В академических изданиях признается, что единицы оформляют каузальную связь между двумя пропозициями³: союз *donc* указывает на следствие, а союз *car* – на причину [5, p.320]. Другими словами, союз *car* обозначает противоположное обозначаемому союзом *donc*. Если P_1 является причиной, то P_2 есть следствие, таким образом: актуализируется либо модель P_1 *donc* P_2 , либо модель P_2 *car* P_1 .

Целью статьи является выявление способности союзов *car* и *donc* соединять однородные члены предложения.

Материалом для исследования послужили контексты из Национального корпуса французского языка Frantext [6]. Разножанровые текстовые документы датированы XI–XXI вв. и распределены следующим образом: 59 документов датированы 1 001–1299 гг.; 339 документов – 1300–1499 гг.; 352 документа – 1500–1799 гг.; 1103 документа – 1800–1980 гг.; 554 документа – 1981–н/в.

В наиболее частотном случае сочиняются одинаковые члены предложения, как например: *Le héros est [grand] et [puissant]* ‘Герой [великий] и [сильный]’. В результате сопоставления корпусных данных установлена частота употребления традиционно выделяемых сочинительных союзов в конструкции [Adj]+Con]_{CO}+ [Adj] (см. табл.1).

³ Под пропозицией мы понимаем часть содержания высказывания, которая указывает на тип обозначаемой ситуации.

Употребительность сочинительных союзов в конструкции
[Adj]+[Conj_{co}]+[Adj] в диахронии

Adj+Conj _{co} +Adj	1 001–1299 гг.	1300–1499 гг.	1500–1799 гг.	1800–1980 гг.	1981–н/в.
Adj+ <i>et</i> +Adj	6225	22503	44418	95492	57493
Adj+ <i>ou</i> +Adj	164	1875	5712	29859	5752
Adj+ <i>mais</i> +Adj	10	36	115	2541	1629
Adj+ <i>ni</i> +Adj	0	7	539	1720	612
Adj+ <i>donc</i> +Adj	0	0	8	225	119
Adj+ <i>car</i> +Adj	0	0	7	8	26

Как следует из табл. 1 в конструкции [Adj]+Conj_{co}+ [Adj] используются преимущественно два союза *et* и *ou* начиная с периода старофранцузского языка. Более частотный соединительный союз *et* закономерно чаще других используется в конструкциях данного типа при соединении прилагательных, обозначающих разные признаки. Незначительная частотность союза *mais* в конструкциях данного типа объясняется тем, что противительный союз в отличие от союзов *et* и *ou* соединяет исключительно не более двух элементов, репрезентирующих не взаимоисключающие признаки: *brillante mais fugitive* ‘яркая, но мимолетная’, *désillusionné mais joyeux* ‘разочарованный, но радостный’, *exténué mais riche* ‘утомленный, но обогатившийся’ и т. д. На основании данных корпуса союз *or* в данном типе конструкций не используется.

В современном французском языке (XVIII–н/в.) намечается тенденция к использованию союзов *car* и *donc* в конструкциях [Adj]+Conj_{co}+ [Adj]. Частотность союзов *donc* и *car* значительно уступает частотности союзов *et*, *ou*, *ni* и сопоставима с частотностью союза *mais* в конструкциях данного типа. Употребительность двух союзов демонстрирует количественную асимметрию: количество выявленных контекстов с союзом *donc* в разы превышает употребительность союза *car*. Ср.: 41 контекст с конструкцией Adj+ *car* +Adj и 352 контекста с конструкцией Adj+ *donc* +Adj.

Исследуемые единицы сохраняют свою каузальную семантику и устанавливают связь внутри предложения между не более двумя элементами предикативного характера, представляющими собой «свернутые предикаты», т. е. однородные предикативные элементы. Союзы *car* и *donc* обозначают несобственно причинно-следственные отношения между разнообразными сущностями во внеязыковой действительности (*car* указывает на обоснование, *donc* – на вывод), проявляя по-разному свои конъюнктивные свойства.

Рассмотрим контексты с союзом *donc*. Лексема *donc* в конструкциях данного типа соединяет два элемента, указывая на связь между двумя квалификативными признаками носителя, отражающую некоторую жизненную закономерность, фоновые знания говорящих. Наличие определенного признака носителя является основанием полагать, что носитель обладает и другим

признаком, т. е. $P_{\text{обоснование}} \textit{donc} P_{\text{вывод}}$. Семантику союза *donc* можно интерпретировать следующим образом: ‘обычно или естественно если кому-то свойствен признак X, то естественно, что ему свойствен признак Y’.

Сферой действия союза *donc* являются качественные прилагательные в роли предикативов (глагол связка *être* ‘быть’ может опускаться), репрезентирующие бенефактивность (вредный, выгодный, опасный, полезный, ценный и т. д.), известность (знакомый, знаменитый, известный и т. д.), типичность (обыкновенный, обычный, привычный и т. д.), содержание (богатый, бедный, полный и т. д.), физические свойства (крепкий, твердый, громкий и т. д.). Рассмотрим примеры.

Обычно: тот, кому не хватает гармонии, единства ($P_1 \textit{être discordant}$), ему не хватает сил, физической бодрости ($P_2 \textit{être faible}$) (пример 1); то, что находится посередине, неважно, посредственно ($P_1 \textit{être médiocre}$), то может навредить ($P_2 \textit{être nuisible}$) (пример 2); полное выравнивание прав ($P_1 \textit{égalité totale}$) может привести к дискриминации некоторых слоев населения ($P_2 \textit{égalité réductrice}$) (пример 3); любое острое проявление заболевания ($P_1 \textit{être aigu}$) не свидетельствует о его хроническом характере ($P_2 \textit{être transitoire}$) (пример 4).

(1) *..toutes [les tyrannies du monde] sont intéressées à ce que l'homme soit discordant, donc faible* ‘...все тирании мира; все заинтересованы в том, чтобы человек был в разногласии, а потому слаб’ (Michelet J. Journal. 1848. p. 658)⁴;

(2) *..tous ceux qui ne sont ni intelligents, ni saints, qu'ils quittent le froc, ils sont médiocres, donc nuisibles* ‘...все те, кто ни умны, ни святы, пусть оставят рясу, они бездарны, потому и вредны’ (Péladan J. Le Vice suprême. 1884. p.110);

(3) *Mais exiger une égalité totale, donc réductrice ajouta l'excès à l'excès* ‘Но требование полного равенства, а потому редуцирующее, добавляло излишество к избытку’ (Halimi G. Le lait de l'oranger. 1988. p. 320);

(4) *C'est un fait bien connu que nombre de malades, touchés par une crise aiguë, donc transitoire, ... peuvent devenir des drogues et de l'enfermement psychiatrique, des «chroniques», de vrais malades mentaux* ‘Общеизвестно, что ряд больных, затронутых острым и, следовательно, временным кризисом, ... могут стать в результате лекарств и психиатрического заключения «хроническими», настоящими психически больными’ (Althusser L. L'Avenir dure longtemps. 1985. p. 310).

Ср. также: *catégorique donc abusif* ‘категоричный поэтому оскорбительный’, *originaire donc définitive* ‘исходный поэтому окончательный’, *sexué donc coupable* ‘гендерный поэтому преступный’, *mobile donc susceptible* ‘подвижный поэтому восприимчивый’, *effrayant donc mémorable* ‘пугающий поэтому запоминающийся’, *naturel donc indiscutable* ‘естественный поэтому бесспорный’, *faible donc vindicatif* ‘слабый поэтому мстительный’ и т. д.

Частный случай представляют контексты (менее 10 % от выборки), в которых фиксируется использование сочетания двух союзов *et* и *donc*. Связь между двумя соединенными компонентами имеет собственно причинно-следственную зависимость: наличие хромоты ($P_1 \textit{être boiteux}$) является при-

⁴ Здесь и далее приводятся примеры из корпуса Frantext [6].

чиной для профессиональной непригодности ($P_2 \text{ être inapte}$) (пример 5), признание действующей организации запрещенной ($P_1 \text{ être interdit}$) говорит о ее подпольном статусе ($P_2 \text{ être clandestin}$) пример (6).

(5) *Hermand, guéri d'une blessure à la jambe, était resté **boiteux et donc inapte** à l'infanterie* 'Герман, вылечившийся после ранения в ногу, остался хромым и поэтому негодным для службы в пехоте' (M. Genevoix. *Trente mille jours*, 1980 [FR]);

(6) *À quel titre règne-t-il sur l'organisation? Je l'ignore. «Officiellement» interdite et donc clandestine, celle-ci ne connaît pas de parlement interne* 'В каком качестве он возглавляет организацию? Я не знаю. «Официально» запрещенная и поэтому подпольная, она не имеет внутреннего правления' (Cl. Arnaud. *Qu'as-tu fait de tes frères?* 2010 [FR]).

Для объяснения употребления союзного сочетания *et donc* следует отметить, что самому частотному союзу *et* в ряде контекстов присуще соединять пропозиции, связанные собственно причинно-следственным отношением в текущий момент. Ср.:

(7) *Quand la nuit a commencé à descendre, Nour a eu peur et il a touché l'épaule de son père* 'Когда ночь начала опускаться, Нур испугался и дотронулся до плеча отца' (Le Clézio J.-M., *Désert*. 1980. p. 32);

(8) *Alors le silence a cessé, et on a entendu tous les cris des vivants, les hommes et les animaux blessés* 'Потом тишина прекратилась, и мы услышали все крики живых, раненых мужчин и животных' (Le Clézio J.-M., *Désert*. 1980. p. 437).

Введение соединительного союза *et* в конструкцию *Adj+donc+Adj* свидетельствует о прагматической значимости двух типов отношений, обозначаемых союзами. Доказательством может служить элиминация союза *donc* в примерах (5–6) (*boiteux et inapte, interdite et clandestine*), которая, на наш взгляд, не выводит в фокус причинно-следственную связь, а указывает на одновременное существование двух признаков носителя, что не соответствует действительности, поскольку связь между признаками имеет временную обусловленность. В то же время элиминация союза *et* (*boiteux donc inapte, interdite donc clandestine*) не позволяет акцентировать связь двух признаков с текущим моментом. Союзное сочетание *et donc* в конструкции *[Adj]+Conj_{co}+ [Adj]*, таким образом, служит для указания на соединительно-каузальное отношение, прагматически значимое в данный момент.

Перейдем к рассмотрению контекстов с союзом *car*. В отличие от союза *donc* репрезентируемая посредством союза *car* причинно-следственная зависимость между двумя квалификативными признаками носителя отражает определённую часть субъективного опыта говорящего. Полагаем, что союз *car* в конструкции *Adj+car+Adj* обладает «эгоцентрической семантикой», акцентируя субъективность момента с позиции говорящего (о присутствии субъекта сознания в семантике сочинительных союзов в [7]). Поясним.

Функционирование союза *car* в таких конструкциях предполагает наличие двух ситуаций, «состояний», репрезентируемых единицами, маркирующими оценочность и эмоциональное отношение. Признаки, задаваемые прилагательными, соотносятся с определенным моментом времени и проявляются в разные моменты времени в разной степени.

Конструкции Adj+*car*+Adj обозначают неконическую последовательность мыслительных операций, т. е. в рассуждениях обычно обоснование предшествует выводу, а не наоборот (P_{вывод} *car* P_{обоснование}). Такой порядок следования пропозиций затрудняет когнитивную обработку информации – декодирование слушающим связи, – поскольку причин для текущей ситуации может быть несколько. Другими словами, знание текущей ситуации, отношения говорящего к этой ситуации способствует прогнозированию причины для имеющегося вывода. Проиллюстрируем на примерах.

Множество причин может вызвать сильное волнение и бурную драму (P₂ *être dramatique*), но в лютый холод существенно (P₁ *être vital*) украденное пальто (пример 9). Именно отсутствие посторонних звуков (P₁ *être silencieux*) во время чтения молитвы навеивает невероятный ужас (P₂ *être terrible*) (пример 10). Поддерживать доктрину, противоречащую общепринятой (P₂ *être hérétique*), могут люди разных национальностей, а не только немцы (P₁ *être allemand*) (пример 11).

(9) *Un jour de très grand froid, Paulette n'a pas retrouvé son manteau. On le lui avait volé. C'était dramatique car vital* 'В один очень холодный день Полетт не смогла найти свое пальто. У нее его украли. Это было драматично, потому что жизненно важно' (Dupuy A., *Les engelures*. 2013. p. 39);

(10) *Terrible, car silencieuse, Parole de Dieu. Nous échappera toujours sa portée* 'Ужасно, потому что безмолвно, Слово Божие. Его досягаемость всегда будет ускользать от нас' (Jabès E., *Un étranger avec, sous le bras, un livre de petit format*. 1989. p. 85);

(11) *...y compris Kant qu'il tenait pour un cartésien légèrement hérétique car allemand* '...включая Канта, которого он считал слегка еретиком-картезианцем, потому что тот был немцем' (Althusser L., *Les Faits*. 1976. p. 372).

Полагаем, что неконичность следования пропозиций ограничивает употребление союза *car* в конструкциях Adj+ *car* +Adj, накладывая запрет на сворачивание второй пропозиции, репрезентирующей причину. Аргументом могут служить многочисленные контексты в корпусе (в общей сложности 2 650), в которых для пояснения приобретенного носителем признака эксплицируется вся ситуация. Союз *car*, таким образом, соединяет разнофункциональные элементы. Соответственно, расширенный контекст позволяет обосновывать наличие любого признака без ограничения (размер, физические свойства, черты характера и состояния человека и т. д.): ужасающая бедность одной искалеченной девушки, оставшейся без денег (пример 12), нарастающий из-за роя пчел шум (пример 13), комичность заявления критиков (пример 14) и т. д.

(12) *On dut couper une jambe à la jeune fille, elle devint **laide, sinistre et pauvre** [P₂] **car** tout l'argent s'engloutit dans les soins assurant sa survie [P₁]. Aujourd'hui, les poumons atteints, elle se meurt* 'Нам пришлось отрезать ногу молодой девушке, она стала уродливой, зловещей и бедной, потому что все деньги ушли на поддержание ее выживания. Сегодня у нее поражены легкие, она умирает' (Beauvoir S. de, *Lettres à Nelson Algren: un amour transatlantique*. 1947. p.746);

(13) *..son dernier vêtement, plus vibrant et ajusté..., et bientôt **bruyant** [P₂] **car** toutes les grosses abeilles de nuit y vinrent bourdonner [P₁]* '...его последнее одеяние, более яркое и облегающее, ..., становившееся шумным, потому что все большие ночные пчелы там жужжали' (Giraudoux J., *Suzanne et le Pacifique*. 1921. p. 152[5])

(14) *C'est **comique** [P₂] **car** tous les critiques, ..., après avoir décrété que Sartre ne devrait pas écrire de bons romans, étant donné ses idées sur la littérature, reconnaissent qu'il en a pourtant écrit [P₁]* 'Это комично, потому что все критики, ..., после заявления о неспособности Сартра создавать хороших романов, учитывая его взгляды на литературу, признают, что он их написал' Beauvoir S. de, *Lettres à Nelson Algren: un amour transatlantique*. 1964. p.459).

Таким образом, два сочинительных союза *donc* и *car* способны соединять не более двух компонентов, репрезентирующих признаки, между которыми существует причинно-следственная зависимость, отражая общепринятую закономерность или часть индивидуального опыта говорящего. При этом, иконичность следования пропозиций (сначала выражается то, что предшествует, а затем то, что следует (во времени, в пространстве, в рассуждениях)) предопределяет большую употребительность союза *donc* в конструкции [Adj]+Conj_{co}+ [Adj].

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Pottier B. *Systématique des Éléments de Relation: Étude de Morphosyntaxe Structurale Romane*. Paris : Klincksieck, 1962. 375 p.
2. Wilmet M. *Grammaire rénovée du français*. Bruxelles : De Boeck, 2007. 331 p.
3. Badiou-Monferran Cl. *Les conjonctions de coordination ou «l'art de lier ses pensées»* chez La Bruyère. Paris : Champion (Bibliothèque de grammaire et de linguistique), 2000. 561 p.
4. *Grande Grammaire Historique du Français (GGHF)* / Ch. Marchello-Nizia, B. Combettes, S. Prévost, T. Scheer. Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton, 2020. 2185 p.
5. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. *Grammaire méthodique du français*. Paris : P.U.F., 2016. 1110 p.
6. Frantext. Национальный корпус французского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.frantexte.fr> (дата обращения: 30.01.2022).
7. Падучева Е. В. Эгоцентрическая семантика союзов А и НО // *Славянские сочинительные союзы*. М., 1997. С. 36–47.

УДК 811.131.1'373'374

Валерия Болеславовна Скромблевич,
*соискатель кафедры русского языка филологического факультета
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
lera2304@gmail.com*

ПРОБЛЕМЫ ОМОНИМИИ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье отражены современные подходы к изучению вопросов омонимии в итальянской лексикологии и лексикографии. Рассмотрены вопросы понятийного аппарата, определения семантических границ омонимии, классификации омонимов, проблема дифференциации омонимии и полисемии, а также проблемы лексикографического представления омонимов в их связи с разграничением омонимии и полисемии и определением понятия «омонимы».

Ключевые слова: омонимия; полисемия; лексикология; лексикография; итальянский язык.

Valeria B. Skromblevich
*external PhD student of the department of Russian language
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus*

PROBLEMS OF HOMONYMY IN ITALIAN LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY

The article considers the modern approaches to the study of questions of homonymy in Italian lexicology and lexicography. The issues of the conceptual apparatus, the definition of the semantic boundaries of homonymy, the classification of homonyms, the problem of differentiation of homonymy and polysemy, as well as the problems of lexicographic representation of homonyms in their connection with the distinction between homonymy and polysemy and the definition of the concept of "homonyms" are considered.

Key words: homonymy; polysemy; lexicology; lexicography; Italian language.

Вопросы омонимии в итальянской лингвистике изучены значительно меньше в сравнении с тем, как они разработаны, например, в русистике. Омонимия рассматривается как «fenomeno legato alla polisemia» 'явление, связанное с полисемией'. Однако в последнее время интерес к данному явлению возрастает, причем оно рассматривается в рамках более широкого понятия «ambiguità linguistica» 'языковая двусмысленность'. «Ambiguità linguistica» включает все случаи, когда одной и той же языковой форме соответствует несколько значений, и обнаруживается на всех уровнях языка, подразделяясь на лексическую, фонологическую, грамматическую, синтаксическую и межъязыковую. Наиболее широко «ambiguità linguistica» представлена в лексике, так как достаточно часто именно лексеме свойственно иметь более одного значения.

Цель данной публикации – раскрыть теоретические принципы и понятийный аппарат современных подходов к изучению явления омонимии в итальянской лексикологии, а также проблемные вопросы и практические трудности лексикографического представления омонимов и полисемантов.

Лексикология итальянского языка, как и другие национальные лексикологические школы, не избежала дискуссий по таким вопросам, как семантические границы омонимии, ее понятийный аппарат, классификация омонимов, дифференциация полисемии и омонимии, представление омонимов в словарях.

При изучении явления омонимии большое значение имеет определение ее границ и связанная с ним классификация омонимов, о чем свидетельствует ряд научных работ по омонимии, в которых авторы предлагают свои подходы к определению видов и групп омонимов. В итальянистике, как и в других национальных лингвистических школах, вопрос о классификации омонимов решается в зависимости от понимания сущности явления омонимии.

В «Enciclopedia dell'italiano» ('Энциклопедии итальянского языка') под омонимами понимаются «le parole che hanno la stessa pronuncia e la stessa grafia, ma significato diverso» 'слова, которые имеют одинаковое произношение и написание, но различное значение' [1]. «Enciclopedia italiana Treccani» ('Итальянская энциклопедия Треккани') в качестве омонимов предлагает считать «due parole eguali e differenti nel significato» 'два одинаковых слова, различных по значению' [2]. «Grande dizionario della lingua italiana» ('Большой словарь итальянского языка') дает такое определение: «omonimo che è scritto o pronunciato allo stesso modo di un'altra parola, pur avendo significato diverso che presenta polisemia» 'по отношению к другому слову омоним одинаково пишется или произносится, но в отличие от полисемии, имеет различное с этим словом значение' [3]. Ф. Казадеи, автор ряда публикаций по проблемам «ambiguità linguistica», предлагает такое определение омонимии: «parole che hanno la stessa forma, senza specificare se si tratti della forma grafica o fonologica» 'слова, имеющие одинаковую форму, без указания, является ли это графической или фонологической формой' [4, с. 76].

Отсутствие в лингвистической литературе единства взглядов на омонимию, ее границы и разновидности не позволяет создать общепринятую классификацию омонимов. Так, традиционно в итальянистике выделяют лексические омонимы, омофоны, омоформы, однако трактовки их не совсем одинаковые. Например, М. Дардано при классификации омонимов рассматривает омонимы, омографы и омофоны в одном ряду: «gli omonimi sono al tempo stesso omografi. Non sempre gli omografi sono anche gli omofoni» 'омонимы являются одновременно омографами. Не всегда омографы являются также омофонами' [5, с. 125].

В Таблице 1 представлены термины, которые используются в современной итальянской лингвистической литературе, – как традиционные для европейской лингвистики в целом, так и национально-специфические для итальянистики:

Таблица 1

Термин	Значение	Примеры
Eterofoni 'чистые омографы'	совпадают исключительно в графической форме, различаются ударением	<i>ancora</i> 'якорь' <i>ancora</i> 'еще'
Eterografi 'чистые омофоны'	совпадают исключительно по фонетической форме	<i>cieco</i> 'слепой' <i>ceso</i> 'чешский'
Omonimi perfetti 'идеальные омонимы', omonimi totali 'полные омонимы'	понимаются слова, которые совпадают по фонологической и графической форме	<i>canto</i> 'песня' <i>canto</i> 'угол'
Quasi omofoni 'квазиомонимы', 'почти-омофоны'	слова, которые отличаются одной буквой и одним звуком; могут провоцировать речевые ошибки и поэтому актуальны для глоттодидактики	<i>infettare</i> 'заражать' <i>infestare</i> 'заполонять'
Capitonimi 'капитонимы'	слова с разным значением, различающиеся на письме прописной или строчной первой буквой	<i>borsa</i> 'сумка' <i>Borsa</i> 'фондовая биржа'
Geoomonimi 'геоомонимы'	слова, совпадающие по фонетической и графической форме, которые в зависимости от географического района приобретают разное значение	<i>fetta</i> 'нога' (Рим) <i>fetta</i> 'лоскут' (Эмилия-Романья)
Marchionimi 'маркионимы'	слова, совпадающие по фонологической и графической форме, которые обозначают торговое название компании и ее продукта	<i>la Fiat</i> 'завод ФИАТ' <i>la Fiat</i> 'машина марки ФИАТ'

Вопросы омонимии в итальянской лексикографии, как и в лексикологии, являются неоднозначными. Итальянские исследователи, занимающиеся проблемой «*ambiguità lessicale*» с точки зрения лексикографической практики, указывают на необходимость принятия во внимания четырех важных аспектов, которые могут стать причиной трудностей представления омонимов в словаре.

Первый аспект касается необходимости различения истинной полисемии от так называемой вариативности или от расширения значения, которые могут возникать в определенных контекстах, когда лексема обнаруживает семантическую специфику, которая, однако, недостаточна для того, чтобы сформировать автономное значение. Ср., например, семантическое варьирование прилагательного *leggero* 'легкий' в следующих словосочетаниях: *farmaco leggero* 'лекарство с небольшим количеством побочных эффектов', *borsa leggera* 'нетяжелая сумка', *vestito leggero* 'летнее платье', *cibo leggero* 'нежирная пища', *vino leggero* 'слабоалкогольное вино'. Возникает вопрос: можно ли

в данных случаях говорить об автономии значений или каждая из этих семантических вариаций входит в единое значение «такой, который оказывает менее интенсивное физико-перцептивное воздействие»? Ф. Казадей при решении данного вопроса придерживается мнения А. Бежоа, которое состоит в следующем. На том основании, что словари часто расходятся в количестве и типе фиксируемых значений (одно и то же слово может быть однозначным в одном словаре и многозначным в другом; семантическое различие, которое один словарь подает как форму полисемии, другой представляет как оттенок значения; одни и те же единицы в одном словаре могут быть вариантами полисемичного слова, а в другом – омонимами), лексикографы могут быть условно разделены на «*assoratori*» ‘объединяющих’ и «*separatori*» ‘разделяющих’ [6, с. 42].

В Таблице 2 на примере представления единиц *agricoltura* и *gru* в четырех толковых словарях итальянского языка показано, как различается интерпретация статуса этих слов и насколько велика может быть разница.

Таблица 2

	Treccani [2]	Gradit [3]	De Mauro [7]	Hoepli [8]
<i>Agricoltura</i> 'сельское хозяйство'	1. l'arte e la pratica di coltivare il suolo allo scopo di ottenerne prodotti per l'alimentazione umana e animale, e anche altri prodotti utili.	1. coltivazione dei campi; 2. complesso di scienze (chimiche, fisiche, economiche, ecc.) che riguardano la coltivazione dei campi; 3. fig. v. agricola.	1. coltivazione della terra; 2. agraria.	1. arte e tecnica di coltivare la terra per ricavarne piante commestibili o comunque utili all'uomo.
<i>Gru</i> 'журавль', <i>gru</i> 'кран'	<i>gru</i> ¹ 1. dispositivo per il sollevamento e il trasporto di carichi; 2. macchina da guerra medievale; <i>gru</i> ² ; 1. nome con cui vengono indicati varî uccelli della famiglia gruidi; 2. in astronomia, nome di una piccola costellazione del cielo australe, tra il Tucano e il Pesce australe.	<i>gru</i> ¹ 1. grosso uccello; 2. figura stilizzata in smalto d'argento che rappresenta questo uccello; 3. danza della gru: antico ballo che si diceva istituito da Teseo in memoria dell'uscita dal labirinto; 4. piccola costellazione situata fra il polo Sud celeste e il Pesce Australe; 5. locuz. Avere il collo come la gru,	1. grosso uccello; 2. macchina per il sollevamento e lo spostamento di carichi; 3. carrello mobile provvisto di un lungo braccio sul quale è posta la cinepresa; 4. macchina da guerra.	1. grande uccello; 2. macchina usata spec. in edilizia per sollevare grandi pesi; 3. carrello mobile per le riprese cinematografiche; 4. antica macchina da guerra.

		avere il collo da gru: avere il collo molto lungo. gru ² 1. macchina destinata al sollevamento e allo spostamento di carichi; 2. carrello mobile per riprese cinematografiche (o anche televisive); 3. antica macchina bellica; 4. dimin: gruétta.		
--	--	--	--	--

Второй аспект тесно взаимосвязан с первым и касается вопроса различения омонимии и полисемии, нерешенность которого также отрицательно сказывается на лексикографической практике. Критериям разграничения данных явлений посвящено большое количество работ, однако единодушия в определении наиболее оптимального показателя различения омонимов и многозначных слов пока обнаружить не удалось. Для решения этого пока неразрешимого вопроса некоторые итальянские лингвисты предлагают рассматривать полисемию и омонимию не в оппозиции, а в рамках единого явления «ambiguità lessicale» ‘лексическая двусмысленность’, где полисемия и омонимия – это типы «ambiguità lessicale», а омофоны, омографы, «ложные друзья переводчика» и другие сходные с омонимией явления – это формы «ambiguità lessicale». При этом надо отметить, что в качестве приоритетного критерия разграничения полисемии и омонимии в италянистике считается этимологический, несмотря даже на то, что он трудно применим при рассмотрении «ambiguità lessicale» в синхронии, так как носитель языка без специальных знаний вряд ли сможет определить, если ли этимологическая связь, например, между *barba* ‘борода’ и *barba* ‘дядя’ [6, 9].

Третий аспект, вызывающий трудности в представлении омонимов в словаре, касается вопроса о различении разных степеней омонимии (следует ли различать эти степени вообще и как это делать). Речь идет об омонимах полных (абсолютных) или частичных. К абсолютным омонимам относятся лексемы, у которых совпадает вся парадигма форм, например *canto*¹ ‘песня’ и *canto*² ‘угол’. Частичные омонимы относятся к разным частям речи и совпадают в отдельных формах (например, *faccia*¹ ‘лицо’ и *faccia*² ‘форма повелительного наклонения глагола *fare*’). Ключевым критерием определения полноты или частичности омонимов в лексикологии будет являться тождественность формы и принадлежность к той или иной части речи.

С лексикографической точки зрения, данный вопрос имеет совершенно иной ракурс. Лексемы, имеющие одинаковое написание в словарной форме, будут регистрироваться как омонимы независимо от того, являются ли они

также омофонами, и принадлежат ли они к одной и той же лексической категории, т. е. независимо от двух критериев, которые лексическая семантика считает решающей для различения абсолютных и частичных омонимов. Для лексикографов различие между абсолютными и частичными омонимами совершенно не имеет значения, так как для отображения омонимов в словарях учитываются другие переменные. Прежде всего, в толковых итальянских словарях принимаются во внимание только те омонимы, которые предполагают форму цитирования лексем, то есть форму, в которой они условно лемматизируются в языке. Этот критерий имеет свою логику, но не объясняется семантическими причинами и по сути обуславливает существенную недооценку удельного веса омонимии в лексиконе, поскольку подавляющее большинство частичных омонимов невозможно восстановить по словарям.

И, наконец, четвертый аспект – это транскатегоризация или «*ambiguità grammaticale*» ('грамматическая двусмысленность'). Под транскатегоризацией понимаются все случаи, в которых форма принадлежит к разным лексическим категориям – как в результате процесса грамматикализации (например, слово *durante* из причастия настоящего времени стало предлогом), так и в результате конверсии, т. е. путем изменения лексической категории без добавления словообразовательных аффиксов.

Транскатегоризация – явление переменчивое и находится на стыке омонимии и полисемии, так как не всегда легко установить, когда транскатегоризация порождает новую лексему, а когда слово используется только в типичной функции другой категории, но при этом не образует новый лексический элемент.

В итальянских словарях транскатегоризация чаще всего трактуется как форма полисемии, то есть разные грамматические свойства соответствуют отдельно взятому значению, а не словарной форме слова. Исключения могут составлять девербативы, например, слово *potere*: *potere*¹ 'мочь, иметь возможность' и *potere*² 'сила'.

Подводя итог, отметим, что в словарях итальянского языка отмечается некоторая непоследовательность и неупорядоченность в представлении омонимов, что, безусловно, вызывает определенные трудности у тех, кто к этим словарям обращается. Изучая явление омонимии, итальянские исследователи придерживаются одного из двух направлений: 1) «*fenomeno legato alla polisemia*» ('явление, связанное с полисемией') и 2) в рамках понятий «*ambiguità linguistica*» и «*ambiguità lessicale*». При изучении проблем представления омонимов в словарях учитываются такие аспекты как: 1) отличие истинной полисемии от вариативности значения; 2) дифференциация явления омонимии и полисемии; 3) насколько важным для лексикографии является различие степеней омонимии; 4) транскатегоризация.

Дальнейшее изучение проблемы омонимии в итальянской лексикологии и лексикографии позволит получить новые данные о динамике развития и вариативности итальянского языка, изучить более детально причины расхожде-

ния в описании омонимов и структуре словарной статьи, а также установить причины этих расхождений, выявить недочеты в характеристике и интерпретации омонимии.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Enciclopedia dell'italiano [Electronic resource]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/elenco-opere/Enciclopedia_dell%27Italiano (accessed: 01.03.2022).
2. Enciclopedia italiana [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/enciclopedia-italiana_\(Enciclopedia-Italiana\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/enciclopedia-italiana_(Enciclopedia-Italiana)) (accessed: 01.03.2022).
3. Grande dizionario della lingua italiana [Electronic resource]. URL: <http://www.gdli.it/> (accessed: 01.03.2022).
4. Casadei F., Basile G. Lessico ed educazione linguistica. Roma : Carocci, 2019. 217 p.
5. Dardano M., Trifone P. La lingua italiana. Bologna : Zanichelli, 1985. 480 p.
6. Casadei F. La didattica dell'ambiguità lessicale: il ruolo del dizionario // Italiano a scuola. 2021. № 3. С. 39–66.
7. Dizionario della lingua italiana De Mauro [Electronic resource]. URL: <https://dizionario.internazionale.it/> (accessed: 01.03.2022).
8. Grande dizionario italiano [Electronic resource]. URL: https://www.grandidizionari.it/Dizionario_Italiano.aspx?idD=1 (accessed: 01.03.2022).
9. Stenta E. La definizione lessicografica. Tradizione e procedure compositive nei dizionari monolingui, alfabetici italiano dalla seconda metà dell'Ottocento ad oggi / Univ. degli Studi di Napoli Federico II, Dipartimento di Filologia moderna. Napoli NA, 2005. 315 p.

УДК 811.134.2'42

Анна Ивановна Цупа,

*Преподаватель кафедры фонетики и грамматики испанского языка,
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
tsupik89@mail.ru*

МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В СТРУКТУРЕ СЛОЖНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматривается роль метакоммуникативных речевых актов в формировании сложного диалогического единства, и особенности их функционирования. Исследуется выявленная корреляция позиции метакоммуникативного речевого акта и модели развития диалогического единства.

Ключевые слова: модель сложного диалогического единства; цепочечная модель; бинарная модель; прерывающаяся модель; смешанная модель; метакоммуникативный речевой акт; усложнение

Hanna I. Tsupa

*Lecturer at the Department of Phonetics and Grammar of the Spanish Language,
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus*

METACOMMUNICATIVE SPEECH ACTS IN THE STRUCTURE OF
COMPLEX DIALOGICAL UNITY
(BY THE MATERIAL OF THE SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

The article discusses the role of metacommunicative speech acts in the formation of a complex dialogic unity, as well as the features of functioning in a dialogical unity. The identified correlation between the position of the metacommunicative speech act and the model of the development of dialogic unity seems essential for the study.

Key words: complex dialogical unity model; chain model; binary model; discontinuous model; mixed model; metacommunicative speech act; complication

Метакоммуникация неотъемлемая часть общения. В поле коммуникативной лингвистики ученые отмечают полифункциональность метакоммуникативных высказываний в диалогическом дискурсе [1, 2, 3], поэтому целью данного исследования является выявление роли метакоммуникативных высказываний в структурной организации сложного диалогического единства.

Как известно, диалогические единства стандартного двухкомпонентного характера в условиях реальной коммуникации нередко усложняются за счет дополнительных реплик, в результате чего образуются сложные диалогические единства (далее – ДЕ) различных структурных типов. В качестве элементов, усложняющих ДЕ, могут выступать реплики разного характера: уточнения, переспросы, оценочные речевые ходы (выражающие, в частности, согласие или возражение) и т. д.

В круге подобных реплик важное место занимают метакоммуникативные речевые ходы (далее – МКХ), играющие в механизмах усложнения ДЕ существенную роль.

Проанализировав 200 русскоязычных и 200 испаноязычных сложных ДЕ можно утверждать, что значимой особенностью функционирования МКХ в структуре ДЕ является возможность участия в образовании сложных ДЕ всех структурных типов, а именно бинарной, цепочечной, прерывающейся и смешанной моделей [4; 5]. Приведем сложные ДЕ бинарной структуры, где в роли усложняющего элемента выступает МКХ (реплика 3), «направленный на выявление качественных характеристик коммуникации, в первую очередь истинность сообщения и искренность партнера» [3, с. 16]: (Пример 1)

- (1) А. Вы не скажете, который сейчас час?
- (2) Б. Щас двадцать минут двенадцатого.
- (3) А. Точно?
- (4) Б. Да, я утром проверял.

В испанском разговорном дискурсе также представлены ДЕ, соответствующие данной характеристике, а именно сложное ДЕ бинарной модели с усложняющим его МКХ (реплика 3), выявляющим искренность сообщения коммуниканта: (Пример 2)

(1) E2: *¿No le importa si cierro para que no se oiga el ruido?* ‘Вы не возражаете, если я закрою (окно), чтобы не слышался шум?’

(2) I1: *¡No! Sí, ciérralo. ¡Ay! nos pone locos eso, pero qué vas a hacer... eso... | las criaturicas... | cierra.* ‘Нет. Да, закрой его. Ой! Это сводит нас с ума, но что поделаешь... что... | (дети) закрой.’

(3) E2: *¿Sí?* ‘Да? (Точно?)’

(4) I1: *Claro.* ‘Конечно’

Примером реализации цепочечной структуры в русскоязычном диалоге может выступать ДЕ, усложненное МКХ (первая часть сложной реплики 2): (Пример 3)

(1) Б. *Привет, Лёш. Слышал, у Виктора вчера машину вскрыли?*

(2) А. *Да ну! Чё взяли?*

(3) Б. *Да там и брать-то особо нечего. Запаску (запасное колесо).*

Ср. аналогичную структурную модель в испанском диалоге:

(Пример 4)

(1) В: *¿te ha dicho algo tu madre del barco?* ‘Тебе сказала твоя мать что-нибудь о лодке?’

(2) А: *nada* ↓ *¿qué me va a decir?// (¿por qué me tiene que decir algo?)/* ‘Ничего. Что она мне скажет? (Почему она мне должна что-то сказать?).’

(3) В: *no sé por algo.* ‘Не знаю, просто.’

В данном сложном ДЕ цепочечной модели усложняющим элементом выступает МКХ мотивировочного типа (вторая часть реплики 2), который эксплицирует причину того или иного речевого действия, совершаемого говорящим. В свою очередь позиция данного МКХ определяет модель развития сложного ДЕ.

Усложнение ДЕ посредством одного МКХ можно наблюдать в примере ДЕ прерывающейся структуры, усложненной МКХ (реплика 2), выявляющим истинность сообщения говорящего: (Пример 5)

(1) Л. *Да-а, я вот регулярно собираюсь делать зарядку, а Сашка-то у меня что-то, это, филолит.*

(2) И. *Ты серьезно будешь делать зарядку?*

(3) Л. *Вполне.*

(4) И. *Ну хорошо, посмотрим.*

Соответствующее использование данного типа МКХ (реплика 2) в аналогичной модели ДЕ обнаруживается (Пример 6) и в испаноязычном дискурсе:

(5) (1)А. *Disculpe, ese es mi asiento.* ‘Извините, это мое место.’

(6) (2) В. *¿Está seguro? No puede ser.* ‘Вы уверены? Не может быть.’

(4) А. *Sí, mi entrada dice fila seis, asiento doce. Es ese mismo.* ‘Да, в моем билете написано - ряд 6, место 12. Это мое место.’

(5) *B. A, sí.. es verdad. Disculpe, había visto mal mi entrada. Mi asiento es el dos. Ya le dejo su asiento. 'А, да. И правда. Извините, я плохо посмотрел свой билет. Мое место 2. Сейчас я освобожу Ваше место.'*

Смешанная структурная модель организации ДЕ включает в себя элементы других структурных типов. Данный структурный тип наименее представлен в материале. Однако для подтверждения вышеописанного свойства функционирования МКХ приведем пример (Пример 7) такого типа ДЕ:

(1) *E. Oй, Светка, это ты тетрадок столько исписала за три года?*

(2) *C. Какие?*

(3) *E. Вот тут лежат.*

(4) *C. Это только за этот год.*

(5) *E. Да?*

(6) *C. Ну нет, здесь ещё по латыни, и по греческому.*

В данном примере представлено сочетание прерывающейся структуры (фрагмент 1–4) и бинарной структуры (фрагмент 5–6). Элемент, обеспечивающий усложнение (реплика 5), представляет собой МКХ, именно он выявляет истинность сообщения и искренность партнера.

Аналогично дело обстоит и в испанском разговорном дискурсе, ср. сложное ДЕ, включающее МКХ «мотивировочного типа, которые эксплицируют причину, по которой говорящий совершает то или иное речевое действие» [3]: (Пример 8)

(1) *Nadia: Te dije que ayer íbamos a ver una peli. ¿Se puede saber donde estuviste? 'Я сказала тебе вчера, что мы пойдём в кино. Можно узнать, где ты был?'*

(2) *Aitor: Lo siento no pude ir y además yo ayer estuve en casa de mi madre. 'Извини, я не смог пойти, к тому же я был в гостях у мамы.'*

(3) *Nadia: ¿En casa de tu madre? 'В гостях у мамы?'*

(4) *Aitor: Si, en casa de mi madre. ¿Por qué? ¿No te lo crees? 'Да, в гостях у моей мамы. А что? (Почему ты спрашиваешь?) Ты мне не веришь?'*

(5) *Nadia: ¡No! Ayer te llamé a casa y me dijo tu madre que te fuiste al Bora Bora Light con tus amigos. 'Нет! Вчера я звонила твоей маме, и она сказала, что ты пошел в Бора Бора с друзьями.'*

(6) *Aitor: Vale lo admito... 'Ладно, я признаю...'*

Данный пример демонстрирует смешанную модель, в состав которой входит бинарная структура (реплика 1–4) и цепочечная структура (реплика 4–6). МКХ мотивировочного типа, выражающими причину, по которой говорящий совершает определенное действие, выступают фрагменты сложной реплики 4 *¿Por qué? ¿No te lo crees?* 'А что? (Почему ты спрашиваешь?) Ты мне не веришь?'

Интересно подчеркнуть, что в структуру сложного ДЕ могут включаться один (см. примеры выше) или несколько МКХ.

Вхождение в структуру диалога двух и более метакоммуникативов влечет образование усложненных ДЕ, в состав которых входят дополнительные ДЕ чисто метакоммуникативного характера. В подобных контекстах либо целый

диалогический фрагмент представляет собой минидialog, участники которого обсуждают не ситуации, проблемы, положение дел и т. п., а коммуникативное поведение собеседника, либо такой мини-dialog инкорпорируется в усложненное ДЕ содержательного характера. Например:

- (1) И1. Ты заметил?
- (2) И2. Да, заметил.
- (3) И1. Что я тебя никогда не перебиваю.
- (4) И2. Угу.
- (5) И1. Всё время очень внимательно слушаю.
- (6) И2. Очень.

Пример представляет собой сложное ДЕ бинарной структуры, усложняющими элементами выступают однотипные МКХ, ориентированные на регулирование коммуникативной инициативы. И в данном случае образуется минидialog (реплики 3-6) метакommunikативного характера. Несмотря на то, что минидialogи носят независимый характер, как правило, они все же инкорпорируются в содержательные сложные ДЕ.

В случаях, когда усложненное ДЕ включает два и более метакommunikатива, целесообразно различать две разновидности: а) в состав усложненного ДЕ входят однотипные с функционально-семантической точки зрения МКХ; б) ДЕ включает разнотипные МКХ.

А) Однотипные МКХ.

Реализацию однотипного МКХ в структуре сложного ДЕ можно наблюдать в следующем примере русскоязычного дискурса: (Пример 9)

- (1) Б. Славка что-то тебе и не пишет.
- (2) В. А он, как я теперь понимаю, и не писал никогда. Это мама, когда они там жили. Он и не знал.
- (3) Б. Да?
- (4) В. Конечно. Но он все-таки звонит.
- (5) Б. Разве?
- (6) В. Без тебя, наверное, как-то.

Вышеприведенное сложное ДЕ представляет собой бинарную структуру, в усложнении которой участвуют МКХ (реплики 3,5), связанные с оценкой истинностных характеристик высказывания. Таким образом, в результате усложнения фрагмент 3-6 данного сложного ДЕ образует минидialog и носит метакommunikативный характер.

Соответствующее использование нескольких однотипных МКХ можно обнаружить (Пример 10) и в испаноязычном дискурсе:

- (1) *Novia: Te compré una camisa. 'Я купила тебе рубашку'*
- (2) *Novio: Que tienen de malo las camisas que ya tengo? 'А что плохого в тех рубашках, что у меня есть?'*
- (3) *Novia: Tus camisas no tienen nada de malo. 'В твоих рубашках нет ничего плохого.'*
- (4) *Novio: Entonces... Por qué me compraste otra camisa, que yo sepa no es mi cumpleaños. 'Тогда. Зачем ты купила мне еще одну рубашку, насколько я знаю у меня не день рождения.'*

(5) *Novia: Te la compre porque me gustó para ti.* ‘Я тебе ее купила потому что она мне понравилась для тебя.’

(6) *Novio: Seguro es porque no te gustan las que ya tengo.* ‘Это, потому что тебе не нравятся те, которые у меня уже есть.’

В данном случае мы наблюдаем смешанную структурную модель, в которую входит прерывающаяся структура (фрагмент 1-4) и цепочечная (фрагмент 4-6). Усложняющими элементами в данной структуре выступают МКХ (реплики 2, 4) мотивировочного типа, цель которых выяснить причину совершения действия говорящим. В результате образуется фрагмент ДЕ, в котором реплики говорящего лишены метакоммуникативности и носят информативный характер, в то время как реплики слушающего носят метакоммуникативный характер.

Б) Разнотипные МКХ.

Реализацией разнотипных МКХ в структуре сложного ДЕ в испаноязычном дискурсе выступает следующее ДЕ: (Пример 11)

(1) *Nadia: Pues si no te gusta ir con migo al cine, tranquilo que me busco a otro.* ‘Если тебе не нравится ходить со мной в кино, я найду себе другого.’

(2) *Aitor: ¡Pues vale! Luego no me llames pidiendome perdón eh! Porque es que yo ¡Paso de ti!* ‘Ну и хорошо! Не звони мне потом и не проси прощения! Потому что я! Бросаю тебя!’

(3) *Nadia: Me da igual que pases de mi, ya te he dicho que me busco a otro.* ‘Мне все равно, что ты меня бросаешь, я тебе уже сказала, что найду себе другого.’

(4) *Aitor: ¡Que vale! Pero lo que yo te estoy diciendo es que luego no me llames. Хорошо.* ‘А я тебе говорю, что потом мне не звони.’

(5) *Nadia: ¡Que sí! Mira boy a borrar tu número de movil y el de tu madre* ‘Отлично! Смотри я удалю твой номер и номер твоей матери.’

(6) *Aitor: ¡Pues mejor! Asi luego no me estas llamando a todas horas.* ‘Ну и лучше! Так ты не сможешь мне звонить все время (в любое время)’

(7) *Nadia: ¿perdona? ¿Como que a todas horas?* ‘Прости, что? Как это все время?’

(8) *Aitor ¡Pues si! ¡Eres una pesada! ¡No paras de llamarme!* ‘Вот так! Ты зануда! Ты мне звонишь без перерыва!’

(9) *Nadia: ¿Pesada yo? Anda no hablemos eh!* ‘Зануда я? Все, мы больше не разговариваем!’

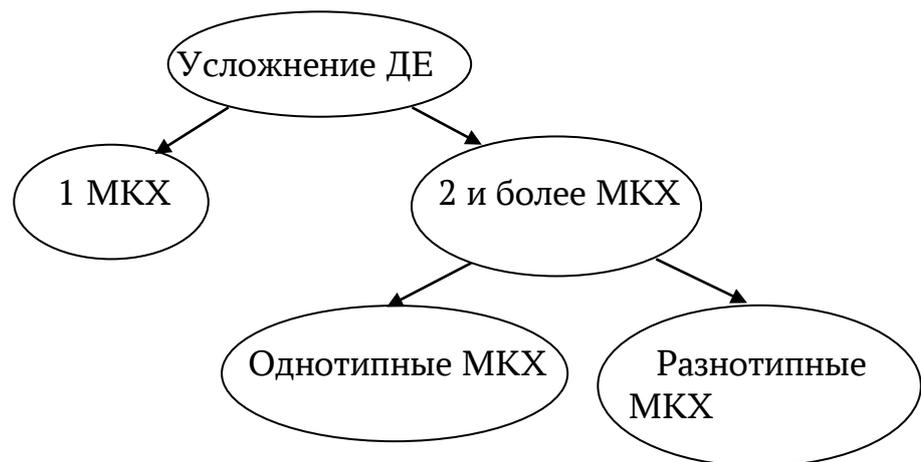
(10) *Aitor: ¡Pues vale tio! ¡Yo me piro!* ‘Ну и отлично! Я ухожу!’

(11) *Nadia: Vete!!!* ‘Уходи!’

(12) *Aitor: ¡Que ya me voy! ¡Tranquila eh!* ‘Да я уже ухожу! Будь спокойна!’

Усложнение данной бинарной структурной модели ДЕ происходит благодаря нескольким типам МКХ, а именно ходам, обеспечивающим мониторинг темы (реплики 4), а также МКХ, ориентированным на мониторинг иллюкативных характеристик высказывания (реплики 7, 9).

Все вышеописанное можно представить в виде следующей схемы:

Таким образом, сформулированные наблюдения позволяют утверждать, что метакоммуникативные речевые акты играют важную роль в формировании структуры сложного диалогического единства. Во-первых, в структуре ДЕ может использоваться один и несколько МКХ. Во-вторых, при употреблении нескольких МКХ в структуре ДЕ были выделены ДЕ, усложненные однотипными и разнотипными МКХ. Была обнаружена корреляция позиции или направленности такого РА и формирования различных моделей сложного ДЕ. Например, если метакоммуникативный РА направлен на слушающего, то формируется цепочечная модель (примеры 3, 4) или прерывающаяся модель (примеры 5, 6), а если РА направлена на говорящего, то формируются бинарная (пример 1, 2, 9, 11, 12), соответственно смешанная структурная модель (примеры 7, 8, 10) образуется в обоих случаях.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Михайлова Н. П. Метакоммуникативные речевые действия в диалоге: прагматика и лексико-грамматические средства выражения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2007. 22 с.
2. Синицына А. Н. Метакоммуникативные единицы и их роль в организации и регуляции англоязычного диалогического общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2005. 20 с.
3. Метакоммуникативная организация диалогического дискурса / В. Р. Абреу-Фамлюк, Т. В. Бобко, Е. Г. Задворная, О. В. Леон, М. А. Сивенкова, О. Н. Чалова ; под общ. ред. Е. Г. Задворной. Минск : МГЛУ, 2017. 112 с.
4. Чалова О. Н. Структурная и лингвопрагматическая организация устной научной дискуссии (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. М., 2013. 116 л.
5. Berenguer Oliver J. Estrategías del discurso conversacional: algunos casos de relato encatalán y español / Univ. de València (España). Valencia, 1994. 453 p.

УДК 811.133.1'25'37

Мехри Сердаровна Ягмурова,
*аспирант кафедры теории и практики преподавания иностранных языков
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
mehrisha.yagmurowa@mail.ru*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН

В статье рассматриваются вопросы изучения и адаптации личных имен в жизни человека на примере французских антропонимов.

Ключевые слова: личные имена; антропонимическая модель; адаптация; социокультурная адаптация.

Mehri S. Yagmurowa
*Postgraduate student of the Theory and Practice of Teaching Foreign Languages
Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

SOCIO-CULTURAL ADAPTATION IN THE TRANSLATION OF PERSONAL NAMES

The article considers the study and adaptation of personal names in human life on the basis of French anthroponyms.

Key words: personal names; anthroponymic model; adaptation; socio-cultural adaptation.

В жизни общества имена всегда играли особую роль: с узнавания имени начинается знакомство людей друг с другом. Современная антропоцентрическая парадигма языкознания приводит к изучению проблемы личного имени не только в языке, но и в речевом общении, когда коммуниканты обмениваются разного рода информацией в рамках ситуаций. В речевом взаимодействии важная роль отводится и выбору говорящим субъектом формы личного имени. Кроме этого следует отметить и особый статус личного имени: последнее содержит обширные сведения об особенностях культурной, исторической, социальной и бытовой картины развития общества, в них отражены мировосприятие и представления народа. Другими словами, личные имена представляют собой лексические единицы с маркированной этнокультурной спецификой, передающие общие закономерности развития лингвокультурного сообщества.

Цель исследования: изучить возможности применения социокультурной адаптации при переводе английских и французских личных имен.

Методы исследования: структурно-семантический, сопоставительный, метод сплошной выборки.

Адаптация⁵ [4, с. 32] исходного текста для иноязычной аудитории на первый взгляд представляется переводческой проблемой ситуативного характера. Однако в различных областях науки о языке четко выделилось несколько противоречий, детальное изучение которых не позволяет рассматривать адаптацию лишь как способ решения единичной переводческой трудности.

В отличие от прагматической адаптации текста, основная задача которой лежит в сохранении прагматического потенциала и коммуникативного эффекта исходного текста, социокультурная адаптация⁶ используется для 'сближения культур' исходного текста и текста перевода [3, с. 45]. Е. М. Масленникова отмечает, что перевод, являясь в той или иной степени заказом определенного социума с его характерными особенностями, находится на определенном 'пространственно-временном' и "культурно-историческом" расстоянии от своего исходного текста [3, с. 50].

Выявление необходимости адаптации можно рассматривать как компонент переводческого анализа, важной составляющей которого является определение переводческих трудностей исходного текста. С опорой на изложенную выше теоретическую базу и выделенные критерии социокультурной и прагматической адаптации в ходе данного исследования предполагается провести переводческий анализ художественных текстов.

Имена личные содержат актуальную социокультурную фоновую информацию и связаны в сознании коммуникантов со многими признаками их носителей: например, *Jacques: faire le Jacques* в значении – «дурачиться». Данное выражение появилось около 1880 г. В эту эпоху, *Jacques* – одно из имен (как *Jiles* или *Guillaume*), обозначающее простодушного человека, простака. Существует мнение, что это выражение родилось в Англии. По другой версии, лексема *Jacque* первоначально соответствовала обозначению короткой куртки крестьянина, а как результат вторичной номинации стала использоваться иронически аристократами для характеристики невежественных, необразованных простолюдинов, то есть обделенных интеллектом, разумом.

В культурном сознании носителей французского языка образ Жака складывается главным образом из двух характеристик, образующих центральную зону его коннотативной семантики. Эти характеристики проявляются в значениях апеллятивных дериватов имени, которые в наибольшей степени закреплены в узусе: олух, дурак: *faire le Jacques* «прикидываться дурачком, валять дурака», *Jacques de père* «дурак отец» и т.п. [2, с. 98].

Крестьянин, простолюдин: *Jacques Bonhomme* «Жак-добряк, крестьянин». В этом значении *Jacques* вошел в историю благодаря народному восстанию, получившему название *Jacquerie* 'Жакерия' [6, с. 67]. Например, имя *Jacques*

⁵ Адаптация – упрощение текста для малоподготовленных читателей.

⁶ Социокультурная адаптация – это процесс приспособления человека к условиям новой социокультурной среды, а следовательно, и к новым ценностям, ориентациям, нормам поведения, традициям так, чтобы успешно существовать в новом окружении [1, с. 90].

связано с целой группой нарицательных существительных с ‘птичьей’ семантикой, самое известное из которых, *Jasquot*, впервые зафиксировано в работе Бюффона ‘Естественная история птиц’ в значении ‘серый попугай’: ‘Этот вид сегодня все чаще завозится в Европу, где его любят более всего за мягкость нрава, а также за талант и за покорность, в которых он ничем не уступает зеленому попугаю’. Название птицы не было придумано Бюффоном. Он замечает: ‘Слово *Jaco*, кажущееся весьма приятным на слух, есть имя, которое дают ему по обыкновению (*le nom qu’ordinairement on lui donne*)’ [5, с.100]. Тот факт, что серого попугая в середине XVIII в. называли именем, производным от *Jacques*, несомненно, объясняется не только стремлением дать попугаю характеристику, по-русски выражаемую емким сочетанием ‘Попка – дурак’, но и большим количеством ‘птичьих’ ассоциаций, которыми это имя обросло в народной культуре благодаря совпадению *Jacques* и диал. *Jac* «петух, гусь, сойка, сорока, дрозд, ворон».

Процессы идентификации и социализации определяют функциональную значимость имени личного, то есть позволяют его считать функциональным знаком. Под идентификацией имеется в виду психологическая корреляция между индивидом и определенной лингво- и этнокультурой, социумом, религиозными воззрениями, семейными традициями и т.д. Именно в результате такого процесса формируется и реализуется антропонимическая идентичность индивида и его самобытность. Под социализацией посредством имени понимается возможность выбора имени на уровне присвоения, его варьирования или смены в родной и иноязычной среде, а также в условиях коммуникации, которые социально и политически детерминированы, что дает возможность индивиду стать полноценным членом данного лингвоэтнокультурного сообщества.

Следует отметить, что понятие антропонимическая идентичность может определяться как:

1) психологическое соотнесение индивида со своим именем: *Martha, Martha, Martha! Pourquoi ils m’ont appelée comme ça ! Je déteste mon prénom. Amadine, Mariesol ou Fatouma, c’est bien plus joli! Il n’y a que des A dans Martha!*

‘Марта, Марта, Марта! Почему они меня так называли? Я ненавижу свое имя. Амадин, Марисоль или Фатума – это намного красивее. В имени Марта одни только А!’

2) восприятие этого имени и его носителя представителями данной и других лингвокультур, что позволяет индивиду определить свое место в лингвосоциокультурном пространстве и свободно ориентироваться в нем, создавая определенную связь с обществом, в котором он живет:

Penny : Léonard, je ne savais pas que tu jouais du violoncelle.

Léonard : Et oui, mes parents estimaient que le fait de m’avoir affublé du prénom de Léonard et m’avoir fait sauté des classes ne m’avait pas armé pour la vie.

‘Пенни: Леонард, я не знала, что ты играешь на виолончели.

Леонард: Да, мои родители видимо подумали, что назвать меня Леонардом и перевести меня в класс для одарённых детей будет недостаточно, чтобы меня били в школе’.

Субъективность функционирования имени личного проявляется в индивидуальности его выбора в актах номинации, а также в ассоциативном переносе существенных качеств объекта на назначение самого имени личного, что в свою очередь отражается на дальнейшем его функционировании. Например:

‘Ils ont décidé de m’appeler Bernard. Enfin, c’est un prénom sympathique. Dans ma vie, j’ai croisé quelques spécimens bernardiens, et j’en conserve plutôt un bon souvenir. Avec un Bernard, on peut passer une bonne soirée. Le Bernard impose une sorte de familiarité tacite. On n’a pas peur de taper dans le dos d’un Bernard...’. [6, с. 6]

‘Они решили назвать меня Бернардом. В конце концов, это красивое имя. В моей жизни я сталкивался с разными экземплярами Бернарда и о них я храню довольно-таки хорошие воспоминания. С Бернардом можно провести хороший вечер. Бернард приписывают непринужденность в общении. Мы не боимся хлопнуть по спине Бернарда...’.

Изучение личных имен позволяет проникнуть в систему ценностей различных лингвосоциокультурных сообществ, которая находит отражение в национальной языковой картине мира.

За каждым именем стоит, прежде всего, языковая личность, и поэтому имя может трактоваться как один из ее основных параметров, а также как знак ее идентичности. Представляется возможным представить гражданина Франции как языковую личность, для определения которой релевантна трехуровневая модель языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым. Антропонимическая языковая личность рассматривается как определенный представитель лингвокультуры и выступает как речевая личность с точки зрения носителя имени и имядателя, характерные черты, которой преломляются во всем объеме ее именовании на протяжении всей жизни; как личность, реализующая свои речемыслительные и имятворческие способности, которые отражают ее прагматические намерения, а также индивидуальную и окружающую картины мира. Ее модель включает три уровня: а) вербально-семантический уровень (имя как слово, являющееся частью антропонимикона как лексикона языка; имятворчество как способность использовать и создавать имена); б) когнитивный уровень (языковая/культурная/личностная картины мира; национальное самосознание; национальный характер; восприятие имени); в) прагматический уровень (имя как дискурсивный элемент, идентичность как результат идентификации и социализации: выбор имени на уровне присвоения/использования в родной и иноязычной среде, его варьирование в зависимости от условий коммуникации).

Таким образом, установлено, что для достижения адекватности перевода личных имен, частично или полностью утративших свое значение, необходима их социокультурная адаптация в тексте перевода.

Полученные результаты могут быть использованы при составлении антропонимических словарей, при изучении происхождения имен и их толковании. Вместе с тем, данные, собранные в работе, могут быть использованы в переводческой деятельности.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 511 с.
2. Костомаров В. Г. Логоэпистема как причина коммуникативных неудач // Язык и культура : тез. докл. междунар. науч. конф. М., 2001. 210 с.
3. Масленникова Е. М. Культурная трансформируемость и адаптируемость художественного текста при переводе // Человек в информационном пространстве : сб. науч. тр. / под общ. ред. Н. В. Аниськиной. Ярославль, 2014. С. 322–327.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : А Темп, 1986. 944 с.
5. Перехова Л. И. О собственных именах во французском языке // Вопросы романогерманской филологии. Ростов, 1979. 91 с.
6. Foenkinos D. La tête de l'emploi. Paris : Editions J'ai lu, 2014. 234 p.

УДК 811.134.2'42

Елена Владимировна Яковлева
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры романской филологии РГПУ им. А.И. Герцена,
Санкт Петербург
Российская Федерация
e-v-yakovleva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена описанию особенностей референции личных местоимений в устном дискурсе. Отмечается наличие особой нормы для неподготовленного дискурса, существование маркеров, позволяющих соотносить сообщение любой информации с авторской оценкой различного характера.

Ключевые слова: теория референции, личные местоимения, устный дискурс, маркеры устного дискурса

Elena V. Yakovleva
Ph D. in Philology, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Romance Philology, Herzen State Pedagogical
University,
Saint Petersburg
Russian Federation

PECULIARITIES OF PERSONAL PRONOUNS IN ORAL DISCOURSE

The article is devoted to the description of the peculiarities of personal pronouns reference in oral discourse. The authors note the presence of a special norm for unprepared discourse, the existence of markers, which allow to correlate the message of any information with the author's assessment of a different nature.

Key words: theory of reference, personal pronouns, oral discourse, markers of oral discourse

Настоящая статья посвящена описанию особенностей референции личных местоимений испанского языка в неподготовленном (спонтанном) устном дискурсе. В качестве материала были использованы опубликованные расшифровки, созданные на материале испанского языка Испании и Венесуэлы. Референция, осуществляющаяся благодаря соотнесению местоимения с некоторым референтом реальной действительности (реальной или мыслительной) выделяется в особый тип и называется индексальной [1, с. 18]. При этом для данного типа референции характерны как референциальные, так и нереференциальные ситуации. В первом случае очевидным образом выделяется лицо, зафиксированное и определенным образом сфокусированное в пространстве и конкретном времени, во втором случае отмечается отсутствие явного соотнесения, указания на конкретное лицо, при этом пространство и время не несут, как правило, значимой смысловой нагрузки.

Вопросы теории референции на материале испанского языка рассматриваются в целом ряде работ общего характера, в которых основной упор делается на философский аспект референции, хотя Э. де Бустос Гваданьо и Х. Х. Асеро [2] в той или иной степени и затрагивают и лингвистические аспекты теории. Среди исследований, посвященных лингвистическим аспектам теории референции в рамках именного словосочетания выделяются работы испанского лингвиста М. Леонетти Хунгла, [3], в которых семантический анализ дополняется в ряде случаев прагматическим. Отметим, что предложения, которые используются в работах, не связаны с контекстом, часто носят иллюстративный характер.

Для понимания индексальной референции особый интерес представляет описание формирования механизма референции в работах Э. Керо Хервилья [4], в которой материал, послуживший для исследования, представляет собой фрагменты реальных авторских текстов.

В последнее время отмечается наличие интереса к индексальной референции в новых аспектах. В частности, обращает на себя внимание фундаментальное исследование, в котором М. Леон-Кастро показывает формирование механизма референции в связи с действием противоположных понятий неопределенности и обобщенности, основываясь на несоответствии между грамматическими лицами и лицами в коммуникативном акте Н. [5]. Важным является, на наш взгляд, является тот факт, что наблюдения за этим явлением проводятся в разнообразных видах дискурса (журналистских, рекламных, научно-технических, литературных, юридически-административных и т. д.). В работе при таком подходе учитывается денотативное пространство и способ представления лица, которое может представляться сфокусированным или нет. Вместе с тем мы выявляет разные степени потери "фокуса" в неподготовленном устном дискурсе [6, с. 40]. Устный дискурс в его подготовленной форме позволяет говорить о значительных расхождениях в использовании местоимения, в частности, использование личного местоимения *tú* в устном дискурсе конфликтного характера при спорах и отстаивании своего мнения [8].

Особенности референции в УД связаны с разнообразными причинами, при анализе ЛМ важно принять во внимание специфическую организацию семантики устного дискурса, связанную с наличием разнонаправленных тенденций: эгоцентричности и размытости.

Эгоцентричность проявляется в разнохарактерных явлениях, с одной стороны, говорящий часто представляет себя как центр повествования: он описывает разнообразные явления, события, которые с ним произошли, описывает свои эмоциональные состояния, соответствующие описываемым положениям. Иными словами, многое в устном дискурсе представляет собой рассказ, протагонистом которого является сам говорящий. Иными словами, мы имеем постоянную референциальную соотнесенность содержания с говорящим лицом.

«Протагонизм» говорящего в совокупности с настоящим временем индикатива приводит к более частотному использованию этого местоимения в устной речи. Кроме того, говорящий, описывая разнообразные явления реальной действительности, дает этим явлениям оценки, и, таким образом, самые разнообразные с точки зрения информации сообщения получают авторские ремарки, дающие представления о позиции говорящего по данному вопросу. В связи с этим мы выделяем в качестве типичных маркеров устного дискурса следующие: *creo yo, digo yo, qué sé yo* и т.п. Очевидно, что здесь особую роль играют глаголы мыслительной деятельности, говорения и знания. При помощи таких маркеров говорящий постоянно присутствует в высказываниях вне зависимости от содержательной стороны высказываний. Такие маркеры служат для как для внесения разнообразных оттенков оценки, так и для внедрения прагматических значений в семантику высказывания. Прагматические аспекты связаны с желанием говорящего быть вежливым, понятным, воспитанным и т. п., маркеры могут служить своеобразным показателем искренности, благодаря которым говорящий сообщает, несет ли он или нет ответственность за сказанное, как от относится к содержательной стороне высказывания.

В настоящий момент при анализе нарративного текста специалисты различают два типа субъектов речи: экзегический и диегетический. Первый непосредственно не участвует в событиях, его роль сводится к наблюдению, в то время как второй имеет статус персонажа. Представляется возможным использовать эти идеи при анализе формирования эгоцентрического компонента устного дискурса и полагать, что в тех случаях, когда говорящий сам является основным действующим лицом повествования, мы имеем диегетического повествователя в качестве референта.

Кроме того, имеются такие фрагменты устного дискурса, в которых основным действующим лицом является не автор высказывания, а некое третье лицо. В таких случаях говорящего можно назвать экзегическим повествователем, при этом автор оказывается в определенном смысле необозначенным, он как бы отсутствует.

Рассмотрим, как протекает референция в этих речевых ситуациях. Для формирования индивидуальной референции с участием личного местоимения, как отмечалось, важны следующие факторы: (1) маркированность положения референта в денотативном пространстве, противопоставление данного референта какому-либо иному лицу или лицам, (2) представление временной координаты как реальной, (3) представление пространственной координаты как реальной при ее выраженном наличии.

При референции в УД происходит нейтрализация отмеченных характеристик референта: особая маркированность, противопоставленность другим лицам не играет существенной роли. Рассмотрим этот процесс на конкретных примерах, представляющих собой фрагменты УД.

В следующем фрагменте мы видим настойчивый повтор местоимения *yo* в эпизодических высказываниях разнообразного семантического характера. Во всех этих высказываниях местоимение соотносится с говорящим, который как бы превращается в естественный центр повествования. При этом не отмечается явного противопоставления первого лица иным лицам, в контексте не обнаруживается ни антонимических противопоставлений, ни выраженной лексической эмфатизации.

'Y yo me doy cuenta ... que no es que yo los trato distinto, sino que yo ... he dado más de lo que ... que yo no daba antes, de primer momento yo entré en la universidad, y todo el mundo me decía... (Caracas, 261). Я отдаю себе отчет в том, что ... дело не в том, что я с ними обращаюсь по-другому, нет, ... дело в том, я им даю больше, чем давала им раньше, вначале, когда я только появилась в университете, все мне говорили ... '

В семантическом отношении мы наблюдаем лишь одно: в центре устного естественного повествования (высказывания имеют эпизодический характер) находится говорящий, к которому и осуществляется соотнесение. При наличии личного местоимения *yo* и его соотнесении с референтом говорящим лицом референт оказывается нейтральным, не маркированным, в отличие от письменной речи. Приведем ещё примеры индивидуальной референции, в которых очевиден нейтральный характер референта говорящего.

'.. lo aplastó , pues, entoes yo a ... yo quedé too asustao y no había nadie por ahí, entoes yo salí corriendo. Entoes yo yegué a la casa y toos ¿sí? Yo era too asustado y no pue dormir ... y me dijeron que, que yo tenía la culpa, que yo lo había empujado que ... la máquina lo había aplastao por culpa mía . (Bogotá, 269) ... его задавило, ну и, тогда я, я жутко перепугался, а рядом там никого не было, ну, я тогда убежал. Ну, это, пришел я домой, вот. Я был весь перепуган, даже спать не мог ... а мне вдруг говорят, что это я виноват, что я его под машину толкнул, то есть, что машина его задавила по моей вине. '

В следующем фрагменте отмечается наличие соотнесения с третьим лицом, причем также отсутствует эмфатическое усиление и противопоставление другим лицам. Иными словами, в денотативном пространстве может находиться как сам говорящий, так и иное лицо, техника использования местоимения остается одинаковой, причем референт не получает никаких дополнительных прагматических значений.

'... él viviendo en el barrio, el barrio no lo tocó ... a él para nada; pasaron por delante, saqueaban la casa... y él por ahí, los muchachos también. (El habla culta de Caracas, 45) Он жил в этом квартале, в квартале его не тронули совсем, они прошли вперед, разнесли весь дом, а он там был, и ребята тоже. '

Письменная речь позволяет осуществить более взвешенный подход к выбору формы, в то время как устная речь, не допускающая возврата назад и в целом строящаяся по своим канонам, дает большую степень свободы, здесь личные местоимения употребляются в соответствии с иной нормой.

Таким образом, наблюдения показывают, что для референции в устном дискурсе имеется своя собственная норма, использование местоимения не связано с эмфатизацией, противопоставлением, семантикой глагола. Кроме того, важнейшей особенностью устного дискурса является наличие маркеров, включающих местоимение, позволяющих создать референтная сеть разнообразных оценок.

Важным дальнейшим направлением развития нашего исследования предполагается привлечение нового материала, в частности, планируется изучить роль маркеров для устного дискурса, имеющего частичную подготовку, например, в интервью. Предварительный анализ показывает особые закономерности для индексальной референции на материале интервью испанской телевизионной передачи El Hormiguero. Таким образом, можно было бы сравнить индексальную референцию в устном дискурсе различного характера.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Яз. славян. культуры, 2002. 492 с.
2. Acero J. J., Bustos Guadaña E., Quesada D. Introducción a la filosofía del lenguaje / ed. Grupo Anaya Publ. Generales. Madrid : Cátedra, 1982. 283 p.
3. Leonetti Junjl M. El artículo y la referencia. Madrid : Taurus, 1990. 183 p.
4. Керо Хервилья Э. Ф. Сопоставительное изучение категории определенности/неопределенности в русском и испанском языках. М. : Эдиториаль УРСС, 2001. 200 с.
5. León Castro M. Desfocalización y refocalización del centro déictico personal: perspectivas sintácticas, pragmáticas y textuales [Electronic resource] // Depósito de Investigación de la Universidad de Sevilla. URL: <https://idus.us.es/handle/11441/15329>.
6. Яковлева Е. В. Особенности формирования референции в устном дискурсе // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2019. Т. 1, № 1. С. 35–41.
7. Guerra Bernal N. Funciones pragmlingüísticas del pronombre personal sujeto "tú" en el discurso conflictivo del español coloquial [Electronic resource] // Revista internacional de lingüística iberoamericana. rili. URL: <https://www.degruyter.com/database/IBZ/entry/ibz.ID1718756895/html>

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.133.1'37

Лилия Рафаиловна Абдуллина,
кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур
Высшая школа иностранных языков и перевода,
Институт международных отношений,
Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Россия
lilioven@mail.ru

Рустам Русланович Камалетдинов,
студент 3 курса, кафедра европейских языков и культур
Высшая школа иностранных языков и перевода, Институт международных
отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань,
Россия
kamrust0602@icloud.com

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЭКОЛОГИЯ ВОДЫ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье предпринята попытка рассмотреть особенности лексико-семантического поля «Экология воды» во французском языке. В структуре поля выделены ядерно-периферийные компоненты, каждый из которых представлен различным набором тематических групп.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, семантика, сема, архисема, ядро, периферия, тематическая группа, французский язык.

Lilia R. Abdullina
PhD in Philology, Associate Professor, Department of European Languages and
Cultures, Higher School of Foreign Languages and Translation Studies, Institute of
International Relations, Kazan Federal University (KFU), Kazan, Russia,

Rustam R. Kamaletdinov,
Student, Department of European Languages and Cultures, Higher School of Foreign
Languages and Translation Studies, Institute of International Relations, Kazan Federal
University (KFU), Kazan, Russia

FEATURES OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD "ECOLOGY OF WATER" IN FRENCH

This article attempts to consider the features of the lexico-semantic field "Ecology of water" in the French language. In the structure of the field, nuclear peripheral components are highlighted, each of which is represented by a different set of thematic groups.

Key words: lexico-semantic field, semantics, seme, archiseme, core, periphery, thematic group, French.

На сегодняшний день в центре внимания находятся проблемы экологии, в частности экологии воды. За последние несколько лет произошли серьёзные изменения в области изучения глобальных катаклизмов, техногенных катастроф и антропогенного влияния на гидросферу Земли. С появлением новых исследований значительно расширяется, преобразуется и структурируется вокабуляр экологической терминологии, в частности, во французском языке. В связи с этим мы поставили перед собой задачу выявить специфику лексико-семантического поля «Экология воды» во французском языке.

Материалом исследования послужили толковые словари французского языка [1, 2, 4,], а также специальный толковый словарь экологических лексических единиц [5]. Также в работе использовался словарь «Dictionnaire de la diversité biologique et de la conservation de la nature» автора Патрика Триплета (Patrick TRIPLET) шестого издания 2020 года выпуска [3]. Всего было проанализировано 150 лексических единиц.

Анализ материала исследования позволил выделить такие сегменты лексико-семантического поля, как центр ядра, зону ядра и периферию. В каждом сегменте поля были выделены тематические группы рассматриваемого поля.

Критерием отбора является семантика лексических единиц, их архисема, а также различительная сема. Для начала рассмотрим центр ядра. Центр ядра лексико-семантического поля состоит из лексических единиц, в которых присутствует слово «вода» (eau) или «воды» (eaux), а также корень латинского слова «aqua» (вода). Внутри центра ядра можно выделить некоторые тематические группы.

Первая тематическая группа поля «экологии воды» представлена лексическими единицами, которые непосредственно называют понятия, тесно связанные с водой и по сути являющиеся архисемой: *Aquaculture* 'Аквакультура', *Eau* 'Вода', *Écosystèmes aquatiques* 'Водные экосистемы', включают прибрежные, морские и пресноводные экосистемы и представляют собой экосистемы, которые особенно важны для биоразнообразия.

Вторая тематическая группа выражена набором лексических единиц, называющих то или иное качество или характеристику воды: *Eau bleue* 'Вода, используемая для питания в семье', *Eau brute* 'Сырая вода, природная дождевая вода', *Eau douce* 'Пресная вода с низким содержанием солей', *Eau libre* 'Вода без растительности', *Eau pluviale* 'Дождевая вода, вода из осадков', *Eau potable* 'Питьевая вода', *Eau profonde* 'Глубокая вода, область, которая не открывается во время отлива', *Eau saumâtre* 'Солоноватая вода, вода, которая не является ни пресной, ни морской водой', *Eau virtuelle* 'Виртуальная вода, количество воды, используемой в общем производственном цикле товара', *Eaux colorées* 'Цветные воды, называют водой, окрашенной необычным цветением планктонных водорослей', *Eaux grises* 'Серые воды – термин, обозначающий сточные воды бытового использования', *Eaux usées* 'Сточные воды', *Eaux vertes* 'Зеленые воды, термин, обозначающий сельскохозяйственные стоки, вытекающие из очистки животноводческих зданий'.

Третья тематическая группа состоит из лексических единиц, которые называют виды вод исходя из их местоположения или местонахождения: *Eau dans le sol* 'Вода в почве, вода под поверхностью почвы, находящаяся в непосредственном контакте с почвой или недрами', *Eau plongeante* 'Погруженная вода, процесс, при котором плотность поверхностной воды увеличивается', *Eaux côtières* 'Прибрежные воды, содержащие измеримое количество или определенный процент морской воды', *Eaux de surface* 'Поверхностные воды, все воды, стекающие или застаивающиеся на поверхности земной коры (литосферы)', *Eaux de transition* 'Переходные воды, поверхностные водоемы вблизи устьев рек, которые частично засолены из-за близости прибрежных вод, но в основном подвержены влиянию потоков пресной воды', *Eaux intérieures* 'Внутренние воды, стоячие и текущие воды на поверхности почвы и грунтовые воды выше базовой линии для измерения ширины территориальных вод', *Eaux internationales* 'Международные воды', *Eaux stratifiées* 'Стратифицированные воды, различные температурные массы или соленость воды, разделенные градиентом температуры или солености', *Eaux superficielles* 'Поверхностные воды, относится к морям и океанам, водному слою, в котором обитает большинство планктона, куда поступают все солнечные лучи, и где наиболее интенсивен (физический и химический) обмен с атмосферой и с более глубокими слоями', *Eaux territoriales* 'Территориальные воды, зона, параллельная побережью, шириной 12 морских миль (приблизительно 22 км), которая считается частью национальной территории и в которой прибрежное государство в полной мере осуществляет', *Eaux transfrontières* 'Трансграничные воды – это все поверхностные и подземные воды, которые обозначают границы между двумя или более государствами, пересекают их или находятся на этих границах'.

Рассмотрев группы, входящие в центр ядра, рассмотрим и само ядро. Ядро состоит из лексических единиц, называющих различные водные пространства, процессы, связанные с ними и их влиянием на окружающую среду. Внутри ядра рассматриваемого лексико-семантического поля можно выделить несколько тематических групп. Первая группа образована лексическими единицами, называющими водоёмы: *Fleuve* 'Река', *Lac* 'Озеро', *Plan d'eau* 'Водоем, в самом широком значении', *Rivière* 'Река', *Océan* 'Океан', *Mer* 'Море', *Ruisseau* 'Ручей'.

Вторая тематическая группа состоит из лексических единиц, называющих процессы, которые происходят с водой или водоёмами: *Dégradation du réseau hydrographique* 'Разрушение гидрологической (водной) сети', *Usages de l'eau* – 'Использование воды', *Vidange de plan d'eau* 'Осушение водоема'.

Третья тематическая группа состоит из лексических единиц, обозначающих названия различных водных областей: *Domaine océanique* 'Океаническая область', *Système d'eaux douces* 'Пресноводная система', *Nappe* 'Скатерть грунтовых вод', *Nappe captive* 'Замкнутая водная гладь грунтовых вод', *Zone humide* 'Водно-болотное угодье', *Zone humide artificielle* 'Искусственное водно-болотное угодье', *Zone marine morte* 'Необитаемые морские просторы'.

Четвертая тематическая группа образована лексическими единицами, описывающими влияние воды на окружающую среду: *Empreinte en eau* 'Водный след', *Bilan hydrique* 'Водный баланс', *Conservation de l'eau* 'Сохранение воды', *Continuité hydro-écologique* 'Гидроэкологическая непрерывность', *Cycle de l'eau, cycle hydrologique* 'Водный (гидрологический) цикл', *Fonctions hydrologiques des zones humides* 'Гидрологические функции водно-болотных угодий', *Fonctionnement des hydrosystèmes* 'Функционирование гидросистем', *Fonctions des zones humides* 'Функции водно-болотных угодий'.

Периферия в свою очередь состоит из лексических единиц, обозначающих строения, сооружения, постройки, созданные человеком, иными словами, все антропогенные, искусственные водоводы. Внутри периферии можно выделить несколько тематических групп. Первая группа состоит из лексических единиц, обозначающих постройки, основной задачей которых является проводить воду к чему-то конкретному (к городу, дому, деревни) от отдельно стоящего водоема (озера, реки, водохранилища): *Aqueduc* 'Акведук', *Canal* 'Искусственный канал', *Conduit* 'Трубопровод'.

Вторая группа периферии состоит из лексических единиц, которые называют различного рода искусственные бассейны: *Bassin de chasse* 'Промысловый бассейн', *Bassin de décantation* 'Отстойный бассейн', *Bassin de rétention* 'Бассейн, удерживающий осадки', *Bassin hydrogéologique* 'Гидрогеологический бассейн', *Bassin hydrographique* 'Водосбор', *Bassin sédimentaire* 'Осадочный бассейн', *Bassin versant* 'Речной водосбор'.

Третья группа представлена лексическими единицами, обозначающими системы отвода воды (иными словами, канализацию): *Caniveau* 'Покрытая канализация на предприятии', *Drain* 'Сток', *Gouttière* 'Водосточный желоб', *Rigole* 'Сточная канава'.

Четвёртая тематическая группа состоит из лексических единиц, связанных с гидро-электроэнергетикой: *Énergie hydraulique* 'Гидро-электроэнергия', *Potamologie* 'Потамология' (дословно: наука о реках), *Hydromécanique* 'Гидромеханика', *Hydrodynamique* 'Гидродинамика'.

Таким образом, мы можем резюмировать, что лексико-семантическое поле «экология воды» во французском языке состоит из центра ядра, в который входят три тематические группы, самого ядра, состоящего из четырех тематических групп и периферии, к которой можно отнести также четыре тематические группы. В общей сложности рассматриваемое поле охватывает одиннадцать тематических групп, более или менее связанных между собой общей семьей; границы этих групп размыты, и они плавно перетекают из одной в другую.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Landais N. Dictionnaire général et grammatical des dictionnaires français: extrait et complément de tous les dictionnaires anciens et modernes les plus célèbres. Paris : Desray, 1846. 850 p.
2. Mercier L.-S. Néologie ou Vocabulaire de mots nouveaux. Paris : Chez Moussard, 1801. 334 p.
3. Rey A. Essays on Terminology. Amsterdam : John Benjamins, 1995. 223 p.
4. Robert P. Le Petit Robert: Dictionnaire de la langue française. Paris : Fayard, 1978. 2016 p.
5. Triplet P. Dictionnaire de la diversité biologique et de la conservation de la nature. Paris : Fayard, 2020. 1216 p.

УДК 811.133.1'37

Лилия Рафаиловна Абдуллина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур,
Высшая школа иностранных языков и перевода,
Институт международных отношений,
Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ),
Казань, РФ
lilioven@mail.ru*

Екатерина Дмитриевна Тарасова,

*студент, кафедра европейских языков и культур,
Высшая школа иностранных языков и перевода,
Институт международных отношений,
Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ),
Казань, РФ
katya-tarasova-15@mail.ru*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПРОДВИЖЕНИЕ НЕДВИЖИМОСТИ» ВО ФРАНЦИИ И ЕГО СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

В данной статье производится анализ репрезентирующей системы лексико-семантического поля на примере ЛСП «Продвижение недвижимости», исследование его составляющих и аспектов их функционирования. Нами рассматриваются различные лексико-семантические группы, входящие в состав соответствующих субполей внутри представленного ЛСП «Продвижение недвижимости».

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, субполе, лексико-семантическая группа, ядро, центр, периферия, лексема, семантическая структура.

Lilia R. Abdullina

PhD in Philology, Associate Professor, Department of European Languages and Cultures, Higher School of Foreign Languages and Translation Studies, Institute of International Relations, Kazan Federal University (KFU), Kazan, Russia,

Ekaterina D. Tarasova,

Student, Department of European Languages and Cultures, Higher School of Foreign Languages and Translation Studies, Institute of International Relations, Kazan Federal University (KFU), Kazan, Russia

LEXICO-SEMANTIC FIELD «REAL ESTATE PROMOTION» IN FRANCE AND ITS STRUCTURAL ANALYSIS

This article considers the representative system of the lexico-semantic field by the example of the LSF "Real estate promotion", the study of its components and aspects of their functioning. We examine various lexical and semantic groups that are parts of the corresponding subfields within the presented LSF "Real estate promotion".

Key words: lexico-semantic field, sub-field, lexico-semantic group, core, center, periphery, lexeme, semantic structure.

На современном этапе развития рекламного дискурса особую актуальность приобретает изучение языковых механизмов продвижения продукции. Среди отечественных исследований можно отметить работы И. О. Олянича [1], И. М. Калининой, Е. В. Коваленко [2] и др. В центре внимания ученых оказывается вопрос изучения лексико-семантического поля [3] [4] [5], под которым следует понимать «иерархически организованную, объединенную общей архисемой систему лексических единиц, в составе которой выделяются субполя и лексико-семантические группы» [6, с. 60].

Вышесказанное определило цель настоящего исследования, которая состоит в выявлении особенностей структуры ЛСП «Продвижение недвижимости» во французском рекламном дискурсе.

Материалом исследования послужили данные с трех ведущих франкоязычных сайтов агентств недвижимости: <https://www.bienici.com>, <https://neuf.logic-immo.com>, <https://www.selogerneuf.com>. Всего было проанализировано 86 текстов, используемых в рекламе объектов недвижимости.

Анализ составляющих и структурирование лексико-семантического поля «Продвижение недвижимости» подразумевает выделение в составе поля ядра, центральной части и периферии [7, с. 56]. Ввиду разнородности конститuentов представляется целесообразным выделение внутри поля в первую очередь субполей, объединяющих семантически сходные единицы различных частей речи, а затем более мелких группировок – лексико-семантических групп [8, с. 59]. При выделении ядра поля нами была определена общая с ядром и рядоположительными единицами сема – *l'immobilier* 'недвижимость'.

Использование элементов анализа позволило обнаружить ряд лексем, имеющих в своей семантической структуре сему *l'immobilier* 'недвижимость': *logement* 'жилье', *emplacement* 'расположение', *logement écologique* 'экологичность жилья', *aménagement du logement* 'благоустройство жилья', которые выступают в качестве доминант одноименных субполей.

Установление логико-семантических связей между элементами субполей показало, что границы этих групп чрезвычайно подвижны и неустойчивы: множество единиц, входящих в состав таких субполей, одновременно являются членами других объединений.

Одним из наиболее многочисленных субполей по свидетельству анализа является выделенное нами субполе *logement* 'жилье', имеющее определенную структуру.

Вокруг центрального элемента *logement* 'жилье' концентрируются лексико-семантические группы лексем, вербализующих представления о жилье таким образом, чтобы наиболее эффективно сформировать объявление и в дальнейшем осуществить сделку. Нам удалось выделить 3 лексико-семантические группы в структуре представленного субполя:

1) Лексико-семантическая группа существительных, используемых рекламодателями для наименования жилья с целью детальной характеристики предложения: *un studio* 'студия', *une villa* 'особняк', *une maison* 'дом', *un appartement* 'квартира', *une résidence* 'резиденция', *une chambre* 'комната', *un domicile* 'место жительства', *une demeure* 'обитель', *une habitation* 'жилище'. Например:

Cette villa vous offre une large pièce de vie donnant sur l'espace extérieur privatif [9].

В составе представленной лексико-семантической группы было выявлено 49 единиц.

2) Лексико-семантическая группа прилагательных, характеризующих состояние и общую оценку недвижимости. Они используются для того, чтобы добиться большей экспрессивности рекламного текста и побудить покупателя к действию. Нами были выделены следующие прилагательные: *confortable* 'комфортный', *lumineux* 'светлый', *superbe* 'превосходный', *ancien* 'старинный', *charmant* 'очаровательный', *bel* 'красивый', *aménageable* 'удобный', *calme* 'спокойный', *moderne* 'современный', *agréable* 'приятный', *neuf* 'новый', *pratique* 'практичный', *intimiste* 'душевный', *atypique* 'нестандартный' и др. Например:

Superbe maison traditionnelle à étage avec fort cachet et petit prix [10].

Представленная группа является одной из наиболее обширных и включает в себя 189 единиц. Это связано с желанием подробно, в красках описать объект продажи для привлечения внимания потенциальных покупателей.

3) Также нами была выделена и лексико-семантическая группа наречий, которые в данном случае используются рекламодателями с целью более точной характеристики недвижимости и передачи отношения к объекту: *entièrement* 'полностью', *parfaitement* 'идеально', *harmonieusement* 'гармонично', *intelligemment* 'грамотно', *complètement* 'полностью', *exclusivement* 'исключительно', *spécialement* 'особенно' и др. Например:

Le plan de l'appartement est parfaitement optimisé sans perte d'espace [11].

В состав группы входят 20 компонентов.

4) Безусловно, одной из основных является лексико-семантическая группа глаголов, поясняющих возможности использования определенного типа жилья или объясняющих его структуру: *louer* 'арендовать', *habiter* 'жить', *vivre* 'жить', *acheter* 'покупать', *investir* 'инвестировать', *résider* 'проживать', *séjourner* 'пребывать', *se composer* 'состоять из' и др. Например:

Vous pourrez vivre dans ce joli 3 pièces de 56,45m² - 55 m² [10].

Что касается количества элементов в составе, то было выявлено 45 глаголов, позволяющих рекламодателям привнести точности и более детальной информации о конкретном виде жилья.

Вторым выделенным нами субполем является субполе *emplacement* 'расположение', также имеющее структуру, в которой нам удалось выделить 3 лексико-семантические группы:

1) Лексико-семантическая группа существительных, наименований локации недвижимости. Данная группа включает в себя 22 единицы: *une région* 'регион', *une ville* 'город', *une cité* 'городок', *un centre* 'центр', *une résidence* 'резиденция', *une banlieue* 'пригород', *une périphérie* 'окраина', *un arrondissement* 'округ', *une villette* 'пригород', *une campagne* 'сельская местность', *un quartier* 'квартал', *un district* 'округ', *un centre-ville* 'центр города', *au coeur de* 'в центре'. Например:

Cette demeure est située dans une région très touristique [9].

2) Лексико-семантическая группа наречий. В ее состав вошли 15 элементов, функция которых проявляется в том, чтобы придать большую окраску аспекту расположения построек: *idéalement* 'идеально', *commodément* 'удобно', *harmonieusement* 'гармонично', *parfaitement* 'замечательно', *merveilleusement* 'прекрасно', *bien* 'хорошо', *admirablement* 'превосходно', *superbement* 'великолепно', *confortablement* 'комфортно'. Например:

Cette maison est parfaitement situé à moins de 2 minutes à pied du métro Anvers (ligne 2) [11].

3) Невозможно также не отметить лексико-семантическую группу глаголов, благодаря которым рекламодатели предоставляют потенциальным клиентам информацию о расположении недвижимости. Нам удалось выделить 27 единиц: *se trouver* 'находиться', *concevoir* 'проектировать', *héberger* 'разместить', *se situer* 'располагаться', *se loger* 'поселиться', *placer* 'поместить', *prendre place* 'находиться', *s'installer* 'размещаться', *aller* 'ездить' и др. Например:

Appartement de 47m² environ se situe au 3ème étage avec ascenseur [9].

Следующим выделенным нами субполем является *aménagement du logement* 'благоустройство жилья'. В данном случае нами были выделены 4 лексико-семантические группы:

1) Лексико-семантическая группа существительных, наименований близлежащих инфраструктур, способствующих более комфортному проживанию, на которые рекламодатели делают акцент при составлении объявления. В данном случае мы выделили 33 элемента: *un centre commercial* 'торговый центр', *une école* 'школа', *un établissement* 'заведение', *une stade* 'стадион', *patinoire* 'каток', *piscine* 'бассейн', *une salle de spectacles* 'театральный зал', *une plaine de jeux* 'спортивная площадка', *un supermarché* 'супермаркет', *un centre de loisirs* 'оздоровительный центр', *un restaurant* 'ресторан', *un cinéma* 'кино-театр', *un théâtre* 'театр', *un hôpital* 'больница'. Например:

L'adresse se situe à quelques pas des établissements scolaires et de nombreux équipements de loisirs : stade, patinoire, piscine et salle de spectacles [10].

2) Далее нами была выявлена лексико-семантическая группа прилагательных, описывающих предоставляемые комфортные условия для жизни. Группа включает в себя 28 прилагательных: *serein* 'безмятежный', *doté* 'осна-

щенный', *optimale* 'оптимальный', *idéal* 'идеальный', *muni* 'снабженный', *bien desservi* 'хорошо оборудованный', *fonctionnel* 'функциональный', *sécurisé* 'защищенный', *équipé* 'оборудованный', *pensé* 'продуманный', *favorable* 'благоприятный', *bien aménagé* 'благоустроенный' и др. Например:

Bien desservi par les transports en commun avec la gare SNCF à 10 minutes à pied, ce nouveau lieu de vie est entouré de commerces [11].

3) Лексико-семантическая группа глаголов, используемых рекламодателями с целью отсылки на преимущества благоустроенного жилья. В данную группу вошли 44 глагола:

Faciliter 'облегчить', *simplifier* 'упростить', *accueillir* 'принимать', *gagner* 'приобрести', *offrir* 'дарить', *proposer* 'предлагать', *améliorer* 'улучшать', *diminuer* 'уменьшать', *profiter* 'пользоваться', *bénéficier* 'извлекать пользу', *disposer* 'располагать', *acquérir* 'обрести' и др. Например:

Cette adresse facilitera votre quotidien: commerces de proximité, bus RTM, restaurants, grandes enseignes [9].

Четвертым, выделенным нами субполем, является субполе *logement écologique* 'экологичность жилья'. В структуре данного субполя нами были выделены 2 лексико-семантические группы.

1) Лексико-семантическая группа существительных, наименований экологичного материала, использованного при строительстве или отделке построек. Данная группа включает в себя 27 компонентов: *la pierre* 'камень', *le bois* 'древесина', *le béton* 'бетон', *la brique* 'кирпич', *la tuille* 'черепица', *le béton mousse* 'пенобетон', *le béton cellulaire* 'газобетон', *la chaume* 'солома', *la chaux* 'известь', *la pierre de taille* 'резной камень', *l'ossature bois* 'деревянный каркас'. Например:

Engel & Völkers vous invite à découvrir ce bel appartement familial, situé au premier étage avec ascenseur d'un immeuble écologique en pierre de taille [10].

2) Лексико-семантическая группа прилагательных, описывающих экологическую обстановку в пределах недвижимости, а также материалы. Было выявлено 35 компонентов, среди которых: *verdoyant* 'озелененный', *vertueux* 'благоприятный', *éco-responsable* 'экологически чистый', *renouvelable* 'возобновляемый', *sain* 'здоровый', *atoxique* 'нетоксичный', *bioclimatique* 'биоклиматический', *écologique* 'экологичный', *naturel* 'натуральный', *recyclable* 'перерабатываемый', *végétalisé* 'растительный', *inoffensif* 'безвредный', *pur* 'чистый' и др. Например:

Elle permettra ainsi à ses habitants de vivre dans un environnement vertueux et responsable [11].

Подводя итог, необходимо отметить, что полный объем исследуемого языкового материала, в соответствии с которым осуществлялась оценка содержания, а также непосредственно организация самого лексико-семантического поля «Продвижение недвижимости», можно представить схематически, где центральным элементом является лексема «недвижимость», а «жилье», «расположение», «благоустройство жилья», «экологичность жилья», группирующиеся вокруг нее, составляют ядро. Как было отмечено, перечисленные 4 лексемы находятся в когипонимических отношениях и формируют субполя (см. Рис. 1).

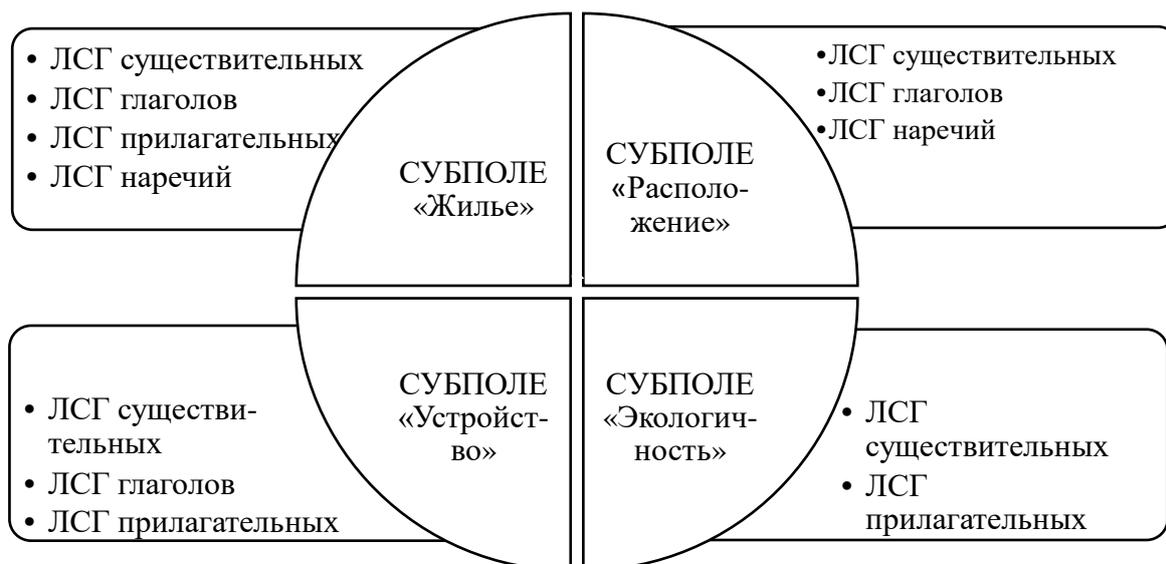

Рис. 1 Структура лексико-семантического поля «Продвижение недвижимости»

Таким образом, полученные данные являются основой дальнейшего рассмотрения данной проблематики, написания эффективных рекламных текстов и структурирования рекламных стратегий, выстраиваемых на лингвистическом уровне различными рекламодателями.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Калинина И. М., Коваленко Е. В. Лингвистический аспект рекламного текста // Молодой ученый. 2015. № 10-5. С. 42–43.
2. Олянич А. В. Рекламный дискурс, текст и его конститутивные признаки. М. : Флинта, 2014. 296 с.
3. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вестник МГОУ. 2014. № 5. С. 105–113.
4. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Современный русский язык. М. : Айрис-пресс, 2014. 448 с.
5. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М. : Высш. шк., 2012. 272 с.
6. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М. : ЛИБРОКОМ, 2016. 360 с.
7. Шафиков С. Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц : учеб. пособие. Уфа : БашГУ, 2010. 88 с.
8. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57–68.
9. Bien'ici [Electronic resource]. URL: <https://www.bienici.com> (accessed: 15.01.2022).
10. LOGIC-IMMONEUF [Electronic resource]. URL: <https://neuf.logic-immo.com> (accessed: 25.01.2022).
11. Seloger neuf [Electronic resource]. URL: <https://www.selogerneuf.com> (accessed: 05.02.2022).

УДК 811.134.2'42

Наталья Михайловна Грищенко
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лексикологии испанского языка,
Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь
natamigri@gmail.com

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНОГО ТЕКСТА И ТЕКСТА КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена взаимодействию вербального текста и текста культуры. Исследовательские работы историко-культурологического характера в контексте триединства «человек – язык – культура» позволяют создать модель культурной памяти народа, которая находит отражение в историческом срезе эпох. Язык воспринимается как культурно-историческое явление, которое невозможно изучать вне связи с историей и культурой народа.

Ключевые слова: вербальный текст, текст культуры, знак, семиотическая коммуникация, семиосфера, символ.

Natalia M. Grischenko
*PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Lexicology
of the Spanish Language, Minsk State Linguistic University
Minsk, Republic of Belarus*

THE INTERACTION BETWEEN A VERBAL TEXT AND A CULTURAL TEXT

The article investigates the interaction between a verbal text and a cultural text. In the context of the trinity of «human – language – culture» the historical and cultural research works allow creating a prototype of the cultural memory of a nation. This prototype of the cultural memory is reflected in the historical context. The language is perceived as a phenomenon which should be studied in relation to the history and culture of the nation.

Key words: a verbal text, a cultural text, a sign, a semiotic communication, the semiosphere, a symbol.

Исследовательские работы историко-культурологического характера в контексте триединства «человек – язык – культура» позволяют создать модель культурной памяти конкретного народа, которая находит отражение в историческом срезе эпох.

Культура представляет собой часть картины мира, закрепленной в языке, таким образом, является наивысшим уровнем языка. Языком культуры выступают средства, знаки, символы, тексты, которые позволяют создавать коммуникативные связи и ориентироваться в пространстве культуры. Т. е., язык культуры – это универсальная форма осмысления реальности, представленная совокупностью возникающих инновационных или уже существующих представлений, восприятий, понятий и образов.

Язык культуры имеет природные предпосылки формирования, однако сам формируется во взаимодействии и коммуникации людей. Язык культуры возникает тогда, когда представления индивидуума не только обретают внешнее выражение, но и получают статус разделяемых знаковых единиц в коммуникативных процессах, т. е. их использование перестает быть произвольным.

Показательно, что Ю. М. Лотман отмечает в своих трудах принципиальный полиглотизм как одно из основных свойств культуры: «Ни одна культура не может удовлетвориться одним языком. Минимальную систему образует набор из двух параллельных знаков, например, словесного и изобразительного. В дальнейшем динамика любой культуры включает в себя умножение набора семиотических коммуникаций» [1, с. 563].

Идея о возможности изучения единиц культуры посредством исследования их языковой репрезентации, была озвучена многими учеными (Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия и др.). Естественный язык выступает как средство коммуникации, используемое для описаний концептов и реалий культуры. Носитель языка одновременно является также и носителем культуры, и это двуединство отражено в национальной языковой картине мира, которая воспроизводит специфику категоризации мира средствами данного языка.

Способность естественного языка, как открытой системы, к неограниченному развитию имеет большое значение для изучения культуры, поскольку история развития культуры отражается в истории развития языка. Новые идеи и явления в жизни людей (так называемый код культуры) находят воплощение в словах, которые пополняют словарный запас языка. В то же время слова, связанные с устаревшими реалиями, изменяют свое значение и стилевую окраску или же вообще выходят из употребления. Особенно сильное влияние на эволюцию естественного языка оказывают общественные преобразования в стране (так называемый исторический фон). Они способствуют возникновению фразеологизмов и лексем, связанных с явлениями социальной жизни и важными историческими событиями, что собственно и создает культурный фон.

Язык фиксирует значимые для человека представления и его отношения к ним. А. Вежбицкая обозначает тесную взаимосвязь между естественным языком и языком культуры: «Это иллюзия – думать, что мы достигнем лучшего понимания культур, если отвергнем сепировское фундаментальное прозрение насчет того, что «лексика – очень чувствительный показатель культуры народа». Напротив того: мы лучше поймем культуры, если будем основываться на этом прозрении и научимся исследовать словарь более глубоко, более строго и в более широкой теоретической перспективе» [2, с. 61].

В сфере социального взаимодействия язык выступает в качестве проводника, позволяющего придавать интерсубъективное, культурное значение субъективному, индивидуальному опыту, транслировать социально-значимые представления и наделять их общезначимым, разделяемым смыслом.

Будучи знаковыми системами, и язык, и культура постоянно соприкасаются. Одной из таких точек их соприкосновения является текст, который создается по законам культуры и реализуется через один культурный код – естественный язык. Как элемент культуры, текст интегрируется в семиосферу, общее культурное пространство. При этом культура взаимодействует с текстом не только на уровне его открытых значений и смыслов, но и на уровне контекста. Именно контекст хранит отпечатки воздействия различных культурных периодов, архетипов, различных моделей познания и т. д.

Текст и культура имеют ряд общих признаков и черт. 1) И текст, и культура ситуативны. 2) И текст, и культура одновременно дискретны, и континуальны. 3) Для культуры, как и для текста, характерна полисемия: в тексте совмещается язык и метаязык, один язык используется для описания ситуации – кодирования сообщения, а другой – для ее толкования. Культура также принципиально многозначна и полисемиотична, так как она опирается на множество языков. 4) И текст, и культура нуждаются в интерпретации, в процессе интерпретации текста мы осознаем его. В сознании носителей культура непрерывно видоизменяется, она существует до тех пор, пока компоненты культуры (тексты) подлежат интерпретации и способны заново «перечитываться» носителями. 5) И в тексте, и в культуре присутствуют элементы объективного и субъективного. 6) И, наконец, как для предложения характерно наличие темы и ремы, так и для нормального функционирования культуры важны и традиции, и новаторство [3, с. 32].

Текст является синтетической обобщенной формой языка культуры. В современной интерпретации культурологии текст не сводим к речевому акту или совокупности письменно зафиксированных высказываний. Текст – это все, что искусственно сделано человеком (вещи, ритуалы, художественные произведения, книги, танцы и т. д.). Текст воспринимается как совокупность знаковых систем, наделенная определенным значением. Таким образом, всякое явление культуры есть сочиненный людьми с помощью знаковых систем текст. С этой позиции текст является важнейшей сущностью культуры, а сама культура может быть интерпретирована как совокупность текстов. Поэтому познание культуры означает познание текста.

Каждый язык располагает своим словарем, своим алфавитом, который состоит из определенных знаков. Если искусство может быть описано как некоторый язык, то произведение искусства возможно определить как текст, созданный на этом языке. Искусство несет информацию, которую сообщает воспринимающей стороне, оно служит целям коммуникации между адресантом (художником, скульптором, архитектором, танцором, композитором и т. д.) и адресатом (зрителем или слушателем). В искусстве можно выделить два аспекта: непосредственно *сообщение* (конкретную информацию, возникающую в тексте) и *язык* (систему, которая делает возможной сам акт коммуникации). Язык культуры – разноуровневая знаковая система, образуемая текстами культуры, их тезаурусами, кодами и симболярием, совокупностью знаков, обладающих культурной семантикой. Этот язык включен в сложную

иерархию художественных языков конкретного времени, культуры, народа. Художественный язык моделирует универсум в его наиболее общих категориях. Изучение художественного языка произведения искусства не только несет некую норму эстетического общения, но и позволяет нам воспроизводить модель мира в ее самых общих очертаниях.

Внутри естественного языка уже имеется некая иерархия стилей, предоставляющая возможность выразить содержание одного и того же сообщения с разных точек зрения. Можно сказать, что естественный язык моделирует определенную структуру мира, а также точку зрения наблюдателя. В этом случае проблема соответствия / несоответствия восприятия модели мира не возникает. Задача же языка искусства – одновременное моделирование и объекта, и субъекта. При этом, чем больше потенциальная возможность выбора, тем больше информации в структуре языка и тем четче она соотносится с той или иной картиной мира. Когда мы изучаем произведение искусства, «прочитываем» художественный текст, мы воспринимаем многие аспекты его языка в качестве сообщения: формальные стороны становятся содержательными, то, что принадлежит общекommunikационной системе, воспринимается как индивидуальное. Впоследствии, войдя в художественный опыт человечества, все произведение может становиться языком, и даже то, что являлось случайностью содержания для данного текста, в результате превращается в код для прочтения последующих сообщений [4, с. 30–32]. Периферия со временем переходит в центр, и код из индивидуального становится общим, традиционным.

Однако, будучи гибким и подвижным, основной словарный фонд языка достаточно стабилен. Язык в своей основе остается одним и тем же в течение столетий, и это является основой взаимопонимания поколений, сохранения опыта прошлого в культуре. Язык воспринимается как культурно-историческое явление, которое невозможно изучать вне связи с историей и культурой народа, его духом (пример: Кортесы, высший законодательный орган Испании, берущий свое начало в Толедских Соборах вестготов; в свое время вестготская законодательная система взяла за основу и переработала римское право). Именно поэтому в процессе изучения иностранного языка большое внимание следует уделять такому немаловажному аспекту как культура, без которого невозможно составить всестороннее, достоверное представление об историческом развитии страны изучаемого языка и, собственно, об изучаемом языке. В частности, если речь идет о культуре Испании, одной из богатейших и интереснейших европейских и мировых культур.

Если говорить о богатой испанской символике, интересным представляется изучение функционирования символа в тексте языка испанской культуры.

В качестве примера можно привести имена реальных исторических персонажей – вождей илергетов (жителей современной Лериды) братьев Индибилиса (*Indibil*) и Мандония (*Mandonio*) и лузитанского пастуха Вириата (*Viriato*), – а также героический город Нумансию, которые оказали сопротивление римским войскам, в период завоевания Иберийского полуострова и по сию пору являются символами испанской независимости и свободлюбия, поскольку предпочли смерть плену.

Этот символизм закреплен и на фразеологическом уровне языка, например, в частотных устойчивых выражениях *defensa numantina* или *resistencia numantina*, обозначающих героическую оборону, борьбу до последней капли крови.

Яркой иллюстрацией будет и упоминание о Святом Иакове, одном из учеников Христа, ставшем эмблемой и вдохновителем Реконквисты, освобождения Иберийского полуострова от мусульманского господства. Почитание этого апостола не только способствовало возникновению всемирно известной традиции паломничества к святым мощам, которые находятся в Галисии, в Сантьяго де Компостела (*Camino de Santiago o Ruta Jacobea*), но и появлению нового архитектурного стиля в Испании (*estilo románico*), а также собственно образованию этнонима «испанский» (*español*), формированию испанской нации как таковой и европеизации христианского населения Иберийского полуострова.

Путь Святого Якова и имя святого покровителя Испании выступают компонентом многочисленных испанских фразеологизмов с весьма частотным употреблением. Примечательно динамическое развитие семантико-дериационного потенциала фразеологизмов, в которых встречается имя апостола либо название пути паломников: от использования символики во фразеологизмах разговорно-бытового характера до сакрализации этого феномена.

Исторический контекст битвы при Клавихо (в которой, по легенде, на стороне христиан участвовал апостол) проявляется в ряде устойчивых выражений. Например, *¡Santiago y cierra, España!* или *¡Santiago y a ellos!*, что означает призыв к атаке ('Вперед!', 'В бой!'). Любопытно, что лексема *cerrar* с течением времени утратила значение, в котором она использовалась изначально в этом кличе (военное 'отрезать врагу путь', 'сокращать дистанцию в бою' vs современное 'закрывать'). Эту трансформацию с большой долей иронии обыграл впоследствии Р. дель Валье-Инклан в своей пьесе «*Luces de Bohemia*»: «*Santiago y abre España, a la libertad y al progreso*» (*abrir* 'открывать', дословно «открыть» Испанию для прогресса и демократических свобод).

Имя святого функционирует в качестве темпоральных лексических маркеров в ряде таких фразеологизмов разговорно-бытового характера, отражающих разнообразные погодные явления, как *San Juan bullicioso y Santiago tramposo*; *buen Santiago, mal agosto*; *si el apóstol Santiago llora, pocas bellotas quedan*; *por Santiago y Santa Ana pintan las uvas y las granadas*; *por Santiago los calores te agobiarán en un mar de sudores*, где *Santiago* употребляется в значении 'день Св. Иакова, который ежегодно отмечают 25 июля (день поминовения апостола в церковной традиции)'.

Лексема *Camino* в более глубоком, философском значении фиксируется во фразеологизмах более позднего периода. В них отмечается эсхатологическая сущность Пути Св. Иакова, который отождествляется с божественным предназначением, судьбой, самой жизнью: *el Camino empieza en la puerta de tu casa*; *el Camino no se anda, se vive*; *el Camino da más de lo que recibe*; *el Camino es como la vida, te enseña muchas cosas, pero de forma concentrada*; *el milagro del Camino está en que convierte en mágicas las cosas normales*; *Camino de Santiago: tanto anda el cojo como el sano* и др.

Лексема *Camino* часто употребляется в значении 'судьба', 'Провидение', 'жизнь' в авторских фразеологизмах знаковых европейских поэтов и писателей, как, например, в высказывании Пауло Коэльо: «Santiago no es el final del Camino, sino el principio».

Или в знаменитом стихотворении испанского поэта Антонио Мачадо:

«Caminante, son tus huellas

el camino y nada más;

Caminante, no hay camino,

se hace camino al andar.

Al andar se hace el camino...» (Antonio Machado).

Самобытность испанской культуры, ее эклектичность во многом определяются ее открытостью новым веяниям, готовностью к восприятию идей и явлений культур других народов. Порождение новых символов на базе традиционной символики с одной стороны способствует выстраиванию диалога адресата с автором, подчеркивая оригинальность и живописность художественного мира, формирующего мировоззрение читателя, с другой стороны – удерживает читателя в рамках контекста, отсылая его к памяти культуры.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров : ст., исслед., заметки. СПб., 2000. С. 557–567.

2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 288 с.

3. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX века: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX века : сб. обзоров. М., 2000. С. 26–55.

4. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб, 1998. 704 с.

УДК 811.134.2'373

Светлана Анатольевна Колесник,

старший преподаватель кафедры

лексикологии испанского языка

Минский государственный лингвистический университет,

Минск, Беларусь

cicero@list.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВЫРАЖЕНИЙ ПРИВЕТСТВИЯ И ПРОЩАНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается и анализируется использование выражений приветствия и прощания в различных коммуникативных ситуациях в испанском языке, проведен их отбор и анализ. Сформулированы также особенности употребления данных выражений, что способствует формированию правильных коммуникативно-эффективных высказываний, обеспечивающих адекватное практическое использование испанского языка. В связи

с тем, что в мире сейчас происходят глубокие изменения в плане социальных и психологических стереотипов речевого поведения описываются некоторые культурные и социальные особенности испанского народа.

Ключевые слова: культура; эмоциональный; общение; формула; официальный; неформальный.

Svetlana A. Kolesnik,
*Senior Professor of the Lexicology of the Spanish Language
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus*

PECULIARITIES OF THE USAGE OF THE EXPRESSIONS OF GREETING AND FAREWELL IN SPANISH LANGUAGE

The article deals with the use of the expressions of greeting and farewell in Spanish language in different communicative situations. Their selection and analysis are carried out. Some peculiarities of communication in the modern Spanish society are formulated and described in this article.

Key words: culture; emotional; communication; formula; official; informal.

За последнее время в связи с динамично развивающимися современными международными отношениями увеличивается количество публикаций, нацеленных на исследование речевого общения и речевого поведения, на формировании коммуникативной компетенции, способности и готовности осуществлять межличностное и межкультурное общение с носителями языка. Вследствие этого уделяется большое внимание функционированию языка с точки зрения прагматической интерпретации, когда необходимо учитывать такой фактор, как приемлемость языковых единиц в конкретной речевой ситуации. Для этого важна способность автоматически воспроизводить в соответствующих ситуациях общения те элементы языка, которые хранятся в его языковом сознании и специально для этого предназначены, например, разного рода стандартизированные выражения, готовые фразы, клише, т. д.

Современный испанский язык изобилует такими образованиями варьирующей степени устойчивости, специализирующимися на выражении разного рода коммуникативных значений. В первую очередь это касается выражений приветствия и прощания, поскольку здороваемся и прощаемся мы часто, как минимум, несколько раз в день. В испанском языке существует несколько вариантов приветствий и прощаний как формального, так и неформального типа. И все потому, что испанцы демонстративно эмоциональны и общительны. Им нравится знакомиться, они обожают своих друзей, поэтому и назначают бесконечные встречи в кафе, ресторанах, барах и других заведениях, которыми изобилует Испания, чтобы вместе пообедать, поужинать либо просто выпить чашечку кофе.

Выбор формул приветствия носителями испанской коммуникативной культуры зависит от времени суток, возраста или социального положения собеседника. Общеиспанской нейтральной широкоупотребительной в самых

разнообразных коммуникативных ситуациях репликой приветствия служит формула *hola* ‘привет, здравствуй’. В то же время в условиях асимметричных отношений между партнерами она нормативно не допустима со стороны младшего по положению или по возрасту в обращении к старшему [1, с. 118]. Например,

а) диалог преподавателя со студенткой:

– **Hola, Lucía, ¿has redactado ya ese informe?** – **Buenos días, señor González, sí, ya lo he terminado.** ‘– Здравствуй, Лусия, ты уже написала доклад? – Добрый день, сеньор Гонсалес, да, я уже его закончила.’

б) диалог между родственниками:

– **Hola, abuelita.** – **Hola, Menchu, ¿cómo has crecido!** ‘– Привет, бабушка. – Здравствуй, Менчу, как ты выросла!’

В речи при официальной тональности общения в испанском языке принято говорить *buenos días* ‘здравствуйте/доброе утро’ (поскольку в Испании существует традиция использовать данную формулу до времени обеда, который обычно бывает с 13:00 до 15:00, то приветствие *buenos días* может быть употреблено и в 13.30, и в 14.00 в отличие от некоторых испаноязычных стран (например, Аргентины, Колумбии, Мексики), где приветствие *buenos días* используется только до 12:00), *buenas tardes* ‘добрый день/добрый вечер’ (эта формула приветствия используется в период времени с 13.00 до 20.00 практически во всех испаноязычных странах) и *buenas noches* ‘добрый вечер’ (данная формула приветствия обычно используется после 20.00. Однако, ее можно использовать не только в качестве приветствия, но и чтобы пожелать спокойной ночи). Следовательно, в испанском языке есть три приветствия на каждое время суток, перевод которых не всегда совпадает с дословным значением. Это связано с тем, что распорядок дня у испанцев не совпадает с распорядком во многих других странах (активная жизнь в Испании начинается и заканчивается гораздо позднее).

Когда же речь идет о непринужденном, фамильярно-дружеском общении либо сленговой лексике, характерной для молодежной среды, то, как правило, используются такие формулы приветствия, как *qué tal* ‘привет/приветлики/салютики’, *qué hay* ‘салют/здорово’, *qué pasa* ‘здорово/салют’, *buenas* ‘привет/приветлики/доброе время суток’ (эллиптическая форма от устойчивых сочетаний *buenas tardes* ‘добрый день’ и *buenas noches* ‘добрый вечер’).

Вот несколько примеров.

– **Qué hay, tío.** – **Qué pasa, machote. ¿Has oído lo del atentado?** ‘– Салют, бро. – Здорово, дружище. Ты уже слышал новость о теракте?’

– **Qué tal, prima.** – **Buenas, mi cariño.** ‘– Приветлики, сестричка. – Привет, моя дорогая.’

В некоторых испаноязычных странах встречается также приветствие *buenos* ‘привет/приветлики’ (эллиптическая форма от устойчивого сочетания *buenos días* ‘здравствуйте/доброе утро’), но используется оно гораздо реже, чем реплика *buenas*. Например,

– **Buenos días.** – **Buenos.** *Por favor, comuníqueme con el señor Ramos.*
‘– Добрый день. – Добрый. Пожалуйста, соедините меня с господином Рамосом.’

Стоит также отметить, что испанские приветствия почти всегда сопровождаются вопросом о здоровье собеседника, даже в случае первичного контакта незамедлительно спрашивают *¿Está usted bien?* ‘– С вами все хорошо?’ или *¿Cómo está usted?* ‘– Как ваши дела?’ [2, с. 138].

Что же касается формул прощания, то самыми употребительными и нейтральными в разнообразных коммуникативных ситуациях репликами прощания в испанском языке являются формулы *adiós* ‘пока/до свидания/прощай’ и *hasta luego* ‘пока/до свидания/до скорого’. Оба выражения могут использоваться в качестве синонимов в любое время суток. Тем не менее, для многих испанцев реплика *adiós* означает также прощание навсегда. Например, после сильной ссоры можно сказать *adiós*, и это будет уже звучать как ‘больше никогда не хочу тебя видеть’. Поэтому речевая формула *hasta luego* используются в Испании чаще.

Речевые формулы *hasta la vista* ‘до свидания’, *hasta pronto* и *hasta ahora* в значении ‘до скорого/до встречи’ следует употреблять только тогда, когда ситуация требует соблюдения формальностей либо действительно планируется скорая встреча с собеседником. Например,

а) диалог незнакомых людей:

– *Disculpe, por favor. ¿Podría decirme cómo llegar a la estación del metro?*
‘– Извините, пожалуйста. Не могли бы вы сказать мне, как пройти к станции метро?’

– *Sí, claro. Doble la esquina y estará justo frente a la estación.* ‘– Да, конечно. Поверните направо и будете как раз напротив станции.’

– *Excelente, ¡muchas gracias!* ‘– Отлично, спасибо большое!’

– *No hay de qué. **Hasta la vista.*** ‘– Не за что. До свидания.’

б) диалог между двумя друзьями:

– *Por cierto, voy a comer ahora, ¿quieres venir conmigo?* ‘– Кстати, я сейчас иду обедать, хочешь пойти со мной?’

– *Uy, lo siento, es que ya he quedado ... Si quieres, podemos cenar juntos.*

‘– Ой, как жаль, дело в том, что я уже договорился ... Если хочешь, можем поужинать вместе.’

– *¡Genial! **Hasta pronto.*** ‘– Здорово! До встречи.’

Иногда в качестве прощальных (обычно при официальном общении) могут использоваться собственно-приветственные реплики *buenos días* ‘здравствуйте’, *buenas tardes* ‘добрый день/добрый вечер’, *buenas noches* ‘добрый вечер’. В пиренейском варианте испанского языка они употребляются очень часто [1, с. 147]:

– *Hasta luego, don Manuel. **Buenas tardes.** – Adiós, Luis.* ‘– До свидания, дон Мануэль, доброго вечера. – До свидания, Луис.’

Формулы *bye* и *chao/chau* в значении ‘пока’ являются иностранными для испанского языка, поэтому используются при неофициальном регистре общения коммуникантов. Формула *chao* пришла в испанский язык из итальян-

ского, где ее применяют не только для прощания, но и для приветствия. Однако в качестве приветствия в испанском языке она используется гораздо реже. Это подтверждает Академический словарь испанского языка (создается, редактируется и публикуется Королевской академией испанского языка с 1780 года), который дает только два испанских эквивалента формулы *chao*. Это *adiós* ‘пока/до свидания/прощай’ и *hasta luego* ‘пока/до свидания/до скорого’. Приведем примеры.

а) – *Pues nada, chao, saludos a los tuyos.* ‘– Ладно, пока, передавай привет родным.’

б) – *Hola, Ricardo, ¿cómo estás? Hace mucho que no te veía...* ‘– Привет, Рикардо, как твои дела? Давно не видел тебя...’

– *Hola, Daniel, es que me fui de viaje. Volví recién ayer. Lo pasé increíble.* ‘– Привет, Даниель, дело в том, что я уезжал в путешествие. Вернулся только вчера. Все прошло замечательно.’

– *¡Cuánto me alegra! Envíale mis saludos a tu madre.* ‘– Как я рад! Передавай привет маме.’

– *Igualmente, ¡chau!* ‘– Ты тоже, пока!’

В подавляющем большинстве коммуникативных ситуаций в Испании попрощаться только с помощью одной речевой формулы, например, *adiós* ‘пока/до свидания/прощай’ либо *hasta luego* ‘пока/до свидания/до скорого’ – слишком сухо и даже неэтично. Обычно испанцы к формулам прощания обязательно добавляют какое-нибудь пожелание, особенно, если знают, что их собеседника ждет тяжелый рабочий день, экзамен, вечеринка и т.д. [3, с. 188]. Вот несколько примеров.

а) диалог двух коллег:

– *Hasta el lunes. Buen fin de semana.* ‘– До понедельника. Хороших выходных.’

– *Igualmente. Adiós.* ‘– И тебе того же. Пока.’

б) диалог между двумя подругами:

– *Venga, adiós y que tengas suerte con la entrevista.* ‘– Ну, давай, пока, и удачи тебе на собеседовании!’

– *Muchísimas gracias. Chao. Dales recuerdos a los tuyos.* ‘– Огромное спасибо. Пока. Передавай привет своим.’

Поскольку испанцы очень дружелюбный и приветливый народ, они зачастую используют одновременно несколько устойчивых формул приветствия либо прощания, как правило, для усиления высказываемого. Например,

а) – *Hola, hola, cariño, soy la abuela.* ‘– Привет, дорогая, это бабушка.’

б) – *Así que, adiós, hasta luego y ¡buen viaje!* ‘– Так что, пока, до скорого и счастливого пути!’

Испанцы, в силу своего географического положения, общественного уклада, исторического развития, а также традиций, являются очень открытыми, темпераментными и экспрессивными людьми, поэтому всегда приветствуют короткую дистанцию при общении и совсем не против тесных дружеских объятий и даже поцелуев с малознакомыми людьми во время приветствия

или прощания. Дружеские объятия и поцелуи в обе щеки, громко чмокая при этом, (редко стеснительными собеседниками могут использоваться просто прикосновения щек) являются формами приветствия и прощания испанцев в неформальной обстановке. Испанская культура вообще предполагает использование тактильных знаков внимания, таких как, похлопывания по плечу, объятия, касание руками и тому подобное. Этим испанцы выражают свое внимание и доброжелательность. В случае же формальных отношений испанцы традиционно пожимают друг другу руку.

Таким образом, подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что испанской коммуникативной культуре в силу высокой степени эмоциональности ее носителей присуще многообразие формул приветствия и прощания. Данные реплики испанцы передают очень пылко и воодушевленно, используя при этом тактильные знаки внимания, как в формальной, так и неформальной обстановке.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фирсова Н. М. Испанский речевой этикет : справ. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1991. 174 с.
2. Beinhauer W. El español coloquial : Versión española de F. Huarte Mortón. Madrid : Gredos, 1973. 458 p.
3. Нуждин Г. А., Марин Эстремера К., Мартин Лора-Тамайо П. Курс современного испанского языка для продолжающих. 2-е изд. М. : Айрис-пресс, 2008. 368 с.

УДК 811.124 '38:82-13

Анастасия Викторовна Котова,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины, Санкт-Петербург, Российская Федерация
anastakot@gmail.com

НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА КАК ОБРАЗ СРАВНЕНИЯ В «ЭНЕИДЕ» ВЕРГИЛИЯ И «АРГОНАВТИКЕ» ВАЛЕРИЯ ФЛАККА

В статье рассматриваются сравнения с небесными телами в римском эпосе на материале «Энеиды» Вергилия и «Аргонавтики» Валерия Флакка. Значимая роль в поэтике античного эпоса принадлежит художественному приему сравнения, с помощью которого автор проясняет характерную черту некоего явления, сопоставляя его с другим явлением совершенно иного рода. Через сравнения древние авторы передавали конкретную идею, обращенную к опыту индивидуальной памяти воспринимающего, к его личным ассоциациям, основанным на жизненном или художественном опыте.

Ключевые слова: Вергилий; Энеида; Валерий Флакк; Аргонавтика; небесные тела; сравнения.

Anastasiya V. Kotova,

*PhD, Docent, Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Saint Petersburg State University of Veterinary Medicine, Saint Petersburg, Russia*

HEAVENLY BODIES AS VEHICLES IN VERGIL'S "AENEID" AND VALERIUS FLACCUS' "ARGONAUTICA"

The article examines the similes with heavenly bodies in the Roman epic based on the material of Virgil's "Aeneid" and Valerius Flaccus' "Argonautica". A significant role in the poetics of the ancient epic belongs to the artistic method of simile, with the help of which the author clarifies the characteristic feature of a certain phenomenon, comparing it with another phenomenon of a completely different kind. Through similes, the ancient authors conveyed a specific idea addressed to the experience of the perceiver's individual memory, to his personal associations based on life or artistic experience.

Key words: Vergil; Aeneid; Valerius Flaccus; Argonautica; heavenly bodies; similes.

Сравнение как художественный прием имеет древнее происхождение и является неотъемлемой чертой эпического стиля. В эпических поэмах сравнения выполняют множество функций: структурируют текст, замедляют повествование, заменяют действие, повышают напряженность, характеризуют людей, создают внутри- и интертекстуальные ссылки и др. [1, p. 768].

Сравнения делятся на краткие и развернутые, но в любом случае состоят из трех частей: объекта сравнения, образа сравнения и *tertium comparationis*, основания для сопоставления.

Античная эпическая традиция берет начало в поэмах Гомера и продолжается в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (III в. до н. э.), «Энеиде» Вергилия (I в. до н. э.), «Аргонавтике» Валерия Флакка (I в. н. э.).

Используя сравнения, поэты, очевидно, стремятся быть понятными, в связи с чем вносят ясные для слушателя или читателя образы. Ряд исследователей [2, p. 90; 3, p. 381–397; 4, p. 42–43; 5, с. 247–248] полагают, что расчет идет на жизненный опыт людей: в эпических сравнениях менее привычные явления объясняются через понятные слушателю образы. Иного мнения придерживается О. Л. Ахунова [6, с. 87, 91], которая считает, что образность в сравнениях связана не с житейским опытом слушателей, а опытом художественным, опытом знакомства с тем, как эти образы отражены в рассказах и песнях. Такое прямое обращение к опыту индивидуальной памяти воспринимающего, к его личным ассоциациям направлено на образное постижение действительности.

На основании образов, используемых для сопоставления, сравнения подразделяются на лексико-семантические группы. Цель данного исследования состоит в анализе сравнений с образами, которые можно было бы отнести к семантической группе под условным названием «Небесные тела», в «Энеиде» Вергилия и «Аргонавтике» Валерия Флакка, эпических поэмах I в. до н. э. и I в. н. э. соответственно. Обращение именно к этим текстам, на наш взгляд, представляется оптимальным, поскольку обе поэмы, базирующиеся на мифо-

логических сюжетах, напрямую восходят к гомеровскому наследию и принадлежат к одному жанру античного эпоса; эти тексты написаны на одном языке, и анализируемый материал имеет сопоставимый объем.

В качестве материала исследования в данной статье выступают стихи из «Энеиды» и «Аргонавтики», содержащие сравнения с небесными телами (Aen. III, 635–637; V, 525–528; VI, 450–454; VIII, 18–25; VIII, 587–591; X, 270–275; Arg. I, 670–672; II, 503–508; V, 366–372; V, 563–566; VI, 524–528; VI, 604–608). В работе используются как теоретические методы исследования (анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукция), так и филологические методы интерпретации текста.

В обеих поэмах насчитывается по 6 сравнений, где образом сравнения является небесное тело, что составляет 4,54 % от общего числа сравнений в тексте в «Энеиде» и 4,48 % в «Аргонавтике»; это, в частности, демонстрирует преемственность античной эпической традиции.

В «Энеиде» имеются сравнения с солнцем (III, 635–637), падающими звездами (V, 525–528), с Луной (VI, 450–454), светом солнца или луны, отраженным в воде (VIII, 18–25), Люцифером (персонификацией планеты Венеры, видимой по утрам) (VIII, 587–591), Сириусом и кометами (X, 270–275).

Что касается объектов сравнения, с небесными телами в «Энеиде» чаще всего сопоставляются мужские персонажи – Эней, Паллант, Акест:

- стрела Акеста сравнивается с падающими звездами (V, 525–528);
- Эней, обуреваемый думами и бросающийся из одной крайности в другую сравнивается со светом солнца или луны, отраженным в воде (VIII, 18–25);
- Паллант сравнивается с Люцифером (VIII, 587–591);
- Блеск шлема, гривы на гребне, щита Энея сравниваются с созвездием Сириуса и кометами (X, 270–275).

В описании женских персонажей сравнение с небесным телом используется один раз, а именно тень Дидоны, которую Эней встречает в Подземном царстве, сравнивается с Луной в начале месяца, которую то ли видно, то ли кажется, что видно (VI, 450–454).

Последнее сравнение из этой группы – со светочем Феба – встречается в описании глаза Циклопа (III, 635–637).

В «Аргонавтике» имеются сравнения с осью земли (I, 670–672), Орионом (II, 503–508), звездами (V, 563–566), Сириусом (V, 366–372; VI, 604–608) и кометами (VI, 604–608), Люцифером (VI, 524–528).

Что касается объектов сравнения, с небесными телами у Валерия Флакка чаще всего сопоставляются мужские персонажи – Ясон и Арон:

- Ясон сравнивается с Сириусом (V, 366–372), его шлем – с Сириусом и Кометами (VI, 604–608);

- Арон, воин в войске Ээта, сравнивается с Люцифером (VI, 524–528).

В остальных трех сравнениях объектами являются не люди:

- море сравнивается с осью земли (I, 670–672);
- морское чудовище сравнивается с Орионом (II, 503–508);
- блеск оружия сравнивается с блеском звезд (V, 563–566).

Сравнение главных героев с Сириусом, на наш взгляд, по-своему примечательно. Античная литературная традиция, вероятно, отразила обыденные верования греков и римлян, полагававших, что появление этой звезды несет смертоносную жару. Упоминание об этом можно обнаружить у многих авторов: например, Germ. Fr. Arat. fr. 4 (4+3), v. 41–42 (letifer Sirius); Sil. It. Pun. XVI, 99 (letiferos accendens Sirius ignis); Stat. Silv. II, 1, 216 (letalus Sirius); App. Verg. Aetna 602 (vigil fervens ubi Sirius ardet); Verg. Georg. IV, 425 (rapidus torrens Sirius); Aen. X, 273–275 (... aut Sirius ardor / ille sitim morbosque ferens mortalibus aegris / nascitur et laevo contristat lumine caelum) и т. д. Отсюда и сравнения персонажей с Сириусом обретают угрожающий, зловещий подтекст и возникают чаще всего в контексте батальных сцен.

Эпическая традиция сравнений с Сириусом начинается в «Илиаде» Гомера, где с сиянием Сириуса сопоставляется блеск доспехов, которым Диомеда наделила Афина (V, 4–8): ‘Заггла ему от шлема и щита неистощимый огонь, подобный звезде уходящего лета, что ярче всех сияет, омывшись в Океане: такой ему огонь заггла от головы и плеч и отправила его в середину битвы, где теснилось более всего воинов (перевод автора статьи).

Большее влияние на традицию оказало сравнение из 22-й песни «Илиады», где блеск панциря Ахилла, бегущего по троянской равнине, сопоставляется с Псом Ориона (ст. 25–32): ‘Старец Приам его [т. е. Ахилла] первым увидел [досл. глазами], несущегося по равнине и сияющего, словно звезда, которая восходит в конце лета, и блеск [ее] ярок среди многочисленных звезд во мраке ночи; ее называют псом Ориона. Она ярче всех, но является дурным знаменем и несет несчастным людям сильную жару; так у него [т. е. Ахилла] бегущего медь блистала вокруг груди’. Рассказывая о Сириусе, Гомер акцентирует ее вредоносность – и тем самым сравнение с Ахиллом, сеющим вокруг себя смерть, получает дополнительное, более значительное *tertium comparationis*: Приам, глазами которого увиден Ахилл, не любит блеском его доспехов, а с ужасом следит за приближением смертельно опасного врага.

Сравнение с Сириусом также есть в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (III, 956–961): ‘Он [т. е. Ясон] же немного спустя показался томимой желанием [Медее], взмывая вверх, как Сириус из Океана, который прекрасным и ярким для взора восходит, но на мелкий скот безмерную беду нагоняет: так же прекрасным для взора к ней подошел Эзонид, но, появившись, муки любви пробудил’.

Сравнение Вергилия (X, 270–275), используемое для описания Энея, выглядит так: ‘На голове горит шлем, с верхушки на гребне разливается пламя, и золотой щит извергает обширный огонь: подобно тому как в ясную ночь кроваво-красные кометы зловеще алеют, или появляется жаркий Сириус, несущий жажду и болезни несчастным людям и омрачает небо зловещим блеском’.

Заметны сходства пассажей Вергилия и Гомера: у обоих речь идет о военной амуниции, которая блестит, и сопряжена с гибелью. Кроме того, как замечает С. Харрисон, оба сравнения (Aen. X, 270–275 и II. XXII, 25–32) поданы с точки зрения противника [7, p. 146].

Что касается Валерия Флакка, то его сравнение схоже с пассажем Аполлония Родосского тем, что у обоих речь идет о внешней красоте героев. Лексически Валерий Флакк сближает свой пассаж с вергилиевским, повторяя некоторые его слова и выражения: *non secus – non secus ac; nox – nocte; (nox) luciferas crinita faces – cometae sanguinei*. Также заметно и влияние Гомера: у Валерия Флакка в качестве *tertium comparationis* выступает яркость и, как следствие, внешнее превосходство (Ясон внешне настолько ярче Талая и других красавцев, насколько Сириус, когда озаряет осенью небо своим светом, ярче Аркада и Юпитера, то есть и Ясон, и Сириус выделяются на фоне других людей и звезд соответственно); но тут же содержится указание на пагубность Сириуса (*saevo cum nox accenditur auro; ast illum tanto non gliscere caelo / vellet ager, vellent calidis iam fontibus amnes*), а это уже второе *tertium comparationis* – вредоносность: Ясон, подобно Сириусу, окажется гибельным для Медеи. Таким образом, в вопросе *tertium comparationis* Валерий Флакк следует за Гомером; помимо прочего, на это указывают и лексические переключки: ὀπώρας – autumnus; νυκτὸς ἀμολγῶ – nox; ἀρίζηλοι αὐγαὶ – ignes, luciferas faces.

Подводя итог, отметим, что сопоставление сравнений с небесными телами в «Энеиде» и «Аргонавтике», с одной стороны, приводит к выводу о сходстве манеры авторов в использовании этой семантической группы сравнений: в обоих текстах их мало, и в трети случаев они используются при описании главного героя. С другой стороны, явным образом отличаются объекты сравнения: в «Энеиде» это преимущественно люди, тогда как в «Аргонавтике» такие сравнения используются применительно к людям редко.

В дальнейшем представляется перспективным расширить экспериментальный материал произведениями Гомера, Аполлония Родосского, Стация, Лукана и Силия Италика и проанализировать различные семантические группы образов сравнений внутри произведения и между произведениями с целью получения цельной картины по данному вопросу в античной традиции героического эпоса.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Gärtner U., Blaschka K. Similes and Comparisons in the Epic Tradition // Structures of Epic Poetry / ed. by Ch. Reitz and S. Finkmann. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2019. Vol. 1 : Foundations. P. 727–772.
2. Podlecki A. J. Some Odyssean Similes // Greece & Rome. 1971. Vol. 18. P. 81–90.
3. Moulton C. Similes in the Iliad // Hermes. 1974. Bd. 102. P. 381–397.
4. Minchin E. Similes in Homer: Image, Mind's Eye, and Memory // Speaking Volumes: Orality and Literacy in the Greek and Roman World / ed. by J. Watson. Leiden ; Boston ; Köln, 2001. P. 25–52.
5. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Муратова. 2-е изд., испр. СПб. ; М. : Филол. фак. СПбГУ : Академия, 2003. 373 с.
6. Ахунова (Левинская) О. Л. Образность гомеровского сравнения // Аристей. 2013. Т. 8. С. 81–93.
7. Vergil. Aeneid 10 / With Introd., Transl., and Comm. by S. J. Harrison. Oxford : Clarendon Press, 1991 (repr. 2002). XLIII + 303 p.

УДК 811.134.2'42

Наталья Владимировна Лещенко,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики и
грамматики испанского языка
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
natleschenko@gmail.com

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И СПЕЦИФИЧНОСТЬ ИНТЕРНЕТ-МЕМА КАК ФЕНОМЕНА ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье проводится сопоставительный анализ текстовых и креолизованных Интернет-мемов на испанском и русском языках, устанавливаются их сходства и различия. В статье показано, что национальная специфика проявляется на уровне реализации конкретной модели и детерминирована аксиологическими ценностями и стереотипами национального характера, а также определяется языком как системой и его возможными лексико-грамматическими реализациями.

Ключевые слова: Интернет-мем; структурно-композиционная организация; смысловая компрессия; комический эффект; универсальность; национальная специфика

Natallia Leshchanka,
PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Phonetics and Grammar
Of the Spanish Language
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

UNIVERSALITY AND SPECIFICITY OF THE INTERNET-MEME AS A PHENOMENON OF VIRTUAL COMMUNICATION (BASED ON SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

The article presents a comparative analysis of textual and creolized Internet memes in Spanish and Russian, establishes their similarities and differences. The article shows that the national specificity manifests at the level of a particular model and it is determined by axiological values and stereotypes of the national character and also by the language as a system and its lexico-grammatical patterns.

Key words: Internet meme; structural and compositional organization; semantic compression; comic effect; universality; national specificity

Несмотря на то, что исследовательский интерес к феномену Интернет-мема возник относительно недавно, уже оформилось и выделилось отдельное научное направление – меметика, изучающая мем как единицу редуцируемой культурной информации под углом различных точек зрения: биологии, психологии, социологии, философии, культурологи и др. [1]. Лингвистика не стала исключением. В языкознании Интернет-мем исследуется как новый активно развивающийся жанр виртуальной коммуникации, охватывающий большое количество пользователей.

Как известно, по семиотическому признаку мемы группируются в четыре класса: текстовые или вербальные мемы, мемы-картинки или визуальные мемы, видео-мемы или аудиальные мемы, креолизованные или смешанные мемы, в которых совмещаются вербальная и невербальная составляющие. Объектом исследования данной статьи являются текстовые и креолизованные Интренет-мемы испано- и русскоязычной киберкоммуникации, посредством которых пользователи выражают свое отношение к злободневным проблемам и событиям современного социума. Сопоставительный ракурс исследования способствует достижению цели: выявлению лингвистической специфики, которая кроется, с нашей точки зрения, в совокупном использовании приемов создания комического эффекта и смысловой компрессии. Такой подход позволяет наиболее полно представить лингвопрагматическую специфику Интернет-мема, объясняющую каким образом достигается воздействие и мотивируется его редупликация.

В материале исследования преобладают мемы смешанного типа – 88 %, на долю текстовых мемов приходится всего 12 %. Особенностью смешанных мемов является возможность различной степени интеграции негомогенных частей (текста и картинки). Вербальный и невербальный компоненты креолизованного мема могут иметь как интегративные отношения, так и отношения двойного кодирования (см. классификацию отношений поликодового текста В. Е. Чернявской [2]).

Первый тип отношений иллюстрируют следующие примеры: *VENDO CASA con vistas al futuro*, визуальным фоном для приведенного текста является открывающийся на кладбище вид из окна. Приведенный пример «черного» юмора мотивирован периодом пандемии коронавируса. Взаимобусловливающими отношениями связаны вербальная и невербальная составляющие мема с аллюзией на разговор Симбы с отцом из известного мультфильма «Король Лев»: *Mira Simba, todo lo que toca la luz es española*. В оригинале Муфаса (отец) говорит сыну: *Mira Simba, todo lo que toca la luz es es nuestro reino* (Смотри, Симба, всё, чего касается свет, наши владения). В последней части высказывания словосочетание *nuestro reino* заменяется словом *española*. Фон мема, как невербальная составляющая, играет очень важную роль: пейзаж, на который смотрят львы в лучах заката символично представляет флаг Испании. В текстовой части мема топоним написан со строчной буквы и употребляется с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ita*, который способен передавать целый спектр оценочных значений с различными контекстуальными коннотациями. Учитывая строчную букву и диминутивный суффикс, можно предположить пейоративное значение формы *española*. Ярким примером интегративных отношений текстовой и визуальной частей является Интернет-мем «Любимая удаленка», на котором известная Алёнка изображена в медицинской маске. В основе текстовой части приведенного мема лежит игра слов. В данных примерах невозможно отделить вербальную и невербальную составляющие, они связаны интегративными отношениями, т. е. имеют высокую степень креолизации. Данный тип Интернет-мемов составил 43 % в общей выборке фактического материала.

При отношениях двойного кодирования вербальное сообщение понятно и без визуальной составляющей, но визуальная составляющая усиливает воздействующий эффект, поскольку денотативное содержание поддерживается определенной эмоциональной коннотацией. Например, *Вдруг ты на самом деле счастлив, только бессимптомно?* говорит Винни Пух Ослику. Очевидно, что комический смысл ассоциативно соотносится с бессимптомным течением коронавируса у некоторых пациентов. Испанский пример (рис. 3), иллюстрирующий указанный тип отношений, содержит аллюзию на упоминавшийся выше мультфильм “Король Лев” и ставшее крылатым выражение “*акуна матата*” (также *хакуна матата* – в переводе с языка суахили буквально означает ‘*никаких забот*’). Общее процентное соотношение Интернет-мемов данного типа в выборке примеров составило 57 %.

- Hoy vienen los Reyes.
- Viene el abuelo??
- No. los magos.
- Pues yo prefiero al abuelo que tiene 65 millones.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Анализ структурно-композиционной организации мемов позволил выявить различные способы оформления текстовой части. Синтаксическая структура текстового компонента мемов в обоих языках обычно выражена относительно простыми конструкциями с прямым порядком. Представленные в выборке мемы содержат разные предложения по цели высказывания: повествовательные, вопросительные, побудительные. В качестве формальной организации текста мема в обоих языках может использоваться диалог (рис. 1, 2) или его фрагмент, содержащий начальную (обращение) либо финальную реплику резюмирующего характера.

В результате анализа фактического материала было установлено, что характерной формой текста мемов является квазидialog, понимаемый как неявный обмен репликами, т. е. реальная смена субъектов общения не происходит. Текстовая часть мема оформлена как диалоговая реплика, предполагает адресата, мотивирует его реакцию, но не ответ. Таким образом, реализуется пространственно-временная и субъектная модификация реального диалога, за счет чего достигается определенное воздействие на адресата, подкрепляемое различными лингвистическими способами. Так, формы повелительного наклонения, характерные для прямого диалога, широко употребляются в материале сопоставляемых языков: *Почитай отца, мать. А еще почитай Достоевского* (рис. 7). *Мир! Труд! Май! Копай!* (рис.6) ; *¡Paren el mundo <...>!* (рис. 9) Использование инклюзивного *мы* (формы глагола 1-го лица мн. ч. настоящего времени) выражает включенность адресата речи в диалоговое пространство говорящего: *¡Hemos comprado vacunas con células de rana <...>* (рис. 4). Междометия, как маркеры устной коммуникации, выражают эмоциональное состояние, побуждение к действию или усиливают последующую часть высказывания: *Ну, с праздником!* ; *¡Puff! Que no te pase como el año pasado <...>* (рис. 5, 6).

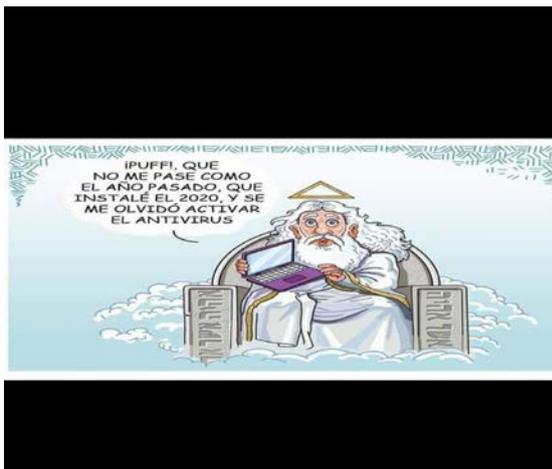

Рис. 5

Рис.6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

В качестве говорящего персонажа могут выступать актуальные персоналии для текущего периода и не только. Например, эпидемиолог Фернандо Симон, директор Координационного центра по оповещениям и чрезвычайным ситуациям Министерства здравоохранения, ежедневно выступал в средствах массовой информации, сообщая об усилиях по сдерживанию пандемии COVID-19. Это и стало материалом для создания Интернет-мемов (рис. 4): *Hemos comprado vacunas con células de rana. Si el paciente no sana hoy, sanará mañana.*

Еще одним говорящим персонажем испаноязычных мемов является Мафальда – героиня одноименного комикса, ставшего популярным во всем испаноязычном мире в 60-е годы прошлого века, она прославилась своими меткими фразами о политической и социальной несправедливости, которые актуальны и сегодня: *¡Paren el mundo, que me quiero bajar!* (рис. 9) *En la vida algunas veces “se gana” y otras veces “se aprende”. Como siempre: lo urgente no deja tiempo para lo importante.* Когда в 2020 г. автор комикса, аргентинский карикатурист Хоакин Сальвадор Лавадо, известный под псевдонимом Кíно (Quino), ушел из жизни, а вслед за ним скончался Марадона, то через некоторое время в сети появился мем с фотографией Папы Франциска, сокращающегося по поводу ухода двух легенд Аргентины.

Зачастую говорящим персонажем мемов в материале обоих языков выступают герои мультфильмов и кино, а также медийные персоны (общественно-политические деятели, президенты, лидеры правящих партий, представители королевских домов и т. д.).

Ярким примером реализации национально-культурной специфики является региональный интернет-мем (рис. 10), отражающий самоидентификацию андалусийцев, которые гордятся своей малой родиной и ее богатейшей историей. Надпись *Îttoria d'Èppaña, Îttoria d'Al-Ándalus* передает особенности андалузского диалекта, носители которого склонны считать его самостоятельным романским языком.

Вербальная часть мема может быть представлена в форме текстового фрагмента, для понимания и правильной интерпретации которого адресант не важен: *El hombre está pasando por los días más complicados de toda su historia. El gobierno no quiere que trabaje. Su esposa no lo quiere en casa y la policía no lo quiere en la calle.*

Как показал количественный анализ, наиболее востребованной в материале обоих языков является форма квазидialogа (46 % в материале испанского языка и 49 % в материале русского языка), на долю текстовой формы приходится практически одинаковое процентное соотношение по языкам (38 % в испанском и 39 % в русском), далее следует диалоговая форма (16 % и 12 % соответственно).

Комический эффект в мемах традиционно создается посредством различных выразительных средств, исходя из возможностей языка как системы. Прежде всего, к ним относятся различные приемы языковой игры и создание стилистического контекста. Игра слов широко представлена в материале обоих сопоставляемых языков: омоформы (рис. 7), омонимы (рис. 2), полисемия (рис. 1), каламбур (рис. 3, 8). Во всех примерах реализуется комическая функция игры слов, обеспечивающая эмоциональное воздействие на адресата.

Стилистический контекст создает комбинаторные приращения смысла, основанные на многозначности слова, которая не снимается, а наоборот добавляется в контексте: ¡Puff! *Que no me pase como el año pasado, que instalé el 2020, y se me olvidó activar el **antivirus**.* (Ух! Только бы не случилось как в прошлом году, когда я «установил» 2020 и забыл активировать антивирус.) (Рис. 5). В следующем примере из материала русского языка комический эффект основан на многозначности слова 'умный': *Появились **умные** телефоны, **умные** дома, **умные** часы, но куда-то стали пропадать **умные** люди.* Стилистический контекст создает возможности для реализации сразу нескольких значений слова и его добавочных коннотаций, что и обеспечивает компрессию информации.

Смысловая компрессия в интернет-мемах достигается посредством совокупного употребления проанализированных структурно-композиционных и лингвистических средств. Невербальная составляющая позволяет сократить площадь текста и повысить информативность. В статье каждый прием анализируется изолированно друг от друга в качестве аналитической абстракции, в ткани же мема они тесно переплетены, так что не представляется возможным вывести формулу их сочетания.

Интернет-мем представляет собой единицу информации, которая воспринимается и передается целостно. Для корректной интерпретации ее смысла необходимо принимать во внимание актуальный общественно-политический, историко-географический контекст, т. е. всю общность национально детерминированных факторов, влияющих на аксиологические ценности и стереотипы национального характера синхронного временного среза.

Подводя итог, можно заключить, что интернет-мемы имеют схожую организацию и базируются на общих приёмах, вне зависимости от языка, на котором оформлена его вербальная часть. В равной степени значимыми являются приемы создания комического эффекта. Национальная специфика проявляется на уровне реализации конкретной модели и детерминирована, с одной стороны, культурными стереотипами, особенностями обыденной картины мира, действующей общественно-политической и социально-экономической ситуацией, а с другой стороны, определяется языком как системой и его возможными лексико-грамматическими реализациями.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гуторенко Л. С. Комические креолизованные интернет-мемы в русско-, испано- и англоязычной виртуальной коммуникации: лингвистический аспект и социокультурные особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2019. 22 с.

2. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М. : Либроком, 2009. 248 с.

УДК 811.134.2'27

Роза Геворковна Нуридджанян,
ассистент кафедры романской филологии
Московский городской педагогический университет, Россия,
Москва
nuridzhanyan@mgu.ru

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДВУЯЗЫЧИЯ В ПАРАГВАЕ

Опираясь на основные теоретические понятия, разработанные в рамках социолингвистики, автор рассматривает вопросы, связанные с особенностями формирования двуязычного языкового сообщества в Парагвае, обращая особое внимание на диахроническое исследование этого вопроса. В статье описывается как актуальная социолингвистическая ситуация в стране, так и исторические предпосылки, повлиявшие на дальнейшее укрепление билингвальной политики государства. Автор рассматривает нормативные документы, тексты законов и постановлений, а также материалы периодической прессы, в которых в разные периоды истории Парагвая поднимались вопросы статусов испанского языка и индейского языка гуарани. Статья может быть полезна всем, кто занимается изучением двуязычия в странах Латинской Америки, а также интересуется социолингвистической ситуацией в испаноязычных странах.

Ключевые слова: двуязычие; диглоссия; Парагвай; испанский язык; гуарани, социолингвистическая ситуация.

Roza G. Nuridzhanyan,
Assistant at the Department of Romance Philology
Moscow City Pedagogical University, Russia,
Moscow

MAIN FEATURES OF BILINGUALITY IN PARAGUAY

Based on the main theoretical concepts developed in the framework of sociolinguistics, the author examines issues related to the formation of a bilingual language community in Paraguay, paying special attention to the diachronic study of this issue. The article describes both the current sociolinguistic situation in the country and the historical background that influenced the further strengthening of the state's bilingual policy. The author examines normative documents, texts of laws and regulations, as well as materials from the periodical press, in which issues of the status of the Spanish language and the Indian language of Guarani were raised in different

periods of the history of Paraguay. The article may be useful to anyone who studies bilingualism in Latin America, and is also interested in the sociolinguistic situation in Spanish-speaking countries.

Key words: bilingualism; diglossia; Paraguay; Spanish; Guarani; sociolinguistic situation.

Исследование языка в социальном контексте является главной задачей социолингвистики. Анализ вопросов, связанных с языковым сообществом и статусом языка в нем, особенно актуален в обществах, где одновременно сосуществуют несколько языков или несколько форм одного языка. Такого рода владение разными языками (или подсистемами одного национального языка) и использование их в зависимости от ситуации и сферы общения, вслед за Ч. Фергюссоном, мы будем называть диглоссией [1, с. 120].

В отечественной науке вместо термина «диглоссия» часто используют термин «двуязычие» как прямой перевод иностранного понятия. Однако стоит отметить, что эти два термина не всегда взаимозаменяемы. Так, современные социолингвисты указывают на тот факт, что двуязычие не всегда может сопровождаться диглоссией [2, с. 36]. Последняя обязательно подразумевает особую иерархию языков, которая образуется в соответствии с важностью коммуникативных ситуаций, в которых применяется тот или иной язык.

Отличительной чертой сегодняшней парагвайской социолингвистической ситуации по сравнению с подобными в других странах Латинской Америки таких, как Перу, Боливия, Гватемала, Эквадор, где местные индейские субстратные языки киче, кечуа и аймара также являются родными для значительной части населения, заключается в том, что испанский и гуарани в Парагвае не разделены по национальным или социальным группам населения, а функционируют одновременно в рамках этнически однородного языкового коллектива.

Актуальный состав населения Парагвая представляет собой результат метисации двух различных этнических и культурных типов: коренного американского (гуарани) и европейского (испанского). Сама метисация в данной стране заметно отличается от подобных процессов, также наблюдаемых в других регионах Латинской Америки, в некоторых из которых она и вовсе не была реализована в полной мере. В связи с этим в других странах Латинской Америки были сформированы, с одной стороны, крупные группы потомков коренных народов, которые сохраняют большую часть своих первоначальных расовых и культурных черт, а с другой стороны, население, состоящее из потомков испанцев или других европейцев со своими этническими и культурными особенностями.

В Парагвае с начала процесса завоевания и колонизации происходило активное смешение рас – в основном из-за географической изоляции, благодаря которой страну стали называть латиноамериканским Китаем (исп. *China de América*) [3, p. 9-10].

Важно также было и социальное устройство парагвайского общества: небольшое число мужчин-испанцев на фоне многочисленного коренного населения. Это привело к огромному количеству смешанных браков между

испанцами и индейскими женщинами гуарани. Первые поколения метисов были официально признаны их отцами-испанцами. Ярким примером такого процесса является тот факт, что губернатор Доминго Мартинес дэ Ирала, названный позже «отцом парагвайской нации» признал своих индейских сыновей-бастардов, а несколько позже выдал своих дочерей метисок замуж за испанских-капитанов. Так метисы и испанцы были приравнены в правах: могли наследовать землю, занимать должности в государственных органах и т. д. [4, p. 70].

Процесс смешения двух этнических типов, один из которых представлял собой аграрное общество, а другой, в свою очередь, европейский, но отстающий с XV века ввиду длительной изоляции, и привел к той особенной ситуации, которая до сих пор наблюдается в Парагвае: население страны почти полностью состоит из метисов.

Если до изгнания иезуитов в 1768 язык гуарани поддерживался и охранялся, то сразу после ситуация резко изменилась: двуязычие в принципе стало рассматриваться как причина культурной отсталости страны. Началось насаждение испанского языка, запрет на использование индейских языков, школы и иные учебные заведения, в которых учебный процесс шел на гуарани, были закрыты [5]. Несмотря на столь активные запреты, гуарани все еще оставался языком, которым владела большая часть населения Парагвая. В свою очередь испанский в аграрной части страны использовался лишь высокообразованной частью населения: врачами, священниками и учителями.

По мнению исследователя социолингвистической ситуации в Парагвае Бартоломеу Мелиа, до 1870 года гуарани был скорее социо-национальным феноменом [6, p. 840]. Однако это не означает, что изучение языка было престижным, более того, говорить на индейском языке в школе, а тем более изучать его, строго запрещалось. Такого рода запреты, иногда отличающиеся особой жестокостью, описаны в одной из заметок парагвайской газеты *Casique Lambaré*.⁷

En la escuela de ahora no existe más el arreador para los que hablen guaraní. No existe más la “Lista de los que no han hablado guaraní”

‘Сегодня в школе больше нет условий для тех, кто говорит на гуарани. Больше нет списка говорящих на гуарани’

Однако ситуация меняется с наступлением Войны против Тройственного альянса (исп. *Guerra contra la Triple Alianza*). В целях обеспечения безопасности язык гуарани использовался как в бытовых ситуациях, так и в поле боя. Кроме того, язык стал основой для выстраивания национальной идентичности парагвайцев (исп. *paraguayadad*). Особую роль в укреплении статуса индейского языка сыграли окопные или фронтовые газеты (исп. *periódicos de trinchera*). Первыми появились газеты *Cabichui* и *El Centinela*, которые в свои

⁷ Прим. Р.Г.Нуридджанян – Статья «Tata pirigí» была опубликована в номере 3 газеты *Casique Lambaré* от 22 августа 1867

выпуски стали включать стихотворения и письма на гуарани, позже – газета *Cacique Lambaré*, издаваемая исключительно на гуарани.

16 мая 1867 года газета *El Centinela* опубликовала заметку, которую можно считать манифестом парагвайской национальной идентичности:

Si! Hablaremos nuestro idioma... no tomaremos las plumas de otras aves para adornarnos desdeñando las nuestras. Cantaremos en guaraní nuestros triunfos y nuestras glorias. ‘Давайте говорить на нашем языке ... не будем брать перья чужих птиц, чтобы украсить себя, забывая при этом о своих собственных. Давайте рассказывать на гуарани о своих триумфах и величии’. Впервые на государственном уровне диглоссия в Парагвае была объявлена Конституцией 1967 года, которая была принята во время диктатуры Альфредо Стресснера. Так, пятая статья гласит:

Los idiomas nacionales de la Republica son el guaraní y el español: será del uso nacional el español. ‘Национальными языками Парагвая являются гуарани и испанский: государственным языком признается испанский’

В данный исторический период речь шла о разделении функций гуарани и испанского: первый становился языком бытового общения, второй – официальным языком делопроизводства, прессы, образования, то есть обслуживающим все сферы социальной жизни общества. В таком случае можно говорить о явлении диглоссии, так как доминирующим языком на конституционном уровне признавался испанский, а индейский гуарани – дополнительным, члены языкового сообщества официально могли прибегать к нему в менее значимых ситуациях.

В статье 140 новой Конституции 1992 года мы находим уже более лингвистически точную и понятную формулировку, описывающую ситуацию двуязычия в стране:

El Paraguay es un país pluricultural y bilingüe. Son idiomas oficiales el castellano y el guaraní. La ley establecerá las modalidades de utilización de uno y otro. Las lenguas indígenas, así como las de otras minorías, forman parte del patrimonio cultural de la Nación. ‘Парагвай – многокультурная и билингвальная страна. Официальными языками признаются гуарани и кастильский. Условия использования обоих языков устанавливаются законом. Индейские и другие миноритарные языки являются частью культурного наследия парагвайской нации’

Таким образом, страна на конституционном уровне признается билингвальной, более того, гуарани и другие менее распространенные миноритарные языки объявляются подохранными. Кроме того, принятие Конституции 1992 года повлекло за собой ряд других важных политических решений, регулирующих взаимоотношения испанского и гуарани, а значит нормализующих двуязычие в стране. Так, в 1994 году была проведена реформа образовательной системы, одним из важных достижений которой стало введение двуязычного обучения (исп. *La reforma Educativa bilingüe*).

По словам исследовательницы парагвайской образовательной системы Марии Перейра, основной целью данной реформы было установление такого

учебного плана, в котором в качестве инструментов обучения используется родной язык учащихся и второй язык, с целью более глубокого изучения второго языка и сохранения при этом высокого уровня родного [7].

Процесс легализации билингвальной системы в стране продолжился с принятием Закона о языках (исп. *Ley de Lenguas*), который вступил в силу 29 декабря 2010 года. В документе всячески подчеркивается необходимость сохранения текущего статуса Парагвая как двуязычной страны. Так, во второй статье постулируется обязанность государства охранять свой многонациональный и двуязычный характер (исп. *El estado paraguayo deberá salvaguardar su carácter pluricultural y bilingüe*). Закон о языках также отдельно подчеркивает острую необходимость создания плана двуязычного гуарани-кастильского обучения, включающего все ступени образования: от начального до высшего, создание отдельных учебных планов для индейских народов (исп. *contar con un plan de educación bilingüe guaraní-castellano en todo el sistema de educación nacional, desde la educación inicial hasta la superior y con planes diferenciados para los pueblos indígenas*).

Одним из последних решений, принятых в рамках политики билингвизма, было утверждение Секретариата по языковой политике (исп. *Secretaria de la Política Lingüística*) и открытие Академии языка гуарани (исп. *Academia de la Lengua Guaraní*) в 2012 году. Отметим, что в задачи Секретариата входит пропаганда присутствия обоих официальных языков в парагвайском медиа пространстве и креативном кластере (исп. *promover la presencia de las lenguas oficiales y de las lenguas indígenas de Paraguay en las nuevas tecnologías y en las industrias culturales*). Таким образом задается тенденция, говорящая о необходимости присутствия обоих языков в информационном поле СМИ и новых медиа.

Так, парагвайская ежедневная газета *Última Hora* уже несколько лет выпускает *Correo Semanal* – онлайн-приложение к своей основной версии, в котором публикует статьи, освещающие актуальные проблемы в области культуры и литературы гуарани. В одном из своих актуальных материалов *La guerra y la paz: El poder de la palabra*⁸ ('Война и мир: власть слова') редакция рассматривает язык гуарани как связующий элемент между сражавшимися во время войны 1870 года. Автор также обращает внимание на функцию языка как особого кода, который – в отличие от испанского – противники расшифровать не могли.

Исследование особенностей двуязычия в Парагвае может быть продолжено путем более детального изучения отражения данной проблемы на страницах парагвайских СМИ. Возможным также представляется проведение анализа взаимосвязи языка гуарани и парагвайской национальной идентичности.

⁸ *La guerra y la paz: El poder de la palabra* – 16.10.2021 <https://www.ultimahora.com/la-guerra-y-la-paz-el-poder-la-palabra-n2966775.html>

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Fergusson 1959 – Fergusson Ch. Diglossia // Word. 1959. № 4.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 439 с.
3. Makaran G. Paraguay: ¿Isla rodeada de tierra? Una historia de la (no) integración nuestroamericana // Estudios Paraguayos. 2016. Vol. XXXIV. P. 7–39.
4. Makaran G. Paraguay: el nacionalismo y sus mitos. México : Univ. Nacional Autónoma de México, 2014. 304 p.
5. Филиппова Д. А. Проблема двуязычия в Парагвае [Электронный ресурс] // Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики. URL: <https://www.indiansworld.org/problema-dvuyazychiya-v-paragvae.html#.YiUHLhBByLo>
6. Melià B. Ese famoso (y dichoso) bilingüismo paraguayo [Electronic resource] // El Español en el Mundo: Anuario dEl Instituto Cervantes. 2005. 831–882. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_05/melia/p01.htm.
7. Paraguay. Ministerio de Educación y Cultura. Consejo Nacional de Educación y Cultura. Expectativas y opiniones de actores sociales sobre la educación. Síntesis de resultados de Encuestas y Mesas de Diálogo. Documento de trabajo [Electronic resource]. 2008. URL: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/ressources/paraguay_plan_estrategico_paraguay2020.pdf.

УДК 811.133.1'373

Марина Николаевна Романкевич,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
лексикологии французского языка
Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь
romankevich_marina@mail.ru

Анастасия Александровна Короткая,
студент 5 курса факультета английского языка
Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь

«РАЗМЫТОЕ» ГРАДУИРОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННОГО ПРИЗНАКА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается понятие контрарной противоположности как проявление градуирования качественного признака в сфере имен прилагательных во французском языке. «Размытость» в определении степени проявления признака обуславливает размытость первичной и вторичной семантики противопоставляемых прилагательных.

Ключевые слова: градуирование, антонимические оппозиции, контрарная противоположность, прилагательное, качественный признак, варьирование.

Maryna N. Romankevich,
*PhD, Associate Professor, Associate Professor of
the Lexicology of the French Language
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus
romankevich_marina@mail.ru*

Anastasiya A. Korotkaya
*student of the Faculty of English,
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus*

"BLURRED" GRADING OF A QUALITATIVE FEATURE IN FRENCH

The article deals with the concept of contrary opposition as a manifestation of the qualitative feature's grading on the example of adjectives in French. "Blurring" in determining the degree of the feature's manifestation determines the blurring of the primary and secondary semantics of opposing adjectives.

Key words: grading, antonymic oppositions, contrary opposition, adjective, qualitative feature, variation.

Познание окружающего мира, его категоризация происходит в результате наблюдения за объектами реальности, когда их внешние и внутренние признаки сопоставляются. Наличие некоторого качественного признака, который может возрастать или убывать и доходить до противоположного, специфицирует когнитивные процессы сравнения, сопоставления.

Выстраивание оппозиций есть универсальное языковое явление, лежащее в основе антонимии, свойственной именам прилагательным, выражающим понятия качества, объема, протяженности, размера, веса, формы, цвета, психологических оценок, времени, пространства, возраста и т. п. [1, с. 94]. Изменение интенсивности выражаемого признака, присущего однотипным объектам, обусловило выделение отдельного вида оппозиций – градуальных (по классификации Ю. Д. Апресяна), когда члены оппозиции различаются степенью проявления одного и того же признака. Между крайними членами оппозиции можно вставить промежуточные члены: например, *холодный* – *прохладный*, *нормальной температуры*, *теплый* – *горячий* (во французском: *froid* – *frais*, *normale*, *tiède* – *chaud*); *легкий* – *нетрудный* – *средней трудности* – *нелегкий* – *трудный* (во французском: *facile* – *moyen* – *difficile*) и др. Иными словами, «в основе антонимии слов, содержащих указание на качество» часто лежит контрарная противоположность как наиболее характерный и распространенный тип противоположности [2, с. 245]. Под контрарной противоположностью понимают такой тип противоположности, когда между крайними симметричными членами упорядоченного множества (контрарные видовые понятия) существует средний, промежуточный член: например, *молодой* – *старый*, а между этими двумя понятиями можно добавить промежуточные звенья типа *нестарый*, *немолодой*, *пожилой* и т. п. Ср. во французском языке: *jeune* – *d'âge moyen* – *âgé* – *vieux*.

Как мы видим, крайние (внешние) члены и представляют предел («новый» качественный признак) противопоставления того или иного качества. Однако между двумя крайними членами существует «переходные» состояния качества, которые могут быть вербализованы по-разному. Иными словами, диаметрально противоположность значений в антонимической паре лексических единиц с контрарными логико-семантическими отношениями появляется тогда, когда между парой антонимов могут быть вставлены слова с «ослабленными» значениями [3, с. 162]. Таким образом, основным признаком контрарной противоположности является градуирование качества, результатом которого – ряды антонимов. Такие градуальные оппозиции, характерные для слов в пределах одного семантического поля, представляют векторный антонимический комплекс, в котором «закрепляется» переход качественного признака в новый качественный признак, новое состояние, новый процесс, новое явление для достижения коммуникативной цели (установки). По мнению М. В. Бондаренко градуированию могут быть подвержены «лексические единицы, обозначающие объекты, признаки, состояния, которым изначально присуща изменяемость» [4]. Контрарная же категоризация позволяет ориентироваться во множестве признаков слов [5, с. 59].

Интересно, что в случае контрарной противоположности основных понятий-координат предполагается наличие «середины» (точки отсчета): *левый – правый, верх – низ, здесь – там* (во французском: *gauche – droite, haut – bas, ici – là*) и т. п. В данном контексте можно упомянуть о понятии симметрии, которая определяется в широком смысле как «соразмерность, пропорциональность частей чего-нибудь, расположенных по обе стороны от середины, центра» [6, с. 1058].

В качестве антонимических оппозиций приведем нескольких пар, в состав которых включены разнокоренные антонимы, основанные на *контрарной семантической противоположности*:

1) *plein – vide* ‘полный – пустой’

Сопоставление дефиниций прилагательных данной антонимической пары показывает, что между двумя крайними элементами оппозиции может находиться третий элемент: *plein* ‘полный, заполненный’ – ‘*indique une très grande quantité contenue dans quelque chose*’ [7⁹] ‘указывает на очень большое количество, содержащееся в чем-либо’ и ‘*qui contient le maximum de choses, de personnes qu’il peut contenir ou accueillir*’ ‘который содержит максимум вещей, людей, которых она может вместить или вместить’ и *vide* ‘пустой, порожний’ – ‘*se dit d’un contenant qui ne contient rien*’ ‘говорится о пространстве, ничем не заполненном’, Компоненты ‘*une très grande quantité*’ и ‘*le maximum de choses, de personnes*’ показывает, что содержащегося может быть разное количество.

В русском языке есть выражения: *стакан наполовину пуст или полон*, а также *полупустой автобус, полупустые улицы*. Во французском языке также встречаются подобные контексты *à demi-plein* ‘полупустой стакан’ и *un demi-plein* ‘наполовину наполненный бак’: *Mais le verre est à ton frère, et à demi-plein de ses larmes; je pense qu'on peut aller à Honolulu avec un demi-plein*.

⁹ Дефиниции прилагательных приведены из толкового словаря французского языка [7].

Интересным фактом является лексикографическая практика во французском языке, заключающаяся в перечислении синонимов и антонимов слов для каждого значения прилагательного. Так, для прилагательного *plein* синонимами являются – *bondé* – *bourré* – *comble* – *complet* – *encombré* – *foisonnant* – *grouillant* – *rempli* ‘переполненный – набитый – полный – полный – загроможденный – кишачий – кишачий – заполненный’ и антонимами – *abandonné* – *débarrassé* – *dégagé* – *désert* – *inoccupé* – *vide* – *vidé* ‘заброшенный – опустошенный – освобожденный – брошенный – незанятый – пустой – опустевший’. Как видим, имеет место перекрестная ссылка прилагательных, с одной стороны, и выстраивание синонимо-антонимического поля с другой.

2) *premier* – *dernier* ‘первый – последний’

Сопоставление дефиниций прилагательных данной антонимической пары показывает, что между двумя крайними компонентами оппозиции также может находиться третий элемент: *premier* ‘первый’ – ‘*marque le début d’une suite, d’une série d’éléments de même nature, ordonnée et numérotée*’ ‘отмечает начало последовательности, ряда элементов одного и того же характера, упорядоченных и пронумерованных’ и *dernier* ‘последний’ – ‘*qui vient après les autres par le rang ou le mérite*» ‘который идет после других по рангу или достоинству’. Так, компоненты семантической структуры *une suite* ‘последовательность’, *série ordonnée et numérotée* ‘ряд (элементов) упорядоченных и пронумерованных’ и *après les autres* ‘после других’ показывают, что за первым (*premier*) будут последующие, и количество объектов в данном ряду зависит только от контекста и ситуации. В частности, если речь идет о двадцатиэтажном доме, то между крайними этажами (первым и двадцатым) находятся еще подобные этажи – *de deuxième au dix-neuvième*. В этой оппозиции два члена – *premier* и *dernier* являются крайними, между ними достаточно размытое пространство: прилагательное *premier* обозначает начало последовательности или ряда (*marque le début de la série*), а прилагательное *dernier* обозначает конец этого ряда (*après lequel il n’y a plus personne, plus rien*). В серии однотипных объектов любое порядковое числительное может стать промежуточным членом контрарной оппозиции, главное, чтобы оно было адекватно ситуации.

В качестве третьего члена можем привести прилагательное *intermédiaire* ‘промежуточный’ – ‘*qui est entre deux choses et forme transition de l’une à l’autre, qui occupe une position moyenne*’ ‘то, что находится между двумя вещами и образует переход от одной к другой, занимающей срединное положение’. Наряду с вышеназванным можно привести также прилагательное *moyen* ‘средний’ – ‘*qui se situe entre deux extrêmes*’ ‘тот, что расположен между двумя крайними’.

3) *jeune* – *vieux* ‘молодой – старый’

Сопоставление дефиниций прилагательных, входящих в данную антонимическую пару показывает, что между двумя крайними компонентами оппозиции также может находиться третий элемент: *jeune* ‘молодой, юный’ – ‘*qui est peu avancé en âge*’ ‘кто немного прибавил в возрасте’ и *vieux* ‘старый’ –

‘qui est très avancé en âge, dans la dernière période de sa vie’ ‘кто сильно прибавил в возрасте, находится в последнем периоде своей жизни’. В данном случае компоненты семантической структуры ‘peu avancé’ и ‘très avancé’ не имеют четкого ограничения по времени, краткость или долговременность может рассматриваться субъективно, что приводит к появлению многочисленных промежуточных членов оппозиции. В частности, можем привести словосочетание *d’âge moyen* ‘средних лет’, которое используется в функции определения и приближается к прилагательному: данное словосочетание определяется как ‘âge intermédiaire entre la jeunesse et la vieillesse’ ‘промежуточный возраст между молодостью и старостью’. Кроме этого, часто встречается прилагательное *âgé* – ‘qui a déjà un certain âge, vieux’ ‘кто уже в определенном возрасте, старый’; словосочетание *d’un certain âge* – ‘se dit de quelqu’un qui n’est plus jeune’ ‘пожилой, немолодой’.

К тому же, многочисленные контексты подчеркивают расплывчатость в противопоставлении. Неудивительно, что на восприятие того, когда заканчивается “молодость” и начинается “средний возраст” и “старость”, влияет собственный возраст человека.

4) *riche – pauvre* ‘богатый – бедный’

Сопоставление дефиниций прилагательных, входящих в данную антонимическую пару показывает возможное наличие третьего элемента: *riche* ‘богатый’ – ‘qui a de la fortune, des biens importants’ ‘у кого есть состояние, значительное имущество’ и ‘qui dispose d’une quantité relativement importante d’argent’ ‘у кого относительно большая сумма денег’ и *pauvre* ‘бедный’ – ‘qui a peu de ressources financières, peu de biens’ ‘у кого мало финансовых средств, мало активов’. Как видно из предложенных дефиниций, компоненты семантической структуры прилагательного *riche* ‘des biens importants’ досл. ‘значительное имущество’ и ‘une quantité relativement importante’ ‘относительно большая сумма’ и прилагательного *pauvre* ‘peu de’ ‘мало’ подтверждают размытость и субъективность понятий много и мало. В современном обществе давно используются понятия среднего класса, нищих и др., что также доказывает существование промежуточных членов в данной оппозиции. Приведем понятие *la classe moyenne* ‘средний класс’, которое является достаточно размытым: «Ce concept correspond à l’émergence, entre classes populaires (ouvriers, employés, agriculteurs) et classes aisées (patronat et cadres supérieurs), d’une catégorie de la population ni riche ni pauvre : cadres intermédiaires, techniciens, fonctionnaires, etc. [8] ‘Этот концепт соответствует возникновению категории населения между рабочим классом (рабочие, служащие, фермеры) и богатым классом (директора и администрация), которая не является ни богатой, ни бедной: руководители среднего звена, техники, государственные служащие и т. д.’. Данное понятие подчёркивает противопоставленность классов (богатых и бедных) и, соответственно, вводит третий член как полноправный в классическую антонимическую пару.

Кроме этого, можно выделить и другие промежуточные звенья в данной – *nécessiteux* ‘нуждающийся’, *désargenté* ‘без гроша в кармане’, *aisé* ‘зажиточный’, *fortuné* ‘благополучный, богатый’.

5) *beau – laid* ‘красивый – уродливый’

Определение природы антонимических отношений в данной паре прилагательных кажется сложным и дискуссионным, поскольку восприятие красоты и некрасивости субъективно. Вместе с тем уродство воспринимается более единогласно. В данной работе оппозицию *beau – laid* ‘красивый – уродливый’ включаем в число оппозиций контрарного типа. Обращение к дефинициям данных прилагательных: *beau* ‘красивый’ – ‘qui suscite un plaisir esthétique d’ordre visuel ou auditif’ ‘вызывает визуальное или слуховое эстетическое удовольствие’ *laid* ‘уродливый’ – ‘dont l’aspect heurte le sens esthétique, l’idée qu’on a du beau’ ‘чей внешний вид оскорбляет эстетическое чувство, наше представление о красоте’ показывает их относительность.

В качестве третьего члена можем привести прилагательные *affreux – difforme – inesthétique – moche (familier) – agréable – charmant – esthétique – harmonieux – joli* ужасный – уродливый – неприглядный – безобразный (разг.) – приятный – очаровательный – эстетичный – гармоничный – хорошенький’.

Таким образом, анализ первичной семантики антонимических пар, построенных на отношениях контрарности, показал, что в данном типе оппозиционных пар дефиниция указывает на определенный тип антонимии. В контрарных оппозициях имеет место расплывчатость определения, которая позволяет ввести промежуточный член в оппозиционную пару. Кроме того, отмечаем во многих случаях субъективность в проведении границы между членами оппозиции, в частности, при понимании и восприятии красоты, глубины. Исходя из этого считаем, что семантический фактор является одним из формирующих градуальную оппозицию.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Каксин А. Д. К вопросу изучения антонимических отношений в лексике хакасского языка // Таврический научный обозреватель. 2016. № 7. С. 94–98.
2. Новиков Л. А. Семантика русского языка : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1982. 272 с.
3. Фатыхова Л. А., Шакирьянов Л. М. Антонимические логико-семантические модели в свете категории контраста: на материале английского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. Вып. 101 : Филологические науки, № 7 (389). С. 162–168.
4. Бондаренко М. В. Градуальность как свойство лексики и основание для построения лексической парадигмы (на материале французского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05. Воронеж, 2001. 138 л.
5. Михайлов В. А. Генезис антонимических оппозиций. Л. : ЛГУ, 1987. 80 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 28.02.2022).
7. Larousse : dictionnaire de la langue française [Electronic resource]. URL: [https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/vache/80870_\(accessed: 28.02.2022\)](https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/vache/80870_(accessed: 28.02.2022)).
8. Le Monde [Electronic resource]. URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2014/09/18/quelle-definition-de-la-classe-moyenne_4490097_4355770.html/ (accessd: 28.02.2022).

УДК 821.134.2-3.09

Дарья Игоревна Синицына,
кандидат филологических наук
старший преподаватель Кафедры романской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
daria_sinitsyna@mail.ru

ПОЭТИКА «ЧУДЕСНОЙ РЕАЛЬНОСТИ» В НОВЕЙШЕЙ ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: «НЕОБЫЧАЙНЫЕ ГОДЫ» РОДРИГО КОРТЕСА

В статье рассматривается поэтика романа испанского прозаика Родриго Кортеса «Необычайные годы» ('Los años extraordinarios', 2021). Методами сравнительного литературоведения выявляется его типологическое сходство с образцами «нового» латиноамериканского романа, в первую очередь, романом «Чарующий мир» Рейнальдо Аренаса (1965), и постулируется преэминентность эстетических установок глобальной испаноязычной литературы в современном мире.

Ключевые слова: испанская литература; латиноамериканская литература; «чудесная реальность»; латиноамериканский «новый роман»; «новый» исторический роман.

Daria Sinitsyna
PhD, Assistant Professor,
Romance Philology Department,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

POETICS OF THE "LO REAL MARAVILLOSO" IN THE NEWEST HISPANIC FICTION: "LOS AÑOS EXTRAORDINARIOS" BY RODRIGO CORTÉS

The article deals with the poetics of the novel "Los años extraordinarios" published by the Spanish author Rodrigo Cortés in 2021. The methods of comparative literary criticism reveal its typological similarity with the samples of the "new" Latin American novel, first of all, "El mundo alucinante" by Reinaldo Arenas (1965), and the continuity of the aesthetic attitudes of the global Hispanic fiction in the modern world is postulated.

Key words: Spanish literature; Latin American literature; "lo real maravilloso"; Latin American "new novel"; "new" historical novel.

Концепция «чудесной реальности» ('lo real maravilloso'), оказавшая значительное влияние на становление и теоретизацию латиноамериканского «нового романа» 60-х годов XX века, представленного произведениями М. Варгаса Льосы, Х. Кортасара, Г. Кабреры Инфанте, Г. Гарсиа Маркеса и прочих авторов, впервые была изложена кубинским писателем А. Карпентьером в прологе к роману «Царство земное» (1949), считающемуся, в свою очередь, одним из прообразом «нового романа», а также «нового» исторического романа, жанра, который ознаменовал конец XX века в латиноамериканской

словесности. В тексте пролога Карпентьер решительно противопоставляет реальность Америки и реальность Европы в связи с их отношением к «чуду»: «... невольно напрашивалось сопоставление: с одной стороны, полная чудес действительность, только что мне открывшаяся, а с другой – мир чудесного как плод жалких потуг, характерных для некоторых течений европейской литературы последнего тридцатилетия. Мир чудесного, который пытались вызвать к жизни при помощи старых штампов... Мир чудесного, убого представленный профессиональным штукачеством и профессиональным уродством ярмарочных фигляров... Мир чудесного, созданный по принципу циркового фокуса...»¹⁰ [3, с. 5] «Чудесность», по Карпентьеру, естественно присуща Америке и проявляется в ее природе, пейзажах, мифологичности сознания и даже исторических свершениях. Усталая Европа, напротив, утратила способность воспринимать и генерировать чудеса.

Тем не менее, таково лишь современное (середины XX века) положение дел. Недаром в качестве эпиграфа к прологу Карпентьер использует цитату из сервантесовских «Странствий Персилеса и Сихисмунды» - это напоминание о времени, когда «чудесная реальность» еще была возможна и по ту сторону океана: «В «Странствиях Персилеса и Сихисмунды» слова об оборотнях, вложенные в уста Рутилио, звучат с поразительной достоверностью, поскольку во времена Сервантеса верили в то, что есть люди, страдающие ликантропией». [3, с. 6] Собственно, нынешняя латиноамериканская «чудесная реальность» - отчасти дело рук европейцев: ее эстетика была присуща первым хроникам завоевания Индий, но и в более поздние эпохи находились европейцы-адепты «чуда». Карпентьер отмечает: «Мне всегда казалось весьма многозначительным то обстоятельство, что в 1780 году несколько вполне здравых рассудком испанцев из Ангостуры отправились на поиски Эльдорадо, а в дни французской революции – да здравствует разум и Верховное Существо! – Франсиско Менендес, уроженец Сантьяго-де-Компостела, блуждал по землям Патагонии в поисках Очарованного Града Цезарей» [3, с. 8].

Чуть более десятилетия спустя после опубликования «Царства земного» с его манифестообразным монологом центр тяжести испаноязычной (кто-то осмелится утверждать, что и всей мировой) литературы сместился в Латинскую Америку: начался так называемый «бум» латиноамериканского «нового романа», в котором поэтика «чудесной реальности» была представлена в первую очередь текстами Г. Гарсиа Маркеса, но также К. Фуэнтеса, Х. Лесама Лимы, самого А. Карпентьера и других писателей. На фоне бума актуализировались и более ранние тексты, соответствовавшие «чудесной» эстетике, в частности, рассказы Х. Л. Борхеса, романы Х. Рульфо и М. А. Астуриаса. Однако уже в конце 60-х появляются произведения, полемизирующие с «новым романом». Их совокупность получает название «постбума» и включает различные жанры: «литературу свидетельства», «литературу повседневности», «грязный реализм», «новый» исторический роман и прочие. На рубеже веков и эти жанры подвергаются критическому осмыслению, но уже на фоне устоявшейся континентальной ли-

¹⁰ Цитаты из текста А. Карпентьера приводятся в переводе Александры Косс.

тературы. В. Земсков во вступительной статье к последней части фундаментальной «Истории литератур Латинской Америки» пишет о перспективах ее развития: «Поверх всех расколов, барьеров и различий в XX в., как итог предшествующего развития, возникла литературная традиция всемирного значения, возможно, последняя классического характера перед вступлением в эру так называемой виртуальной «пост-культуры». А это означает, что существует опора для развития не только собственно латиноамериканской (Испанская Америка и Бразилия, иноязычные карибские литературы), но и дополнительные резервы для иберийских литератур (Испания, Португалия), активно воспринимающих опыт единокровных заокеанских литератур...» [2, с. 101].

Влияние – прямое ли, в виде литературных связей, косвенное ли, в виде перцепции поэтики – современной испаноамериканской литературы на современную испанскую требует, по нашему мнению, пристального изучения. Как правило, критика касается обратной проблематики, изучая испанский «родовой» компонент в латиноамериканской литературе. Однако отдельные образцы новейшей испанской прозы могут свидетельствовать об освоении эстетических принципов, которых придерживались на несколько более раннем этапе латиноамериканские авторы. В этом смысле особенно показателен роман Родриго Кортеса (1973) «Необычайные годы» (*Los años extraordinarios*), увидевший свет летом 2021 года. К настоящему моменту роман выдержал четыре издания, что свидетельствует о значительном коммерческом успехе, который связан, в частности, с уникальным для современной испанской прозы характером повествования.

Роман, лишенный подзаголовка, который мог бы более подробно указать на жанр, представляет собой жизнеописание вымышленного персонажа по имени Хайме Фанхуль от рождения до смерти. Повествование ведется от первого лица. Фанхуль появляется на свет в Саламанке в 1902 году и умирает там же в возрасте семидесяти с лишним лет. Большую часть жизни он проводит в путешествиях, задерживаясь на некоторое время в несуществующем городе Эспурия, Париже, Эль-Аюне, на Азорских островах, в Кембридже, Нью-Йорке, Камбодже, Египте и т. д. Являясь почти ровесником века, Фанхуль застаёт и упоминает некоторые исторические события, определившие облик столетия, хоть в большинстве случаев и не участвует в них напрямую (единственное исключение – его недолгая деятельность в качестве террориста-анархиста в Париже). Описываются две «Великие» войны – Первая и Вторая, а также война в Испании, которая в течение долгого времени препятствует возвращению Фанхуля на родину. При этом Первая Великая война, захватившая на восемь лет всю Европу, начинается с «мелкой заварушки» между Францией и Голландией, война в Испании – между монархически настроенным городом Аликанте и республикански настроенным городом Эльче, а Вторая Великая, застигшая Фанхуля в Лондоне, затевается немецкими фашистами во главе с неким Вегенером, акробатом на трапеции, сменившим Гитлера на посту лидера. Таким образом, история XX века, представленная нам в романе, фантастична, альтернативна. Равным образом фантастична и другая часть биографии

Фанхуля, не касающаяся большой истории. Читатель понимает это с первой страницы, но тон повествователя остается совершенно нейтральным. О городе своего детства он походя говорит: «В ту пору в Саламанке еще не было моря, хотя многие уже взяли за правило прогуливаться в купальных костюмах, даже в зимние холода, чтобы море призвать»¹¹ [4, с. 27]. Далее, на протяжении всего текста романа Фанхуль сталкивается с диковинными явлениями и существами, не испытывая ни тени изумления: в Саламанке общается с призраками (чтобы видеть их, следует несколько скосить взгляд влево), в Эспурии следит за Первой Великой войной по пятну сырости на потолке (его меняющиеся очертания точно повторяют карту военных действий), на корабле по пути во Францию подвергается нападению пиратов, которые захватывают суда с целью ввязаться с пассажирами в философские диспуты (но ни в коем случае не касающиеся Блаженного Августина, неугодного пиратам), а в сезон муссонов в Камбодже видит «растение с языком, цветок с ребрами, младенца, застывшего в янтаре... сороконожку с длиннющими усами и колючие заросли с широко распахнутыми глазами» [4, с. 199].

Научных работ, посвященных роману «Необычайные годы», опубликованному в 2021 году, к настоящему моменту, по всей видимости, не существует. Тем не менее, особенности этого текста анализируются в многочисленных рецензиях испанских литературных критиков. Многие из них усматривают в поэтике Кортеса влияние испанской (в первую очередь Рамона де Валье-Инклана с его жанром «эсперпенто», но также Франсиско де Кеведо и Альваро Кункейро) и английской литературной традиции (Дж. Свифт, Р. Киплинг, Р. Даль). Из возможных латиноамериканских источников называются тексты аргентинцев Сесара Айры и Маседонио Фернандеса [5, 6]. Однако, учитывая манеру конструирования Кортесом художественного мира внутри повествования, представляется логичным дополнить получающуюся матрицу литературных влияний еще одним текстом, наиболее, по нашему мнению, близким – если не «генетически», то типологически – «Необычайным годам». Это роман кубинского писателя Рейнальдо Аренааса (1943-1990) «Чарующий мир» ('El mundo alucinante', 1965).

«Чарующий мир», написанный в разгар бума «нового» латиноамериканского романа, был запрещен к изданию на Кубе, в рукописи вывезен во Францию и опубликован на испанском только в 1969 году. Когда публикация состоялась, об Аренаасе заговорили как о предвестнике «магического реализма». Повествование под жанровым заголовком «приключенческий роман» представляет собой фантастическую биографию исторического лица – брата Сервандо Тересы де Мьера (1765-1827), мексиканского богослова, борца за независимость американских колоний, «неугомонной жертвы» Инквизиции и испанских властей. Брат Сервандо, как и Хайме Фанхуль, проводит большую часть жизни в странствиях, и на каждом этапе пути он сталкивается с необычным и необычайное творит: прибывает на собственную проповедь верхом на метле, бежит из испанской тюрьмы с помощью говорящих крыс, добывает

¹¹ Здесь и далее перевод всех цитат мой – Д. С.

деньги на войну за независимости у леди Гамильтон, которая платит ему унцию золота за каждое слово рассказа о гибели адмирала Нельсона, свидетелем которой монах случайно оказывается. Принципы построения художественного пространства у Аренаса вполне соответствуют описанию «чудесной реальности» у Карпентьера: в романном мире может произойти все, что угодно, поскольку фантастичное начало миру присуще, а персонажи безоговорочно принимают выпадающие на их долю чудеса. Причем протагонист-латиноамериканец как бы осеняет собой и европейское, и североамериканское пространство, включая его в орбиту «чудесной реальности». И по тону повествования, и по особенностям описаний тех или иных чудесных явлений текст Кортеса оказывается во многом схож с текстом Аренаса.

Сами заголовки обоих романов содержат установку на фантастичность, только у Аренаса эта семантика связывается с пространством («мир»), а у Кортеса – со временем («годы»). Тем не менее, центральные персонажи не воспринимают фантастическое как фантастическое. Приведем для сравнения описание Мехико, куда брат Сервандо приезжает учиться, и родной для Хайме Фанхуля Саламанки в момент «прихода» моря. У Рейнальдо Аренаса: «Город, вздыбившийся над пропастью, походил на черепаху, посаженную в крону пальмы. Сервандо пробудился от своего агавового сна, когда по нему прошествовала босоногая вереница нищих, чуть не раздавив ему лицо. Из любопытства он последовал за толпой, следовавшей, в свою очередь, за некоей женщиной, следовавшей, в свою очередь, за веревкой, затянутой вокруг ее шеи. Из осмотрительности он ничего не спросил, но, увидев в конце улицы клубы дыма, почти хлеставшие небо, понял, что «донью» намереваются сжечь. Костры день и ночь курились в конце каждой улицы, так что жар и сажа в городе не переводились, а в летние дни становились вовсе непереносимы. [...] Время от времени раздавался громкий втреск, как от порожнего яйца, если бросить его на угли. То было не что иное, как головы сжигаемых, лопавшиеся от жара» [1, с. 29, 32]. У Родриго Кортеса: «23 апреля 1918 года в Саламанку пришло море. [...] Вода стеной обрушилась на реку Тормес – плюх! – и река исчезла, а с ней и предместье Сантьяго. Я крепче ухватился за край узкого оконного проема. Грохот слышали даже во Франции. А вода, как ни в чем не бывало, тут же успокоилась. Воздух мгновенно разрядился, утратил электричество и наполнился пеной. Вся улица Монте Оливете оказалась покрыта морскими ершами и ставридами, сардинами и угрями. С вершины крепостной стены виднелся новый океан: темная рука воды, простиравшаяся за горизонт. Волны разбивались о тесные камни римской эпохи. Первые дни на море были радостными, но и трудными. Шесть недель кряду купальщикам то и дело попадались трупы. Добровольцы вытаскивали тела из воды» [4, с. 29]. «Чудесное» в обоих текстах лишено аксиологической составляющей, равно «чудовищному», амбивалентно.

Приведенные фрагменты типичны для всего повествования в обоих романах. Гиперболизированные описания сопровождают каждое новое перемещение героев, иногда оказывающихся в одной географической точке с разницей в полтора века. Таковы, например, главы о Португалии. У Рейнальдо Аренаса:

«В этом городе нет ничего, кроме молчания. Молчания и голода. Я только прошелся по Золотой улице и улице Аугуста и заметил, что никто кругом не разговаривает. Люди молча шагают, не здороваясь даже со знакомыми, и на Деларежлаш, где самая торговля, я тоже не услышал не звука. Какая тишь... [...] В Мадриде народ питается криками, а здесь, похоже, нищета не оставляет сил кричать. Царит такой голод, что если человек заговаривает, его уже считают за состоятельного» [1, с. 201]. У Родриго Кортеса: «О Порту рассказать мне особо нечего, я недолго там пробыл. Здания сделаны из развешанного белья, и даже солнцу полагается становиться на его улочках тенью. Женщины открывают окна и орут, как матросы. Собаки не шевелятся, если могут не шевелиться. Дети нараспев декламируют нечто монотонное, чего не понимают. В тавернах по вечерам горят самые прекрасные свечи на свете, скорченные и величественные, сделанные из воска, который рыбацки крадут в монастырях» [4, с. 94].

Способы перемещения персонажей по миру также зачастую фантастичны, но излагаются как нечто заурядное: брат Сервандо оказывается в Португалии после того, как в андалусийской темнице Инквизиции на него наматывают такое количество цепей, что тюрьма буквально лопается, и шар из цепей с монахом внутри падает в Средиземное море (где как раз разворачивается битва при Трафальгаре); Хайме Фанхуль добирается до Франции на корабле, потерпевшем крушение, но нырнувшем в «опрокинутые утесы Уэльвы», туннели, пролегающие под всем континентом.

Итак, в обоих текстах перед нами предстает карпентьеровская «полная чудес действительность», только простирающаяся по всему миру, а не ограниченная Америкой. Нейтральный тон, почти «нулевой градус» повествования в романе Родриго Кортеса подчеркивает необычайность художественного пространства и всего, что в нем происходит. Кроме того, он свидетельствует о разнице авторских интенций Аренаса и Кортеса, являющейся главным различием разнесенных по времени, но принадлежащих одному языку и сходных текстов. Брат Сервандо – пассионарный герой, все его бегство длиною в жизнь подчинено идее освобождения Мексики, в то время как Хайме Фанхуль переживает свои приключения без всякой причины, едва ли не от скуки, просто чтобы не унаследовать отцовский галантерейный магазин. Уникальность романа Родриго Кортеса состоит как раз в том, что в этом абсолютно игровом, постмодернистском тексте удивительным образом возрождается «чудесная реальность», которая, как представлялось Карпентьеру, утрачена для европейской словесности навсегда.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аренас Р. Чарующий мир. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2016. 336 с.
2. Земсков В. Литературный процесс в Латинской Америке. XX век и теоретические итоги // История литератур Латинской Америки. XX век: 20-90-е годы. М., 2004. Ч. 1. С. 5-106.

3. Карпентьер А. Царство земное. СПб. : Амфора, 2000. 319 с.
4. Cortés R. Los años extraordinarios. Barcelona : Penguin Random House, 2021. 360 p.
5. De Montfort J. S. Rodrigo Cortés: «Las razones por las que está teniendo éxito 'Los años extraordinarios' son exactamente las razones por las que, en teoría, no debería tenerlo» [Electronic resource]. URL: <https://theobjective.com/further/cultura/2021-07-17/rodrigo-cortes-las-razones-por-las-que-esta-teniendo-exito-los-anos-extraordinarios-son-exactamente-las-razones-por-las-que-en-teoria-no-deberia-tenerlo/> (accessed: 10.03.2022).
6. Sánchez J. L. Reseña de "Los años extraordinarios", de Rodrigo Cortés [Electronic resource]. URL: <https://www.criticadelibros.es/2021/06/anos-extraordinarios-rodrigo-cortes.html> (accessed: 10.03.2022).

УДК 811.133.1'37'42:070

Татьяна Николаевна Чельцова,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лексикологии французского языка
Минский государственный
лингвистический университет, г. Минск
Беларусь
vedemus@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ТЕРРОРИЗМ» ВО ФРАНЦУЗСКИХ СМИ

В статье анализируются невербальные и вербальные средства формирования активного антитеррористического массового сознания на материале французских СМИ.

Ключевые слова: терроризм, антитеррористический дискурс французских СМИ, массовое сознание, номинативное поле с семантическим центром «терроризм».

Cheltsova Tatiana Nikolaevna
*PhD in Philology, Associate Professor in the Department of French Lexicology
Minsk State Linguistic University
The Republic of Belarus, Minsk*

IMPLEMENTATION OF THE "TERRORISM" CONCEPT SPHERE IN THE FRENCH MEDIA

The article analyzes nonverbal and verbal means of forming an active anti-terrorist mass consciousness based on the material of the French media.

Key words: terrorism, anti-terrorist discourse of the French media, mass consciousness, nominative field with the semantic center "terrorism".

В качестве базы исследования выбраны: «Charlie Hebdo», еженедельная сатирическая газета, получившая всемирную известность за свои карикатуры на ведущих политиков, святых христианства и ислама; «Le Monde», мотивы политических интенций, которой обусловлены её принадлежностью леволиберальным взглядам; видеохолдинг You Tube, «новое медиа», современное сред-

ство манипуляции общественным сознанием. Цель исследования – рассмотреть способы формирования антиисламских настроений средствами журналистики, провести комплексный анализ языковых средств, используемых в представлении концепта «терроризм».

На протяжении всей истории человечества сложно отметить периоды, которые проходили бы в мире и согласии, без войн и недовольств. Одна из первых террористических групп зародилась в I веке н. э. – иудейская секта сикариев (кинжальщиков). Члены секты практиковали убийства представителей еврейской знати, выступавших за мир с римлянами и обвиняемых ими в отступничестве от религии, национальных интересов. Это были экстремистски настроенные националисты, возглавлявшие движение социального протеста и являющиеся прообразом современных радикальных террористических организаций.

Террористические акты не проходят бесследно: они оборачиваются массовыми человеческими жертвами, ведут к масштабным разрушениям материальных и духовных ценностей, сеют страх, недоверие, вражду и ненависть между людьми. В современном мире в массовом (общественном) сознании терроризм является одним из наиболее опасных и непредсказуемых преступных деяний.

Почему же именно Франция так часто становится жертвой террора? Во-первых, Франция – одна из тех европейских стран, которые наиболее сильно вовлечены в международную войну против террора. Она активно участвовала в боевых действиях в Сирии и Ираке и наносила там бомбовые удары по позициям группировки «Исламское государство». Во-вторых, Франция в силу своего колониального прошлого имеет большую мусульманскую общину, многие члены которой обладают двойным гражданством – как французским, так и, как правило, гражданством той страны, откуда родом они сами или их предки. К тому же Франция является светским государством. Это означает, что здесь действует строгое разделение церкви и государства. В-третьих, во Франции наблюдается большой миграционный поток, что усложняет систему проверки приезжающих граждан. В 2021 году правительство Франции приняло решение сократить количество въездных виз, выдаваемых северо – африканцам (жителям Туниса, Марокко и Алжира). Франция объясняет своё решение тем, что Алжир, Тунис и Марокко тормозят процесс возвращения въехавших с их территории на французских нелегальных мигрантов. Приоритетная задача президента Франции Эмманюэля Макрона: высылка нелегальных иностранцев, совершивших террористические акты или зарегистрированных за радикализацию, а также тех, кто совершил правонарушения и серьезные преступления. [1]

Проблема терроризма касается каждого здесь и сейчас, поскольку террор является глобальной проблемой начала 21 века. СМИ становятся основным элементом в передаче массам информации о катастрофических событиях, возрастает их ответственность перед обществом. Анализ лингвистической составляющей антитеррористического дискурса позволяет определить реальное воплощение в речи отношение прессы и массового сознания к настоящей «чуме» нашего века, терроризма.

В статье предложен анализ вербальных и невербальных средств, используемых во французском медийном дискурсе при освещении актов терроризма («Charlie Hebdo», «Le Monde», а также отзывы французов в видео-хостинге YouTube).

Тема терроризма, основанного на религиозной почве, является излюбленной темой газеты газета «Charlie Hebdo», известной своими карикатурами и колкими высказываниями в адрес политиков, ультраправых, высмеиванием ислама. Диапазон смеха очень широк: от мягкого юмора до едкого сарказма и злой иронии. Именно во Франции родилась поговорка: *Le ridicule tue* 'Смешное убивает'. Об этом можно судить, глядя только на обложки «Charlie Hebdo» и ее карикатур. Обратимся к освещению террористического акта, совершившегося вечером 14 июля 2016 года в Ницце: водитель грузовика протаранил толпу людей, которые собрались на Английской набережной, чтобы посмотреть фейерверк по случаю Дня взятия Бастилии. Жертвами стали 86 человек, пострадали более 430 человек. [2] Обложка журнала проиллюстрировала эти события так (см. рисунок 1). Заголовок карикатуры «Да здравствует ислам, мирная религия...» на фоне лежащих на дороге сбитых машиной людей содержит сарказм (тонкую и злую насмешку). Даже после теракта 2015 года, произошедшего в редакции «Charlie Hebdo» из-за создания карикатур о пророке Мухаммеде, газета переиздает их (см. рисунок 2), как будто говоря: «Мы вас не боимся! Мы бросаем вам вызов!» Цветовое оформление обложки: черный фон, символизирующий траур, страдание, смерть. На нем большие буквы желтого цвета, означающего радость, энергию, движение. В подтексте позитив: «сейчас мы находимся в трауре, нам больно за происшедшее, однако вам не удастся нас сломать, мы станем еще сильнее и лучше».

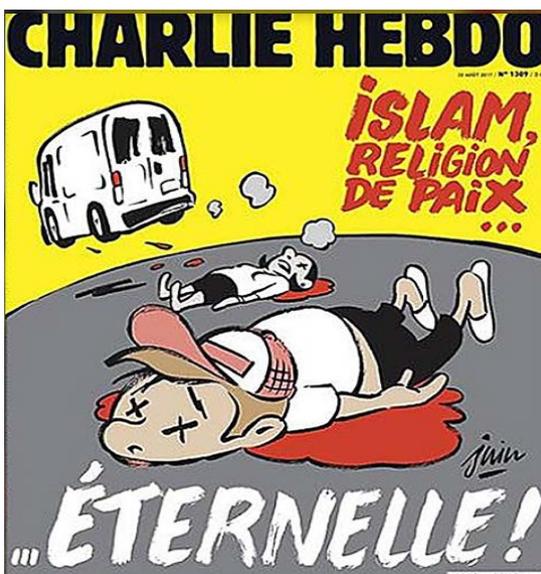

Рисунок 1 Ислам мирная религия ... вечная!

Рисунок 2 И все это ... для этого

Посмотрим заголовки статей по данному теракту газеты «Le Monde». [3] *Nice, la grande blessée* 'Тяжелораненая Ницца'. Прием олицетворения, городу Ницца приписывается характеристика живого существа, его страдания.

Les troublants indices laissés par le tueur Тревожные признаки (симптомы), оставленные убийцей'. Слова «тревожные», «симптомы», «убийца» несут крайне негативную коннотацию, провоцируют страх. *Attentat de Nice : le temps des obsèques* 'Теракт в Ницце: время похорон'. Словосочетание «время похорон», слово «нападение» апеллируют к эмоциям, вызывают воспоминание об утрате близких. Далее: заголовки статей в газете «Le Monde» после теракта в редакции Charlie Hebdo 7 января 2015 года: *Depuis l'attentat de «Charlie Hebdo, on a franchi une ligne dans le sang»*. 'После нападения на «Шарли Эбдо» мы перешли кровавую черту'. «Пересечь кровавую черту» – метафора. Связь крови и терроризма подчеркивает основную задачу террористов – убийство ради достижения своих целей. *Attentat contre «Charlie Hebdo»: le récit d'une journée noire* 'Теракт в редакции «Шарли Эбдо»: история черного дня'. «Черный день» – оксюмороном, остроумное сопоставление противоречивых понятий, парадокс. В ряде стран этот фразеологизм означает день смерти или очень трудное в жизни время. И наконец, теракт, который произошел 25 сентября 2020 года в Париже: *Attaque près des anciens locaux de «Charlie»: à Premières Lignes, «la foudre a frappé deux fois au même endroit* 'Нападение возле помещения «Шарли»: на повестке дня «молния ударила дважды в одно и то же место». Идиома «молния ударила дважды в одно и то же место» подчеркивает циклический характер опасности. *Terrorisme: faire front sans peur* 'Терроризм: не бойся ему сопротивляться'. Обращение к читателю и повелительная форма обозначают призыв к действию.

Во всех заголовках статей газеты фигурируют слова, отражающие негативное восприятие происшедшего: теракт, напряжение, убийца, гнев, ненависть, страх, похороны, ужас, тревога, кровь, раны, резня.

При изучении восприятия понятия «терроризм» в массовом сознании была также проанализирована представленная в видеохостинге YouTube реакция французов на совершенные террористические акты. Например: *On envoie les troupes en Afrique pour "lutter contre terrorisme". Mais pour eux la France fait du "terrorisme" en Afrique , ça va jamais arrêter. La guerre nourrit la haine. La haine pousse la guerre* (ppg bip) 'Мы отправляем войска в Африку для «борьбы с терроризмом». Но для них именно Франция является источником терроризма в Африке и это никогда не прекратится. Война порождает ненависть. А ненависть приводит к войне'. Слова «война», «борьба», «ненависть» выражают крайне негативное отношение пользователя Интернетом к терроризму. Структура следующего высказывания построена таким образом, что явно видно сомнение автора о прекращении этой войны и тем более, на чужой территории. *Sincères Condoléances à la Famille et toutes mes félicitations au gouvernement grâce à qui nous en sommes là (et c'est pas fini) avec leurs politiques du "bien vivre ensemble" ou "l'immigration une chance pour la France" face à une population ancrée dans ses gènes qui ne s'intégrera jamais car ils ne veulent pas s'intégrer!!!!* (Maxime Legendre) 'Искренние соболезнования всей моей семье и наилучшие поздравления правительству, благодаря которому мы находимся в данной ситуации (и это еще не конец) с его политическими

лозунгами «мирно жить вместе» или «иммиграция – шанс для Франции», находящейся лицом к лицу с народом, у которого в генах закреплено, что он никогда не будет интегрироваться, потому что не хочет интегрироваться!!!!'.

В цитируемом тексте прослеживается эмоциональное саркастическое обвинение, построенное на контекстуальных антонимах, словах, противопоставленных в определенном контексте. Данное обвинение направлено не только на политику, проводимую во Францию по отношению к иммигрантам, но и уверенность автора, что во всех терактах виновны приезжие из других стран, которые не хотят подчиняться установленным правилам, а желают создать свои собственные. Применение градуальной оппозиции подчеркивает четкую линию раздела, границы между коренными французами и иммигрантам.

Несколько примеров из французских информационных Интернет-источников. «*La bataille contre la bête immonde n'est pas gagnée*», prévient *Gérald Darmanin, invité de France Inter mercredi 23 septembre*. «Битва против грязного зверя не выиграна», предупреждает Джеральд Дарманин, министр внутренних дел Франции, гость France Inter в среду, 23 сентября.

Террористы сравниваются с «грязным зверем», который, несомненно, представляет опасность для всего населения и, как следствие вызывает страх. Слово «битва» снова связывает терроризм с войной, которая продолжается и еще не выиграна. Приведем еще один текст, пополняющий лексико-семантическое поле концепта «терроризм». *Un barbare, c'est un "individu qui manifeste de la cruauté, qui est inhumain" (dictionnaire Larousse); si la première partie de la définition est adaptée, la seconde l'est moins: ces individus sont hélas des êtres humains, comme l'étaient les nazis en leur temps (qui n'est pas totalement révolu). Quel autre mot alors utiliser? "Sauvages", "fous", "néo-nazis", "démons", "monstres"? La dernière proposition me paraît la plus intéressante: "Personne qui suscite l'horreur par sa cruauté, sa perversité, par quelque vice énorme", ou encore "Être vivant présentant une importante malformation". Les terroristes sont des monstres; leur malformation est mentale: leurs cerveaux lavés sont en réalité très sales [5]* 'Варвар – это «человек, который проявляет бесчеловечную жестокость» (словарь Ларусса); если первая часть определения подходит, то вторая – в меньшей степени: эти индивидуумы, к сожалению, являются человеческими созданиями, как и *нацисты* в свое время (которое еще не совсем ушло). Какое еще слово использовать? «Дикари», «безумцы», «неонацисты», «демоны», «монстры»? Последнее утверждение представляется наиболее интересным: «Человек, который вызывает ужас своей жестокостью, своей извращенностью, каким-то чудовищным пороком», или даже «Живое существо, имеющее серьезный порок». Террористы – *монстры*; их порок – отсутствие интеллекта: их промытый мозг на самом деле очень грязный'. В цитируемом тексте также использованы номинативные единицы, входящие в семантическое поле понятия «терроризм». Это: «нацисты», «дикари», «безумцы», «демоны», «монстры», «варвары». Слово «нацист» всплывает в памяти в контексте Второй мировой войны, которая принесла всему миру разрушения, убийства и жестокость. «Варвар» – чужестранец; грубый, жестокий человек.

Часто используется в словосочетании «фашистские варвары». Слова «демоны», «монстры» связаны с потусторонним миром (преисподней), который ассоциируется в религии местом вечных мук для души грешника, «жестокость», «ужас» демонстрируют страх, словосочетание «чудовищный порок» отражает чувства презрения и брезгливости.

Рассмотренные в статье лексемы и тропы входят в номинативное поле антитеррористического дискурса, подчеркивают жестокость и кровопролитность терактов, вызывающих страх и отвращение.

Одновременно в СМИ делается акцент на том, что терроризм болезнь излечимая, как и многие другие, но для этого надо предпринять все необходимые меры.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Algérie : pourquoi Emmanuel Macron a durci le ton [Electronic resource] // L'OBS. URL: <https://www.nouvelobs.com/chroniques/20211005.OBS49480/algerie-pourquoi-emmanuel-macron-a-durci-le-ton.html>.
2. Теракт в Ницце (2016) [Электронный ресурс] // Wikiwand. URL: [https://www.wikiwand.com/Теракт_в_Ницце_\(2016\)](https://www.wikiwand.com/Теракт_в_Ницце_(2016)).
3. Le Monde [Electronic resource]. URL: <https://www.lemonde.fr> (accessed: 05.10.2020).
4. VIDEO. Terrorisme : "La bataille contre la bête immonde n'est pas gagnée", met en garde Gérald Darmanin [Electronic resource]. URL: https://www.francetvinfo.fr/politique/jean-castex/gouvernement-de-jean-castex/video-terrorisme-la-bataille-contre-la-bete-immonde-n-est-pas-gagnee-met-en-garde-gerald-darmanin_4115465.html (accessed: 13.10.2020).
5. «Les mots pour lutter contre le terrorisme» [Electronic resource]. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/les-mots-pour-lutter-contre-le-terrorisme_1775922.html (accessed: 13.10.2020).

УДК 811.134.2'221'27

Анна Борисовна Чиркун,
*кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
лексикологии испанского языка
Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь
chirkun.anna@mail.ru*

КАТЕГОРИЯ УМЕСТНОСТИ: НЕВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с коммуникативной категорией уместности. На материале испанского языка выявляются невербальные средства, которые зачастую интерпретируются как неуместные партнером по коммуникации, о чем свидетельствует его реактивная реакция, выраженная вербально в виде вопроса относительно причин или целей использования тех или иных невербальных средств, либо в виде запрета на их использование.

Ключевые слова: категория уместности; гармоничное общение; невербальное поведение; фонационные средства; кинесические средства; реактивная вербальная реакция.

Anna B. Chirkun

*PhD, Associate Professor, head of the Department of Spanish Lexicology
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus*

CATEGORY OF RELEVANCE: NON-VERBAL ASPECT

This article deals with the communicative category of relevance. Non-verbal means, which are often interpreted as inappropriate by the communication partner, as evidenced by his reactive reaction, expressed verbally in the form of a question regarding the reasons or purposes for using certain non-verbal means, or in the form of a ban on their use, are revealed on the material of the Spanish language.

Key words: category of relevance; harmonious communication; non-verbal behavior; phonation means; kinesic means, reactive verbal response.

Исследование языковых механизмов создания благоприятной атмосферы межличностного взаимодействия было бы неполным без выявления факторов, которые вносят дисгармонию в общение, разрушают понимание, вызывают негативное эмоциональное и психологическое состояние партнеров по коммуникации. Зачастую спусковым механизмом появления дисгармонии в общении выступает использование речевых и невербальных средств, конфликтогенный потенциал которых обусловлен их неуместностью по отношению к ситуации общения, психологическому состоянию собеседника, социальному статусу коммуникантов и т. д. Для лингвистических исследований последних десятилетий характерен повышенный интерес к изучению разнообразных коммуникативных категорий в различных дискурсивных практиках, к числу которых относится и категория *уместности*, отражающая различные формы соответствия высказывания целям и задачам общения, коммуникативному контексту его употребления и связанная с эффективностью речевых действий коммуникантов [1; 2].

Целью данного исследования является анализ невербальных средств, использование которых интерпретируется как неуместное их адресатом. При этом в качестве основания для интерпретации тех или иных невербальных средств как уместных или неуместных выступает вербальная и/или невербальная реакция адресата, выраженная им лично либо описанная третьим лицом, посредством которой он указывает на то, что тот или иной аспект невербального поведения его собеседника не соответствует ситуации общения, стилю общения, психоэмоциональному состоянию собеседника и т. д.

В разговоре люди обращают внимание и на то, что говорится, и на то, как это говорится, однако делают это в разных ситуациях по-разному – иногда больший вес для них имеет тональность сообщения, иногда его содержание. В. И. Карасик подчеркивает, что тональность общения представляет собой «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимодействия коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [3, с. 304]. Значение тональности как явления прагматико-

дискурсивного плана состоит в том, что именно в тональности наиболее ярко проявляются самые тонкие нюансы контекста. При этом важно подчеркнуть ее двусторонний характер: тональность формируется и говорящим, и слушающим. Взаимоотношения коммуникантов, отношение говорящего к сообщению, его установки отражаются в строе и языке сообщения и воспринимаются адресатом. Тональность реализует определенную настрой на восприятие сообщения как нейтрального или эмоционального, конфликтного или кооперативного, серьезного или шутливого, доброжелательного или агрессивного и т. д.

Тональность реализуется на всех уровнях языка. Кроме того, маркерами тональности являются и используемые коммуникантами невербальные средства.

Т. И. Шевченко, связывая создание общей тональности дружелюбия в межличностном общении с высотно-мелодическими уровнями речи, отмечает, что «важную роль в создании атмосферы дружелюбия и эмпатии играют тоны» [4, с. 205]. Так, использование нисходяще-восходящего тона может передавать определенную степень интимности и солидарности в отношениях участников дискурса, это своего рода «вербальное похлопывание по плечу» [4, с. 79]. Однако оценивая роль тона в формировании тональности общения, следует учитывать, что говорящий производит выбор тона в зависимости от целого ряда факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических. В прагматическом плане выбор осуществляется в соответствии с коммуникативной ситуацией, нормами речевого общения, характером межличностных отношений участников дискурса.

Высота тона голоса, скорость и длительность речи зачастую расцениваются адресатом как неуместные. Так, в испанской коммуникативной культуре именно высокий тон голоса часто интерпретируется как неуместный, несоответствующий коммуникативной ситуации. Ср.: *¡Qué te calles, mamá, no chilles, que me rompes los tímpanos! ¿Lo ves como tengo razón y eres una histérica?* (J. Sierra i Fabra). В данном случае адресат побуждает своего собеседника к выбору иных фонационных средств. В приведенном примере ответная реакция собеседника указывает на то, что повышенный тон голоса здесь является неуместным. Именно поэтому адресат настаивает на том, чтобы его собеседник снизил тон голоса.

Громкий голос, если не принимать во внимание его чисто физиологические особенности, является голосом резко обозначенной иерархии, голосом властным и приказным, то есть присущим начальству и власти. Это голос недовольства и раздражения, окрика и призыва. Громкий голос обычно возникает в речи, если есть какая-то преграда в общении, например, плохая слышимость, незнакомый речевой код или психологическая невосприимчивость информации. В этих случаях, пытаясь преодолеть данный барьер, человек начинает говорить громче. При этом если говорящий считает, что слушающий не понимает его «простых» слов или смысла того, что ему говорят, то он обычно раздражается и повышает голос, как если бы собеседник его плохо слышал из-за физических помех. Хотя громкий голос хорошо слышен, его

этическая оценка в условиях нормального диалога, как правило, отрицательная вполне соответствует физическим и психическим особенностям этого голоса. Отсюда понятно, почему именно адресат высказывания расценивает такой голос как неуместный. Ср.: *No chilles, haz el favor, no me levantes la voz, que no soy sorda. Lo hecho, hecho está. Te ha sido, ¿no? Pues adiós, que te vaya bien. Sola, al fin, querido. Al, fin, sola* (A. Grandes)

Именно реакция адресата высказывания, содержащая призыв к тому, чтобы его адресант снизил тон голоса, свидетельствует о том, что данный тон воспринимается им как неуместный.

В качестве языковых средств выражения реактивных реакций со стороны адресата, свидетельствующих о неуместности использования громкого голоса в той или иной ситуации общения, как правило, выступают глаголы речи *gritar, chillar, levantar la voz* и т. п. в отрицательной форме повелительного наклонения.

К числу кинесических средств, которые зачастую расцениваются носителями испанской культуры как неуместные относятся в первую очередь (на нашем материале): улыбка, выражение глаз и лица.

Лицо – это место симптоматического выражения чувств, внутреннего состояния человека и межличностных отношений. Зачастую в качестве неуместных кинесических средств выступает мимический жест *улыбка*. В лингвистике последних десятилетий накопилось немало работ, посвященных семантике и функциональным характеристикам *улыбки* в тех или иных культурах [2; 5].

В испанской коммуникативной культуре мимический жест *улыбка* является отражением широкого спектра эмоций: *sonrisa desafiante, sonrisa seca, sonrisa burlona, sonrisa del corazón, sonrisa de desahogo, sonrisa triste, sonrisa de bobo, sonrisa ausente, sonrisa dulce, sonrisa cortés, sonrisa pacífica, sonrisa maliciosa* и т.д. Ср.: – *Bueno, te has tragado la lengua, ¿o qué? La sonrisa con la que me miraba era el fruto de ese odio, la consecuencia de una pasión feroz que tal vez ellos no habrían temido, pero que a mí me asustó cuando la vi en sus ojos* (A. Grandes); – *Hay que llamar a los demás – recordó Ana. – Que se esperen – dijo en tono malévolo Tasio. – Lo mismo digo – le respaldó Gaspar. Incluso Ana sonrió con malicia* (J. Sierra i Fabra); – *No te preocupes – dijo Karin con su diabólica sonrisa. – En mi gimnasio también preparan para el parto, sólo tengo que hablar con el director. Así, mientras yo hago mis ejercicios, tú haces los tuyos. Mañana mismo hablo con él* (J. Sierra i Fabra).

Несмотря на то, что в приведенных примерах улыбка свидетельствует о негативных эмоциях ее адресанта, мы не можем утверждать об ее уместности либо неуместности, т. к. в данных примерах отсутствует реакция адресата на данное невербальное средство.

В тоже время наличие реакции собеседника, выраженной, например, в виде вопроса, выражающего определенное недоумение, как правило, свидетельствует о неуместности улыбки. Ср.:

– *Me gusta escucharte – dijo de repente.*

Me gustó el halago. Yo estaba feliz con Julia en aquella cafetería en la que el tiempo parecía no transcurrir. Llevábamos horas hablando y parecía que acabábamos de empezar. De repente me di cuenta de algo que me provocó una sensación de felicidad que se debió de notar.

– *¿Por qué sonrías ahora?*

– *Por nada, cosas mías – respondí, queriendo cambiar de conversación.*

– *No fastidies – soltó en buen tono –, dime lo que estás pensando.*

– *Que hacía mucho tiempo que no me sentía tan bien diciendo la verdad*

(J. del Val). В вышеприведенном примере улыбка вызвала непонимание со стороны собеседника, который просит разъяснения со стороны адресанта улыбки, т. к. считает ее не совсем отвечающей данной ситуации, непонятной для него, а значит, с его точки зрения неуместной. При этом характер коммуникации остается гармоничным. В большинстве случаев, если улыбка непонятна адресату или он чувствует ее неискренность, он расценивает ее как неуместную и конфликтогенный потенциал общения увеличивается. Ср.:

– *Mira, Palmera, tú me has metido en esto, ¿o no? Esta casa me gusta mucho, está muy cerca del tablao y a ti te sobra una habitación.*

– *No me sobra.*

– *Sí te sobra.*

– *Es el trastero.*

– *Pues por eso mismo – le dedicó una **sonrisa triunfal para la que él no encontró ningún fundamento** (M. Rivera de la Cruz). В приведенном примере «улыбка победителя» расценивается собеседником как неуместная, т.к. он не видит основания именно для такой разновидности улыбки. Ср.: *Fuera sólo se había quedado un tipo alemán que parecía español, bajo de estatura y ojos negros. Bostezaba repantigado en un sillón. No parecía interesarle nada. Al verme se sonrió un poco, **no me sonrió a mí sino a sí mismo**. – ¿Te diviertes? – dijo. Le iba a decir que sí, pero le dije que no. – No, estoy cansada (C. Sánchez). Как следует из примера, один из участников общения посчитал неуместным то, что его собеседник улыбнулся.**

В качестве языковых средств, свидетельствующих о неуместности улыбки со стороны адресата улыбки выступают вопросительные предложения, указывающие на то, что ему непонятны причины, вызывающие улыбку адресанта.

Еще к одной достаточно частотной разновидностью мимических средств, которая зачастую (на нашем материале) расценивается партнерами по коммуникации как неуместная, относится *взгляд* собеседника. Результаты анализа фактического материала свидетельствуют о том, что в большинстве случаев в качестве критерия для интерпретации взгляда как неуместного выступают его **качественные** характеристики, в частности, определенные эмоции, как правило, негативные, которые он выражает. Ср.: *No me **miras con reproche** (C. Santos); ¿Por qué me **miras con odio**, qué te hice, no te alegra verme? (C. M. Gaité); ¿Por qué me **miras con tanto descaro**? (J. Navarro); *No me **miras con esos ojos heridos de odio** o, lo que es peor, **de desamparo y resignación** (A. Grandes). В приведенных примерах восприятие взгляда собеседника как неуместного**

со стороны его партнера по коммуникации вербально выражается в виде запрета на этот мимический жест, выраженного императивом, или в виде вопроса о характере взгляда. При этом адресат неуместного взгляда зачастую прибегает к различным сравнениям. Ср.: *No me mires como un ciervo* (А. Pombo); *¿Por qué me miras como si fuera un bicho raro?* (F. Vilanova); – *Aquí no puedes quedarte, Isabella. – Por favor, sólo por esta noche. Mañana buscaré una pensión. Se lo suplico, señor Martín. – No me mires con esos ojos de cordero degollado – amenacé* (С. Ruiz Zafón).

Кроме того, адресат взгляда может и не указывать, какую именно характеристику взгляда он счел неуместной. В данном случае на неуместность будут указывать наречия *así* или наречные словосочетания *de ese modo, de tal modo*, а также словосочетание *esa (esta) cara*. Ср.: *¡Que susto me has dado! ¿Qué haces aquí? A mí no me mires así, que soy tu madre. ¡Que no me mires así!* (F. De las Heras); – *Pues múdate. No, no me mires así, estoy hablando en serio. Elena me dijo que seguías trabajando como ilustradora, y eso es algo que se puede hacer en cualquier parte del mundo. Conozco gente en un par de editoriales italianas, podría conseguirte buenos contactos* (М. Rivera de la Cruz). Зачастую собеседник считает неуместным выражение лица своего партнера по коммуникации, как реакцию на его слова. Ср.: *¿Por qué pones esa cara? En Sol, cerca de aquí, y sin cansarte... ¿No te conviene?* (М. Rivera de la Cruz).

Направление взгляда также зачастую выступает основанием для его интерпретации как неуместного со стороны его адресата, ср.: *¿Por qué me miras la boca cuando me hablas?* (А. Pombo); *¿Por qué me miras los pies?* (С. Nestares); – *¿De qué habla? – Conozco sus crímenes y sus motivos. Los celos hacia su hermano por el desprecio de su padre. Conozco su oscuridad y su veneno. – Usted está delirando. – No me mire a los ojos* (Р. Sedlinsky). В приведенных примерах адресат взгляда считает неуместным направление взгляда, сосредоточенного на определенной части лица и тела. Ср.: *Se saludaron con cortesía, Toussaint le informó de la ausencia de Philippe con abundantes explicaciones que nadie le había pedido, y cuando entró en el vestuario, vio a través del espejo la mirada de su contrincante clavada en la espalda o posiblemente un poco más abajo. Tan golfa como ella... La boca de Serge Toussaint sonreía de un modo que le dieron ganas de abofetearle* (М. Izaguirre). В приведенном примере непристойный взгляд мужчины, адресованный женщине, а также улыбка, сопровождающая этот взгляд, вызвали негативную реакцию со стороны женщины, которой захотелось в ответ на такое поведение мужчины дать ему пощечину.

Кроме того, в основе восприятия взгляда как неуместного может лежать также и его **количественная** характеристика. Ср.: – *¿Por qué me mira tanto?* (А. Grandes). Ср.: *¿Por qué me miras tanto en la clase?* (А. Pombo). В приведенных примерах адресат взгляда считает неуместной продолжительность взгляда, о чем он и сообщает своему собеседнику.

В качестве языковых средств выражения реактивных реакций со стороны адресата, свидетельствующих о неуместности использования взгляда в той или иной ситуации общения, как правило, выступает чаще всего глагол *mirar* в отрицательной форме повелительного наклонения в сопровождении сравнительных оборотов, прилагательного *tanto*, наречия *así* и др.

Таким образом, в ходе проведенного исследования было установлено, что к числу невербальных средств, употребление которых зачастую интерпретируется как неуместное, относятся в первую очередь высота тона голоса, мимические жесты, а также взгляд собеседника. Реактивная реакция партнера по коммуникации, указывающая на неуместность того или иного невербального средства, как правило, выражается в виде запрета на его использование или в виде вопроса о причинах и целях его использования.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стернин И. А. Улыбка в русском коммуникативном поведении // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2000. С. 53–61.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009. 406 с.
4. Шевченко Т. И. Социофонетика. Национальная и социальная идентичность в английском произношении. М. : URSS, 2014. 222 с.
5. Головин Б. Н. Основы культуры речи. 2-е изд. М. : Высш. шк., 1988. 320 с.

УДК 811.134.2'272'373.49

Ксения Валерьевна Якушкина,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры романской филологии
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
k.yakushkina@spbu.ru

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОЙ ТЕГИЗАЦИИ В АКТУАЛЬНОЙ ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются особенности политкорректного перекодирования гендерно маркированных высказываний на материале испанского языка. Актуальность проводимого исследования продиктована современными культурно-поведенческими тенденциями, представляющими пересмотреть привычные языковые нормы с позиции прагматической нейтрализации. Особое внимание уделяется поликодовому характеру анализируемых текстов, обуславливающему необходимость привлечения комплексного междисциплинарного подхода с опорой на данные смежных наук.

Ключевые слова: политическая корректность; эвфемия; вежливость; гендер; коммуникация; прагматика; испанский язык.

Kseniia Iakushkina,
Ph.D. (Linguistics), Associate Professor of the
Department of Romance Philology,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ON THE PROBLEM OF GENDER TAGING IN ACTUAL SPANISH COMMUNICATION

The article deals with the special aspects of politically correct reformulating of gender-marked statements on the material of the Spanish language. The relevance of the study is due to modern cultural and behavioral trends that induce us to reconsider the usual language norms

from a perspective of pragmatic neutralization. Particular attention is paid to the polycode nature of the analyzed texts, which necessitates a comprehensive interdisciplinary approach based on data from related sciences.

Key words: political correctness; Euphemia; politeness; gender; communication; pragmatics; Spanish language.

Целью настоящего исследования, по сути, является попытка проанализировать, как именно язык не только отражает быстро изменяющуюся картину мира, но и непосредственным образом участвует в ее постоянной реконструкции. В связи с этим можно обозначить две основных коммуникативных функции, которые, с одной стороны, выступают как антагонисты, а с другой, взаимодополняют друг друга: 1) информирования и 2) воздействия. Многие исследователи сходятся во мнении, что сегодня очень редко можно наблюдать использование языковых единиц для описания явлений действительности исключительно с фактологического ракурса. Любая нейтральная или констатирующая номинация в зависимости от контекста употребления может обернуться своеобразным «триггером» или обнаружить определенную интенциональную силу. Можно сказать, что предпосылки к манипуляции заложены в самой языковой системе, поскольку существуют такие явления, как эврисемия и полисемия, синонимия и омонимия, многочисленные риторические фигуры, различные дискурсивные элементы, которые каждый может интерпретировать по-разному. Иными словами, речь идет об аргументативной природе языка [2; 7; 9].

На неоднозначном потенциале языковых единиц строится медийная манипуляция, затрагивающая практически все сферы коммуникации. С помощью регулярно воспроизводимых имиджей, штампов, стереотипов, а также «вирусных» сообщений СМИ принимают непосредственное участие в конструировании картины мира, навязывая новые нормы социального, культурного и лингвистического поведения. Посредством использования соответствующих риторических стратегий формируется та или иная общественно-политическая идеология. Исследование эффектов воздействия СМИ на аудиторию тесным образом взаимосвязано с рассмотрением известных моделей массовой коммуникации: «подкожного впрыскивания» (Гарольд Ласуэлл), «повестки дня» (Agenda setting), «лидеров мнений» (Пол Лазасфельд), «стратегической» коммуникации (Юрген Хабермас), «культивации» (Джордж Гербнер), «общества спектакля» (Ги Дебор) и др. В частности, линейная «пятивопростная» модель *Кто? Что сообщает? По какому каналу? Кому? С каким результатом?* (Гарольд Ласуэлл, 1948), выражает бихевиористский подход к коммуникации как к однонаправленному управленческому процессу, заключающемуся в оказании воздействия коммуникатором на получателя, который выступает объектом, реагирующим на информацию, полученную разными способами, в том числе с применением технологий. Таким образом, основным направлением данных научных гипотез, комментирующих ключевые законы построения медиареальности, также является акцентирование внимания не столько на передаче информации, сколько на осуществлении влияния [3].

Именно поэтому, говоря о методологии, следует подчеркнуть особую актуальность исследований, осуществляемых в русле лингвистической прагматики, – направления, занимающегося рассмотрением факторов, обеспечивающих эффективное использование языка для достижения своих целей. Кроме того, данные обстоятельства обуславливают необходимость применения комплексного междисциплинарного подхода, при котором языковые феномены подвергаются всестороннему рассмотрению с позиции не только сугубо лингвистической, но и посредством привлечения результатов смежных наук, а также с учетом факторов, способствующих креолизации высказывания [1].

Таким образом, выбор темы исследования продиктован неугасающим интересом к различным аспектам **политкорректности**, которая в самом общем виде может рассматриваться как особая коммуникативно-поведенческая категория, обладающая своей исторической, социальной, психологической и лингвистической спецификой (подробнее см. [6]). «Политическая корректность, несомненно, обладает специфическим содержанием: идеологической и ментальной установкой на преодоление межнациональных, межкультурных, межэтнических противоречий и конфликтов и, в то же время, находит языковую реализацию, проявляющуюся в выборе особых разноуровневых языковых средств и корректировке языкового кода» [4, с. 18]. В этой связи материалом для анализа послужило функционирование лингвистических инструментов, связанных с выражением гендерной самоидентификации и реализацией политики антисексизма, проблемой «визибилизации» женщин и равноправной репрезентации всех гендеров.

Новая коммуникативная потребность спровоцировала появление различных «политкорректных руководств» по применению «инклюзивного / нейтрального языка» и рекомендаций по построению текстов антисексистского содержания, а также контентного «апгрейда» рекламной политики, с целью продвижения альтернативных «противодискриминационных» имиджей и продуктов и пропаганды постулатов «гендерно-нейтральной» коммуникации в различных дискурсивных сферах («Guía de comunicación no sexista / incluyente / inclusiva / igualitaria / no discriminatoria / políticamente correcta / alternativa, etc.») [10]. В них можно найти примеры корректного использования коммуникативных маркеров, а также модели актуальных гендерных образов и наглядные иллюстрации относительно того, как «уравновесить» их социальные и эстетические роли. Так, на Рис. 1-2 представлены изображения с дидактическим смыслом (может использоваться как социальная реклама):

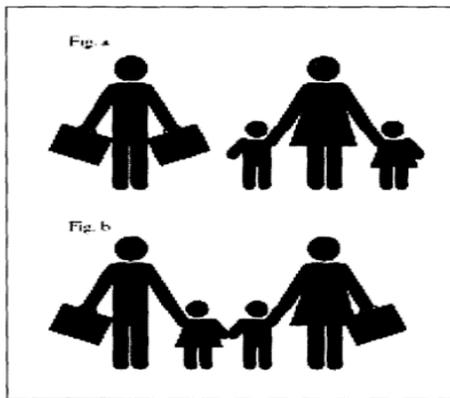

Imagen con reparto desigual de funciones (a) y de reparto igualitario de funciones (b) (extraída de <http://basseta2007.blogspot.com>).

Рис. 1

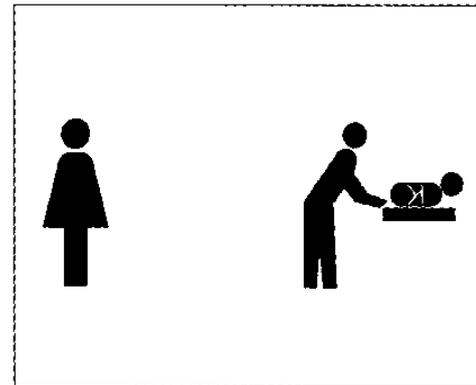

Imagen de vinculación del hombre en el cuidado de los hijos.

Рис. 2

Ср. «традиционную» маркетинговую дифференциацию («гендерный маркетинг») на Рис. 3. Для гендерно-ориентированных продуктов характерны определенные визуальные коды – «женские» продукты часто представлены в более мягких пастельных тонах (изящный шрифт, мягкие формы), в то время как «мужские» – в более холодных и темных цветах (четкий шрифт и ощущение динамики). Здесь можно говорить о так называемом «эффекте ореола», связанном с формированием предвзятого субъективного отношения на основании общепринятых, в основном, поверхностных, представлений о продукте, которые мешают его объективному восприятию. Данный эффект усиливается благодаря вовлечению в маркетинговый процесс гендерных «доминант» – лидеров мнения / авторитетов (актеры, спортсмены), знаменитостей / «посланников элегантности», с которыми покупатель может себя идентифицировать. Взаимодействие вербального и иконического компонентов способствует формированию психологического эффекта доверия и автоматического реагирования. На Рис. 4 представлен пример рекламных имиджей, иллюстрирующих процесс нейтрализации гендерной маркированности и равноправного распределения ролей (образ «донжуана» → образ «женщины-обольстительницы»):

Рис.3

Рис.4

Рис. 5

Очевидно, что в последние годы мир переживает расцвет принятия разнообразия индивидуальностей и свободы самоопределения. Появляются бренды, которые не только пересматривают сформировавшиеся гендерные роли (смещение гендерных ролей), но и расширяют аудиторию за счёт другого пола (Рис.5): *Bancolombia: Es el momento de las nuevas familias. Es el momento de todos* 'Настало время для новых семей. Для всех [и каждого]'. Кроме того, на рынке все чаще появляются бренды без ярко выраженной гендерной принадлежности и гендерно-нейтральные продукты (использование заимствований / нейминг): *Más allá de lo femenino y masculino: moda neutra, unisex o genderless* 'Не женская и не мужская мода: нейтральная, унисекс или внегендерная' [11].

Что касается лингвистического аспекта, то грамматически правильное обобщение по мужскому роду (*masculino genérico*) не всегда оказывается прагматически корректным: **queridos amigos* 'дорогие друзья'. Чтобы минимизировать возможное недовольство со стороны собеседников (и собеседниц), можно продублировать один из элементов в обоих родах (*queridos amigos* и *amigas* 'дорогие друзья и подруги'; *Queremos una España en la que cabemos todos y todas, que mira al futuro* (PSOE) 'Мы хотим жить в Испании, в которой найдется место для каждого и каждой, в которой мы вместе будем строить наше будущее'). На письме эта проблема также легко разрешается графическими способами: *todos/as, tod@s, todxs, todes* 'все [каждый/каждая]' (ср. фр. *ami.e.s* 'друзья [и подруги]', *député.es* 'депутаты [и депутатки]'; ср. добавление феминитивов в рус.: *студент_ка, читаль_ница*). Наиболее эффективным способом политкорректного перекодирования можно считать формулы инклюзивного типа, которые отличаются отсутствием маркированности по роду (*formas invariables*). К ним можно отнести не соотносимые ни с одним из родов элементы: существительные / прилагательные одного окончания, пассивные и неопределенно-личные структуры, а также эллипсис «нежелательных» компонентов: **mis compañeros son muy listos* → *mis colegas son muy inteligentes* 'мои коллеги очень умные'; **todos hemos sido avisados* → *se nos ha avisado* 'нас предупредили'; **Atención, señores viajeros* → *Atención, si su viaje... / Si va a viajar...* 'Внимание всем пассажирам [и пассажиркам] → Внимание, если вы...' [12]. Вместе с тем, сегодня в мире набирает обороты противоположная тенденция, осуждающая использование гендерно-нейтральных слов, поскольку, во-первых, они укрепляют статус английского языка как доминирующего в мире, во-вторых, лишь расшатывают нормы родного языка, вредят его усвоению и пониманию, выглядят неестественно и некрасиво (ср. «новояз» Оруэлла), в третьих, с запоминанием новых, постоянно переписываемых правил могут возникнуть трудности как у учеников в школах, так и у всех остальных членов общества.

Часто языковым нормам противоречит и тенденция к употреблению феминитивов (*miembro-miembra* 'член, членка', *Ustedas* 'Вы [обращение к женщинам]', *homicidio-femicidio* 'убийство [женщины-мужчины]'; ср. англ. *history* → *herstory* 'история [его/ее]'; *hero* → *shero* 'герой, героиня'; рус. *членка, блогерка, авторка; отчество-матчество*). Однако рекомендаций

аналогичным образом изменить гендер у других слов одного окончания (*género epísceno*) **persona/o* ‘лицо, человек’, **víctima/o* ‘жертва’ или (*género común*) **periodista/o* ‘журналист/ка’, **colega/o* ‘коллега’, **cosmonauta/o* ‘космонавт/ка’ пока не зафиксировано. [5; 10, p. 51-76]. При этом очевидно, что феминитивы существовали в языках всегда. Однако в последнее время они стали создаваться и насаждаться искусственно, поэтому данная тенденция скорее воспринимается как еще одна раздражающая крайность, а не восполнение недостатка равенства.

В список лингвистических противоречий можно также внести «женский мачизм» («*machismo femenino*»), когда предпочитается обозначение женской профессии существительным по мужскому / обобщающему роду (*la presidente* ‘президент’, *la coronel* ‘полковник’, *la poeta* ‘поэт’), хотя словарь предлагает соответствующие формы женского рода (*la presidenta*, *la coronela*, *la poetisa*). Эта тенденция возникла по причине ассоциации со значением «жена/супруга», которое подчеркивает зависимое положение женщин. Вместе с тем, случаи совпадения наименований женских профессий с неодушевленными существительными (науки, инструменты, предметы) не считаются оскорбительными: *la música* ‘музыка, музыкант’, *la física* ‘физика, физик’, *la guía* ‘путеводитель, гид’ [8].

В заключение следует подчеркнуть, что, будучи изначально маркерами некофликтной стратегии («седативной» – термин наш. – К. Я.), призванной гармонизации межличностных отношений, вышеперечисленные единицы коммуникации могут привести к прямо противоположному результату, спровоцировать агрессию и стать причиной срыва коммуникативного сотрудничества. Анализ приведенных примеров как гендерно нейтральных или особым образом тегизированных подтверждает важность дополнительного прагматического осмысления актуальных лингвомедийных процессов и более комплексного рассмотрения вопросов, связанных с грамотным отбором и комбинированием языковых и креолизованных коммуникативных маркеров.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М. : Академия, 2003. 128 с.
2. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск, 1998. С. 88–125.
3. Лассуэлл Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне. М. : ИНИОН РАН, 2021. 237 с.
4. Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.20. Тюмень, 2004. 24 с.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.
6. Якушкина К. В. Политкорректность или псевдовежливость? К вопросу об амбивалентности понятия (на материале испанского языка) // Древняя и Новая Романия / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2015. Вып. 15. С. 337–358.
7. Anscombre J. C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue. Bruxelles : Mardaga, 1983. 184 p.

8. Diccionario de la Lengua Española (DRAE) [Electronic resource]. URL: <https://dle.rae.es/> (accessed: 12.01.2022).

9. Fuentes Rodríguez C., Alcaide Lara E. R. La argumentación lingüística y sus medios de expresión. Madrid : ArcoLibros, 2007. 87 p.

10. Guía de comunicación no sexista / coord. Antonio Briz Gómez. Madrid : Instituto Cervantes, Aguilar, 2011.

11. Hurtado de Mendoza M. Moda neutra o 'genderless': la celebración del diseño sin definición [Electronic resource]. URL: <https://www.vogue.es/moda/tendencias/articulos/tendencia-genero-neutro-genderless-moda-unisex/22643> (accessed: 25.02.2022).

12. Los aeropuertos españoles dejarán de hablar solo a los "señores viajeros" y emitirán mensajes inclusivos [Electronic resource]. URL: <https://www.20minutos.es/noticia/3576678/0/aeropuertos-lenguaje-inclusivo/> (accessed: 23.02.2022).

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 378.147:(811.124+811.133.1)

Лариса Евгеньевна Ильина,
кандидат педагогических наук, доцент
Оренбургский государственный университет, факультет филологии,
кафедра романской филологии и методики преподавания французского языка
Оренбург, Россия
nerol2620@mail.ru

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ КУРС «ЛАТИНСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ» ДЛЯ БАКАЛАВРОВ

В статье рассматривается возможность преподавания латинского и французского языков в рамках интегрированного курса для бакалавров лингвистики. Автор указывает на преимущества интегрированного обучения, выявляет связь латинского с современными романскими языками и влияние латинского языка на развитие европейской культуры в целом. Автор приводит правила чтения латинского и французского языков, особенности образования, употребления и перевода синтаксического оборота латинского языка *Accusativus cum infinitivo* и французских инфинитивных предложений, правил согласования времен, которые демонстрируют взаимосвязь языков как основу интеграции.

Ключевые слова: интегрированный курс, французский язык, латинский язык, интегрированное обучение, бакалавриат.

Larisa E. Ilina,
candidate of pedagogical sciences, associate professor
Orenburg State University, Faculty of Philology,
Romance Philology and Methods of French Language Teaching Department
Orenburg, Russia

INTEGRATED COURSE "LATIN AND FRENCH" FOR BACHELORS

The article considers the possibility of teaching Latin and French as part of an integrated course for bachelors of linguistics. The author points out the advantages of integrated learning, reveals the connection between Latin and modern Romance languages and the influence of the Latin language on the development of European culture as a whole. The author gives the rules for reading Latin and French, the features of the formation, use and translation of the syntactic turnover of the Latin language *Accusativus cum infinitivo* and French infinitive sentences, the rules for coordinating tenses, which demonstrate the relationship of languages as the basis of integration.

Key words: integrated course, French, Latin, integrated education, bachelor's degree.

В системе университетского образования происходят процессы совершенствования его организации, обновления структуры и содержания учебных планов и программ. Усиливаются тенденции к формированию открытого образования, развиваются новые формы и технологии обучения, базирующиеся на признании множественности источников и способов постижения знаний и культуры.

Цель исследования: обосновать возможность интеграция содержания нескольких учебных дисциплин в один учебный курс.

Материал исследования: содержание учебных дисциплин «Древние языки и культуры (латинский язык)», Практический курс первого иностранного языка (французского), теоретические положения по организации интегрированных курсов.

Методы исследования: анализ и синтез научной литературы по проблеме исследования, сравнительно-сопоставительный метод, метод моделирования, метод абстрагирования.

Основные результаты и выводы исследования: Организации аудиторной и самостоятельной внеаудиторной работы студентов, обучающихся по программам бакалавриата, требует применения учебных материалов, которые можно варьировать по степени сложности, объему, учитывая при этом уровень подготовки студентов. Для формирования конкурентоспособной личности в образовательном процессе требуются эффективные ресурсы.

Интеграция (лат. *integer* – цельный, ненарушенный) – процесс или действие, результатом которого является восстановление единства, целостность; объединение, воссоединение; в философии Г. Спенсера интеграция означает превращение распыленного незаметного состояния в концентрированное, видимое.

Интеграция в организации обучения рассматривается в трудах Г. Ф. Федорец и С. М. Гапеенкова. В работах В. В. Краевского, Н. Ф. Талызиной изучены вопросы интеграции педагогики с другими науками. Г. Д. Глейзер и В. С. Леднёв обратили внимание на возможность интеграции в содержании образования. Исследования Л. И. Новиковой и В. А. Каракковского посвящены проблемам интеграции воспитательных воздействий на обучающихся [1].

Характеризуя интегрированные курсы, следует отметить их преимущества: за определенный временной промежуток обучаемые получают необходимую учебную информацию по основному и по ряду смежных дисциплин; повышается мотивация и интерес к предмету; снижается утомляемости за счет переключения внимания и использования нетрадиционных методов и средств обучения; развиваются память, внимание, логическое мышление, творческие способности, умение находить нужную информацию [2, с. 296].

Интегрированный курс дает возможность согласовать содержание образования по различным учебным предметам, объединить в одном учебном предмете знания из определенных областей. Интеграция способствует формированию обобщенной картины мира, а также систематизации знаний и приобретенных умений [3].

Слабым звеном интегрированных учебных курсов является их эклектичность. Однако, мы в своем исследовании, опираясь на этимологию понятия (др.-греч. *ἐκλεκτός* – избранный, отборный) рассматриваем эклектичность как способ построения учебного курса путём продуманного сочетания тщательно отобранных блоков учебных дисциплин с целью повышения качества знаний и формирования необходимых компетенций [4].

При изучении курса «Древние языки и культуры (латинский язык)» студентами направления подготовки 45.03.02 *Лингвистика* важное значение имеет знакомство с античным наследием и системой языка. Связь латинского языка со всеми современными европейскими обусловлена процессом исторического развития. Однако в современных английском и немецком языках влияние латинского языка менее заметно, чем во французском, итальянском, испанском языках.

Во времена Римской империи большинство поселений германских племен оставалось независимыми от Рима, хотя поселения, находившиеся на юго-западе, входили в состав империи. Влияние латинского языка на германские языки происходило в период христианизации германских земель, ввиду того, что введение новой религии предполагало использование новых христианских терминов.

Однако германцы не переносили латинские слова, а образовывали из них новые собственные слова с помощью германских словообразовательных элементов на основе понимания происхождения исходного термина. Например, латинское *com-mūnio* 1) ‘общность, соучастие’ 2) ‘церковная общность, единение’ в древневерхненемецком имело вид *gi-meini-da*, в современном немецком – *Gemeinde* – низшая административная единица государства; совокупность жителей муниципального образования. Латинское слово *ex-surgere* ‘вставать, подниматься, возвышаться’ в древневерхненемецком имело вид – *ūf-stān* (в современном немецком – *aufstehen* ‘вставать, подниматься’).

Ряд слов, заимствованных из латинского языка претерпевали морфологические и орфографические изменения: *claustrum* – в классической латыни ‘запор, засов’, в народной – ‘монастырь’, в древневерхненемецком *klōstar*, в современном немецком – *Kloster*, в современном английском *close* ‘закрытый’; *monachus* в классической латыни ‘монах’, в народной *monicus*, в древневерхненемецком *munih*, в современном немецком – *Mönch*, в современном английском *monk* ‘монах’, *monastic* ‘монастырский’.

Корни английского языка находятся в языках германских народов Северной Европы. Языки, на которых говорили германские народы, изначально поселившиеся в Великобритании, входили в состав западно-германской ветви германской языковой семьи. Они состояли из диалектов ингвеонской группы языков. Именем ингвеонов в лингвистических исследованиях обычно называют носителей части западногерманских языков (англского, сакского и фризского), для которых характерны особенности языкового строя, отличающие их от других диалектных групп старогерманского языка.

Сопоставление основных частей речи (существительных и глаголов) латинского языка с современными европейскими языками даже для начинающего лингвиста служит показателем сложных процессов, произошедших в языках (таблица 1).

Таблица 1 – Сопоставление некоторых существительных и глаголов в латинском и европейских языках

	латинский	английский	немецкий	французский	испанский
дорога	<i>via</i>	<i>road way</i>	<i>Weg Straße Bahn</i>	<i>chemin route voie</i>	<i>camino ruta vía</i>
улица	<i>strata</i>	<i>street</i>	<i>Straße</i>	<i>rue</i>	<i>calle</i>
земля	<i>terra</i>	<i>earth</i>	<i>Erde</i>	<i>terre</i>	<i>tierra</i>
вода	<i>aqua</i>	<i>water</i>	<i>Wasser</i>	<i>eau</i>	<i>agua</i>
быть	<i>esse</i>	<i>be</i>	<i>sein</i>	<i>être</i>	<i>ser estar</i>
иметь	<i>habēre</i>	<i>have, possess</i>	<i>haben</i>	<i>avoir</i>	<i>haber tener poseer</i>
вспомогательные глаголы	<i>esse</i>	<i>be, have</i>	<i>sein haben</i>	<i>être avoir</i>	<i>ser estar haber</i>

Для студентов, изучающих французский язык как первый или второй иностранный интегрированный курс «Латинский язык и французский языки» позволит реализовать более тесное знакомство с языковыми явлениями, унаследованными современным французским языком из латыни.

Интеграция начинается уже при изучении правил чтения латинского языка.

Таблица 2 – Сопоставление правил чтения латинского и французского языков

Латинский язык	Французский язык
<p>Сс читается: [ts] перед <i>e, i, y, ae, oe</i> <i>Cerberus, Cicero, medicina, Cyprus, Caesar, Coemeterium</i></p> <p>в остальных случаях, т. е. перед <i>a, o, u</i>, перед всеми согласными и на конце слова - [к]: <i>Calabria, columna, compactus, cultura, medicus, doctor, ecce, tunc</i></p>	<p>Сс читается : [s] перед <i>e, i, y</i>. <i>la place, la cité, la cérémonie</i></p> <p>в остальных случаях, т. е. перед <i>a, o, u</i>, перед всеми согласными и на конце слова с читается - [к]: <i>la carte, la commode, la cravate, le cours, comment, avec</i></p>
<p>Слог <i>ti</i> перед следующей гласной произносится как [tsi]: <i>oratio, rebutia</i></p> <p><i>ti</i> произносится как [ti]: , если перед <i>ti</i> находится <i>s, t</i> или <i>x</i>: <i>mixtio, ostium, Atticus.</i></p>	<p><i>t</i> в группе <i>ti</i> + гласный читается [s]: <i>national, la démocratie, actionner</i></p> <p>если группе <i>ti</i> + гласный предшествует буква <i>s</i>, то <i>ti</i> всегда читается [ti]: <i>le vestiaire [lə-ves- 'tjɛ:r].</i></p>

Следы особого синтаксического оборота латинского языка *Accusativus cum infinitivo*, который представляет собой сложное дополнение к управляющему глаголу, легко обнаруживается во французском инфинитивном придаточном предложении (*Subordonnée infinitive*). Данные конструкции в обоих языках переводятся на русский язык сложноподчиненным предложением (таблица 3).

Таблица 3 – Сопоставление оборота *Accusativus cum infinitivo* и французской инфинитивной конструкции

Латинский язык	Французский язык
<p>Оборот <i>Accusativus cum infinitivo</i> ставится после глаголов (эти глаголы называют «управляющими») со значением:</p> <p>говорить: <i>dicere, tradere, docere, respondere</i>;</p> <p>приказывать: <i>jubere, vetare, sinere</i>;</p> <p>думать: <i>putare, censere, cogitare, credere, sperare, scire</i>;</p> <p>воспринимать чувствами: <i>sentire, videre, audire</i>;</p> <p>желать: <i>cupere, velle</i>;</p> <p>после безличных выражений и глаголов: <i>fama est, notum est, constat, oportet</i>.</p> <p><i>Scio discipulum in scholam venire.</i> ‘Я знаю, что ученик приходит в школу’.</p> <p><i>Solo non putat Croesum felicem esse.</i> ‘Солон не думает, что Крез счастлив’.</p> <p><i>Tullia dicit Iuliam bonam amicam esse.</i> ‘Туллия говорит, что Юлия хорошая подруга’.</p>	<p>Французская инфинитивная конструкция может заменять придаточное изъяснительное предложение, сказуемым главного предложения должен быть один из глаголов:</p> <p>речи: <i>dire, déclarer, affirmer, prétendre, assurer, proclamer, raconter, avouer, reconnaître, nier</i>;</p> <p>мышления: <i>penser, croire, supposer, se figurer, s’imaginer, se rappeler, se souvenir (de)</i>;</p> <p>суждения: <i>douter (de), être sûr (de), sembler, paraître, faire mine (de)</i>;</p> <p>чувства, субъективной оценки: <i>se réjouir (de), regretter (de), en vouloir (de), se plaindre (de), être désolé (de)</i>;</p> <p>слова: <i>voici, voilà</i>;</p> <p>глаголы: <i>laisser, envoyer</i></p> <p><i>Il écoute les oiseaux chanter.</i> ‘Он слушает, как поют птицы.’</p> <p><i>L’enfant s’est arrêté ; je le vois pleurer au bord de la route.</i> ‘Ребенок остановился, я видел, что он плачет на обочине дороги’.</p> <p><i>Je n’ai jamais vu ma mère se fâcher.</i> ‘Я никогда не видел, чтобы мама сердилась’</p>

В латинском обороте *Accusativus cum infinitivo* логическим подлежащим называется существительное, субстантивированное прилагательное, местоимение, которое не является подлежащим придаточного предложения, но по значению представляет собой субъект действия оборота. Логическим сказуемым называется неличная форма глагола, которая является предикатом оборота.

Инфинитивное придаточное предложение во французском языке – это конструкция, состоящая из неопределенной формы глаголы, которая является сложным дополнением к сказуемому главного предложения, выражающему определенными глаголами [5].

Правило согласования времен и наклонений, существовавшее в латинском языке, претерпело во французской грамматике некоторые изменения, однако тесная грамматическая связь между управляющим и зависимым (главным и придаточным) предложениями во французском языке осталась в виде определенных комбинаций глагольных времен для выражения действия придаточного предложения по отношению к действию главного предложения. Решающую роль в определении комбинаций играет грамматическое время главного предложения.

В латинском языке в управляющем предложении может употребляться одно из главных (*Praesens*, *Futurum I*, *Futurum II*) или исторических времен (*Imperfectum*, *Perfectum*, *Plusquamperfectum*). Во французском языке соблюдается последовательность времен (*Concordance des temps*) как для индикатива/, как и для конъюнктива (французский *subjonctif*) [6].

Аналогичные сопоставления обнаруживаются практически во всех разделах фонетики, морфологии и синтаксиса.

Сопоставление спряжения глаголов в настоящем времени латинского и французского языков также позволяет выявить ряд закономерностей и будет способствовать осознанному запоминанию глагольных форм.

Образование числительного ‘двадцать’ *viginti* в латинском, *vingt* во французском отличается от числительного ‘тридцать’ *triginta*, *trente*, ввиду того, что в латыни доклассического периода числительное *viginti* склонялось по правилу двойственного числа.

Перспективы исследования:

Таким образом, понятие интеграции призвано дать знание метода организации дидактического процесса в интегрированной системе.

С учетом требований к уровню владения студентами современными коммуникационными технологиями, интегрированный курс способствует развитию надпредметных умений: умения работать со справочной литературой (в электронном формате в он-лайн режиме), умения находить современное значение слова через его этимологию и умения проследить процесс изменения значения слова, при переходе из одного языка в другой или с течением времени, а также находить в языке слова и их производные, оставленные различными фактами и событиями.

Интегративный подход к изучению латинского языка и современных романских языков позволяет усилить научную составляющую обучения уже на первом курсе бакалавриата, так как, сопоставляя языковые явления, обучаемые получают представление об универсальности любого языка для выражения коммуникативных потребностей человека.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Леднёв В. С. Научное образование: развитие способностей к научному творчеству. М. : МГАУ, 2002. 120 с.
2. Ильина Л. Е. Методика активного слушания как средство формирования грамотности чтения на иностранном языке // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 296.

3. Педагогика и психология высшей школы : учеб. пособие / под. ред. М. В. Булановой-Топорковой. Ростов н/Д : Феникс, 2002. 544 с.

4. Челноков В. А. Принципы опережающего обучения [Электронный ресурс] // Профессиональное образование. 2006. № 6. С. 18–19. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13013139>.

5. Espace francais : le site de référence sur le français [Electronic resource]. URL: <https://www.espacefrancais.com>.

6. Латинский язык : учеб. для пед. ин-тов / В. Н. Ярхо, Н. Л. Кацман, И. А. Лившиц, В. Д. Савукова. М. : Владос, 2015. 354 с.

УДК 371.3:811

Лариса Евгеньевна Ильина,
кандидат педагогических наук, доцент
Оренбургский государственный университет, факультет филологии,
кафедра романской филологии и методики преподавания французского языка
nerol2620@mail.ru

Евгения Александровна Шигаева,
магистрант

РАБОТА С ПОСТФОЛЬКЛОРНЫМИ ТЕКСТАМИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматриваются постфольклорные произведения в качестве инструмента изучения иностранного языка. Являясь частью современной культуры, постфольклор способствует развитию как языковых, так и социокультурных навыков обучающихся, стимулирует повышение мотивации и интересов. Постфольклорные произведения выражают быт современных носителей иноязычной культуры, расширяют кругозор обучающихся, что позволяет использовать их в образовательном процессе.

Ключевые слова: постфольклор, постфольклорные тексты, обучение иностранному языку, нетклор.

Larisa E. Ilina,
candidate of pedagogical sciences, associate professor
Orenburg State University, Faculty of Philology, Romance Philology and Methods
of French Language Teaching Department

Evgenya A. Shigaeva,
master`s student

WORKING WITH MODERN FOLKLORE TEXTS IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES

The article deals with modern-folklore as a tool for learning a foreign language. Being a part of modern culture, modern-folklore promotes the development of both linguistic and socio-cultural skills of students, stimulates motivation and interest increase. Modern-folklore works express the life of foreign language culture modern speakers, broaden the students outlook, which is effective for usage in the educational process.

Key words: modern-folklore, modern-folklore texts, foreign language teaching, netlore.

Процесс развития общества, с точки зрения культуры, принято делить на два этапа: бесписьменный и письменный. Однако невозможно отрицать факт наличия творчества в оба этих периода, потому что не каждое произведение требует записи, довольно обширный пласт культуры передается из поколения в поколение устной форме. Но с течением времени все произведения начинают сохраняться в виде записей. Современные исследователи продолжают изучать произведения, появившиеся века назад, их принципы, отличительные черты и особенности. Таким образом, появилась отдельная группа произведений, которая была названа фольклором.

В современной науке фольклор – это устное народное коллективное творчество, которое отражает жизнь, ценностные и мировоззренческие ориентиры, идеалы и принципы какого-либо народа. Фольклор также называют народнопоэтическим творчеством, что указывает на явные отличия фольклора от верований, обычаев и обрядов.

Обобщая различные точки зрения, В. Е. Гусев говорит о существовании трех концепций, согласно которым фольклор является:

- устно-поэтическим творчеством;
- единством словесных, музыкальных, игровых, драматических и хореографических видов народного творчества;
- народной художественной культурой в целом (которая также включает изобразительное и декоративно-прикладное искусство) [1].

Постфольклор представляет собой особый тип словесности, тексты которого хотя и существуют в рамках фольклорных правил, но не могут таковыми называться. В первую очередь, в данный термин включаются такие письменные произведения как современный городской фольклор, граффити, альбомы, а также нетклор (сетевой фольклор).

Первым исследователем, который ввел термин *постфольклор* в научную лингвистическую среду, был С. Ю. Неклюдов. По его мнению, постфольклор представляет собой так называемую третью культуру, которая дистанцирована и от культуры элитарной, и от патриархальной сельской, некое промежуточное состояние, соединяющие в себе признаки и формы двух других [3].

Понятие постфольклора довольно широкое, оно включает в себя анекдоты, городские мифы и легенды, детские стишки, страшилки, садистские стишки, нетклор, уличные граффити, современные колыбельные и т. п. При этом нетклор также имеет множество ответвлений. Среди них выделяют *пирожки* (стихотворения, состоящие их четырех строк, написанные без знаков препинания, строчными буквами), депресняшки (стихотворения, написанные трёхстопным хореем, где вторая и четвертая строки рифмуются, а знаки препинания и заглавные буквы отсутствуют).

Естественно, постфольклор составляет важную часть иноязычной культуры. В процессе обучения иностранному языку обучающиеся узнают лингвокультурные аспекты, что расширяет возможности использования постфольклорных текстов на занятиях.

Постфольклор в процессе обучения иностранному языку может быть использован как средство повышения мотивации или вспомогательный инструмент в процессе формирования и развития языковых умений и навыков.

Как и любой иной материал, постфольклорные тексты на занятии иностранного языка реализуются посредством следующих этапов: постановка целей и задач, отбор материала, определение метода работы и включение его в процесс обучения.

При подборе постфольклорного материала для работы на занятии по иностранному языку необходимо учитывать следующие требования:

- материал должен соответствовать уровню обучающихся и быть доступным (важно понимать, что постфольклорный материал имеет ряд особенностей и может быть непривычным для обучающихся, поэтому он должен быть использован в адаптированной форме, или языковые трудности должны быть учтены преподавателем при подготовке материала к уроку);

- материал должен соответствовать поставленным целям и задачам конкретного занятия, так и всего процесса обучения иностранному языку в целом;

- материал должен быть эмоционально и информативно насыщенным, может включать изображения [2].

После отбора постфольклорного материала важно рационально внедрить его в занятие. Произведения нетклора могут быть эффективными на мотивационном этапе, потому что они, как правило, довольно краткие, содержат иллюстрации и небольшие пояснения, что, во-первых, привлечет внимание обучающихся, а во-вторых, создаст атмосферу иноязычного общения.

В качестве примера можно рассмотреть один из существующих *memes* ‘мемов’, который имеет следующие варианты названий: *Cat Bread* ‘Кошачий хлеб’, *Kittyloaf* ‘Кошачий рулет’, *Necopan* ‘Некопан’. Данное произведение нетклора представляет собой изображение кота либо в форме батона, либо кота, «опоясанного» хлебом. Появление данного примера постфольклора связано с японским народным творчеством, однако популярность в англоязычном пространстве персонаж получил в 2004 году посредством сети Интернет. Образовательный потенциал данного произведения нетклора раскрывается в сопутствующих этому изображению надписях. В качестве примера можно рассмотреть следующую надпись: *You remember Jesus appearing in your toast was a thing? I totally one-up that!* ‘Вы помните, что появление тостера было чем-то особенным, вроде явления Иисуса? Я полностью с этим согласен’. В сочетании с изображением создается комичный эффект, что позволяет создать непринужденную (но иноязычную) атмосферу на занятии иностранного языка. Помимо этого, данная фраза может способствовать закреплению грамматических навыков. Например, можно предложить обучающимся найти ошибки в построении вопросительного предложения или разобрать правила употребления герундия после глагола *remember* ‘помнить’. С точки зрения развития лексических навыков довольно результативным и полезным будет разбор множества значений существительного *a thing* ‘вещь, нечто особенное и т. п.’ [4, 6].

Схожим примером могут служить разнообразные изображения с подписями, которые носят названия *Forever Alone* 'Навсегда одинок'. Как правило, такие изображения сопровождаются краткими или развернутыми диалогами, небольшими или подробными описаниями жизненных ситуаций, в которых лирический герой остается без пары. Данный феномен приобрел широкую известность и популярность в англоязычном цифровом мире в 2009-2010 годах, однако до сих пор мем набирает популярность накануне Дня Дураков (1 апреля) и Дня Всех Влюбленных (14 февраля) [7].

Основной этап занятия также может быть построен с использованием постфольклорного материала. Разумеется, в таком случае, тексты следует адаптировать или исключить фрагменты, не соответствующие уровню обучающихся или цели занятия. Работа с постфольклорными текстами на занятии включает предтекстовый, текстовый и послетекстовый этапы.

Предтекстовый этап заключается в снятии возможных языковых и социокультурных трудностей для обучающихся. Задания текстового этапа могут варьироваться в зависимости от цели работы с произведением. Например, если обучающиеся развивают навыки поискового чтения, то упражнения могут заключаться в подборе заголовков, установлении истинности высказываний, заполнении пропусков в предложениях и т. п. Послетекстовый этап направлен на контроль понимания и степени освоенности материала. На данном этапе целесообразно отвечать на вопросы по тексту, строить коммуникативные высказывания (диалоги или монологи) с опорой на прочитанное и т. п.

Рассмотрим данные этапы на примере городской легенды о найденном в Нью-Йорке аллигаторе:

Most of us have heard about the alligator that attacked a sewer worker in New York City. The story goes that some child's mother threw a baby alligator that her child had gotten as a present from the grandparents who were vacationing in Florida down the toilet. In the warm, wet sewers of New York City it grew to a length of 15 feet and attacked a sewer worker carrying out routine maintenance work.

'Большинство из нас слышали об аллигаторе, который напал на работника канализации в Нью-Йорке. История гласит, что одна женщина выбросила в унитаз детеныша аллигатора, которого ее ребенок получил в подарок от бабушки и дедушки, отдохнувших во Флориде. В теплой влажной канализации детеныш аллигатора вырос до 15 футов в длину и напал на работника канализации, проводившего там плановые ремонтные работы' [5].

Данная история является примером постфольклорной городской легенды, потому что она звучит достаточно правдоподобно, основана на слухах и подкрепляется разнообразными подробностями.

В качестве предтекстового этапа работы с данной легендой можно предложить обучающимся найти некоторые слова в словаре, объяснить их значение, привести примеры их использования в ином контексте. Можно также предложить упражнения, способствующие расширению страноведческого кругозора учащихся, попросив их рассказать о географическом положении упомянутых городов (Нью-Йорк, Флорида), их особенностях.

Текстовый этап, помимо прочтения легенды, может включать поиск синонимов или антонимов, разбор лексических или грамматических конструкций и т. п.

Послетекстовый этап может заключаться в поиске и представлении дополнительной информации о легенде, что будет также способствовать развитию коммуникативных навыков, поскольку использование англоязычных сайтов стимулирует развитие языковых умений.

Таким образом, структура занятия с использованием постфольклорных текстов не носит значительных отличий, однако повышает интерес обучающихся к изучаемому иностранному языку. Постфольклор в целом является неотъемлемой частью культуры сегодняшних обучающихся, они регулярно сталкиваются с его проявлениями, не зная их названий. Использование подобного материала в образовательном процессе позволяет показать реализацию языковых норм на практике не в изолированном виде (как часто дается учебных пособиях), а в режиме реального времени. Помимо демонстрации актуального языкового содержания, постфольклорные произведения создают непринужденную атмосферу, способствующую повышению эффективности изучения иностранного языка в целом.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гусев В. Е. Русская народная художественная культура (теоретические очерки). СПб., 1993. 112 с.
2. Короткова И. П. Методика формирования лексической компетенции младших школьников посредством английского фольклора [Электронный ресурс] : дис. ... канд. пед. наук : 10.02.04. М., 2012. 189 л. URL: <https://www.dissercat.com/content/metodikaformirovaniya-leksicheskoi-kompetentsii-mladshikh-shkolnikovposredstvom-angliiskog> (дата обращения: 08.03.2022).
3. Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
4. Imgflip [Electronic resource]. URL: <https://imgflip.com/m/cats/tag/cat+bread> (accessed: 07.03.2022).
5. Kirschner P., Van M., Jeroen J. G. Do Learners Really Know Best? Urban Legends in Education // Educational Psychologist. 2013. № 48. P. 169–183.
6. Know Your Meme [Electronic resource]. URL: <https://knowyourmeme.com/memes/catbread-nekopan> (accessed: 07.03.2022).
7. Know Your Meme [Electronic resource]. URL: <https://knowyourmeme.com/memes/forever-alone> (accessed: 07.03.2022).

УДК 378.147:811'23

Елена Сергеевна Краус,
кандидат психологических наук, доцент
кафедры фонетики и грамматики испанского языка,
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь
lisa_85@tut.by

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СФОРМИРОВАННОСТИ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблеме речемыслительного процесса, в частности, говорению на иностранном языке. Рассматриваются этапы порождения высказываний на родном и иностранном языках. Предпринимается попытка очертить критерии, по которым можно было бы судить об уровне владения иностранным языком. Особое значение при оценке успешности говорения на иностранном языке отводится участию в речемыслительной деятельности системы родного языка.

Ключевые слова: речемыслительная деятельность; говорение; иностранный язык; влияние родного языка; владение иностранным языком; критерии оценки; успешность говорения на иностранном языке; темпоральные характеристики речи.

Elena S. Kraus,
*Ph.D., Associate Professor of Phonetic and Grammar of the Spanish Language
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus*

CRITERIA FOR THE ASSESSMENT OF SPEAKING SKILLS IN A FOREIGN LANGUAGE

The article deals with the problem of cognitive processes in speech production. We discuss the stages of speech production in native and foreign language and attempt to outline the criteria that can be used to assess foreign language proficiency. Special attention in assessing foreign language skills is paid to the application of native language code as well as the difficulties in switching between different language codes.

Key words: cognitive processes; speech production; foreign language; native language influence; foreign language proficiency; assessment criteria; foreign speech production success; temporal characteristics of speech.

Выступая в качестве участника общения, делясь своим мнением, произнося реплики, мы не задумываемся над тем, что за звучащей фразой скрывается череда энергозатратных речемыслительных операций. Речь как один из видов деятельности, по сути, являет собой систему с собственным строением, логично выстроенными переходами от одного этапа к другому. Сбой же на любом этапе отразится на результате произносимого высказывания.

В разработке проблемы взаимодействия мышления и речи, в том числе порождения речи основополагающими выступили идеи Л. С. Выготского. Они и станут отправной точкой в рассмотрении данной темы. Согласно его концепции в психике сосуществует два плана речи – внутренний и внешний.

«Внешним словам» предшествует этап возникновения мотива, оформления мысли по линии значений «внутреннего слова» [1]. Выходит, именно во внутренней речи, своеобразии которой видится в свернутости, фрагментарности, обобщенности, происходит перевод имеющихся в сознании совокупности смыслов в организованную последовательность значений, то есть свершается рождение будущего высказывания [2].

Здесь стоит развести понятия «значение» и «смысл». Смыслы, как и значения, связаны со всеми компонентами структуры сознания. Однако значение рассматривается как устойчивая система связей и обобщений, стоящая за словом [1; 3] и не зависит от ситуации. Опосредствование значений в индивидуальной психике системой отношений ее «носителя» к действительности [2] определяет «смысл». Смысл характеризует индивидуальную, ситуативную специфику отражения. Стало быть, эффективность коммуникативной деятельности зависит от успешности взаимной трансформации значений и смыслов.

Со временем положения культурно-исторической психологии были пересмотрены, уточнены характеристики внутренней речи, модели речепорождения предстали в более развернутом виде. Н. И. Жинкин, например, предположил, что внутренняя речь реализуется через универсальный (несловесный) предметный код [4]. То есть мысль может формулироваться до языка и речи. Недостаточным для функционирования внутренней речи одного знакового компонента психики считает и Н. Т. Ерчак, точки зрения которого мы и будем придерживаться. Видение ученым данного феномена заключается в динамическом единстве знакового, образного и эмоционального компонентов [2; 5]. При этом удельный вес каждого компонента зависит от характера решаемых задач. В целом, исследователи постепенно отошли от изучения «внутренней речи» в плоскости только речевого мышления [6]. Кроме того, не все так неоспоримо и с позиции применения терминологии для определения центрального внутриречевого звена. Во-первых, во избежание подмены понятием «внутреннее говорение» понятие «внутренняя речь» зачастую требует уточнения. Во-вторых, касательно отнесения знаков, образов, эмоций к компонентам чисто «внутренней речи» также возникают вопросы. Выделение «эмоций» как отдельного психического процесса, «образа» как результата отражаемой действительности, составляющего содержание психики, «эмоциональной и образной видов памяти» – указывает на то, что эти компоненты имеют более обширные связи со структурами сознания. Для решения многих противоречий в рассматриваемом феномене выдвинуто предположение об излишнем использовании укоренившегося в психологии термина «внутренняя речь». При восприятии и порождении речи даже на родном языке «перевод» линейно представленных звуков или морфем в сжатый, понятный только нашему сознанию, сигнал, вероятно, происходит в давно известном науке «мышлении» [7]. А единицей мышления в свою очередь выступает мысль, которая при возникновении мотива и формулируется, воссоединяя образы, эмоции и знаки в их индивидуальном сочетании.

Итак, принимая во внимание отмеченные выше особенности функционирования внутриречевого звена, рассмотрим более подробно структуру речевого акта.

Раздражитель любой модальности (реплика собеседника, звук, зрительная ситуация), выступающий в качестве стимула, запускает процесс создания замысла. Следующей задачей является формирование мысли (смысла), раскрытие замысла, или, иными словами, представление пространственно-понятийной схемы будущего высказывания. В тесной взаимосвязи смыслообразующей и формулирующих фаз происходит синтаксическая и последующая лексико-грамматическая организация элементов, то есть далее семантические единицы наделяются грамматическими характеристиками. Полагается, что на этом этапе одновременно актуализируется механизм выбора слов, механизм временной развертки и артикуляционная программа. Завершается же процесс производства речи моторным программированием и выходом речи [8; 9].

Более того, путь от мысли к озвученному слову сопровождается механизмом субъективного прогноза и контролем. Поэтому в течение всего трудоемкого процесса речепорождения могут вноситься коррективы. Роль вероятностного прогнозирования речевого поведения [10], видится в предопределяющем влиянии предшествующего выбора слов и грамматических конструкций, досознательном состоянии готовности использовать те или иные речевые стереотипы в ситуации общения с учетом контекста. Постоянное присутствие обратной связи или контроля, в свою очередь, объясняется необходимостью проверки выполнения речевых действий, поиска и отбора более точных компонентов высказывания. Контроль языковой правильности высказывания связывают с «чувством языка». По словам Г. В. Ейгер, речь идет о механизме сличения и оценки соответствия значения и/или формы некоторой языковой структуры эталону в языковой памяти человека и замыслу в целом [11].

В литературе встречаются и другие модели, теории речепорождения [12; 13; 14; 15; 16], но все они, в сущности, отражают единое направление в объяснении речемыслительной деятельности и больше дополняют и уточняют друг друга, чем противоречат друг другу.

Исходя из сложности и многоуровневости процесса выражения мыслей словами, возникает вопрос об оценке успешности протекания речемыслительной деятельности при говорении на родном и иностранном языках. Какими критериями следует оперировать, чтобы получить объективные результаты, в частности, об уровне владения индивидом иностранным языком?

Говорение на родном языке зачастую происходит без особых препятствий за счет автоматизированности процессов на всех четырех уровнях обработки: семантическом (формирование смысла высказывания), синтаксическом (организация грамматической структуры запланированной речи), морфологическом (ввод морфем в грамматическую структуру), фонологическом (ввод фонем). Кроме того, внутренний лексикон родного языка содержит большой процент клише, стереотипных словосочетаний, которые используются первостепенно, экономя энергию говорящего. Исключение составит, вероятно, говорение в сос-

тоянии усталости, эмоционального выгорания или возбуждения. По вышеуказанным причинам характеристики речи на родном языке берутся за эталон владения языковой системой. В случае с иностранным языком все выглядит намного сложнее.

На начальном этапе изучение иноязычной системы осуществляется с опорой на уже усвоенную структуру родного языка. Так, родной язык словно навязывает свое присутствие в сознании, минимизируя усилия говорящего и «мнимо» упрощая речемыслительную деятельность. Согласно ранее рассмотренному процессу порождения высказывания, мысль, в таком случае, изначально формулируется с участием более совершенного средства общения и по его нормам. В идеале же формулирование мысли должно происходить в индивидуальном сочетании образов, эмоций и знаковой системы иностранного языка. Последнее возможно при достижении индивидом беспереводного уровня владения иностранным языком путем речевой практики, накопления богатого опыта ситуативной и контекстной речи.

Итак, речемыслительная деятельность при говорении на иностранном языке (при переводном и частично-переводном уровне владения) усложняется вмешательством «внутреннего перевода», а именно, актуализацией знаковой системы родного языка. Участие дополнительного звена в процессе речепорождения находит отражение в качественно-количественных характеристиках иноязычного говорения.

Прежде всего обратим внимание на темпоральный параметр, позволяющий оценить скорость протекания мыслительных операций, и косвенно указывающий на сформированность навыков говорения [5; 8]. С целью изучения речи биллингов темпоральные характеристики речевых высказываний на родном языке принимаются за эталон, с которым сравниваются значения тех же характеристик речи на другом изучаемом языке. В большинстве исследований для оценки участия родного языка в процессе говорения на иностранном языке замеряется латентный период – период от начала сигнала (стимула) до начала реакции. Данный параметр зависит от автоматизированности процессов порождения иноязычной речи, то есть от степени усвоенности материала, не без учета количества употребляемых лексических единиц, их сложности и правильности. В диагностике уровня знаний, умений, навыков он приобретает особую важность. Ведь при изучении иностранного языка в искусственных условиях высшего уровня усвоенности материала достигнуть не просто. Значит, в таком случае, и темпоральные показатели речемыслительных процессов на иностранном языке по сравнению с родным языком будут отличаться. Это предоставляет возможность выдвинуть предположения о стадиях, стратегиях, используемых индивидом для обработки информации на иностранном языке, а также исследовать влияние структуры родного и других изучаемых языков на порождаемую иноязычную речь.

Взаимопонимание людей в процессе общения зависит и от темпа речи. Неудачи в коммуникации часто объясняются быстрым темпом говорения носителей языка. В реальности же причина таковым кроется в недостаточном уровне владения соответствующим темпом речи.

На сегодняшний день имеются экспериментальные данные о медленном, среднем и быстром темпе говорения на белорусском, русском, английском, немецком, французском языках. Средние величины темпа речи на разных языках при этом оказываются близкими, если за единицу измерения брать количество слогов в секунду [17]. Однако, измеряя данный параметр, следует учитывать индивидуальные особенности темпа речи, его преднамеренное или непреднамеренное изменение в процессе общения, зависимость от стиля и смысловой нагрузки речи, эмоционального отношения говорящего к сообщаемому. Несмотря на вышеизложенное, оценка уровня владения субъектом иностранным языком по беглости его речи все же возможна.

Латентный период, беглость речи – не все темпоральные характеристики владения иностранным языком. Богатейшим материалом для анализа является наличие в устной речи, особенно спонтанной, пауз хезитации (пауз колебания). Согласно экспериментальным данным, прерывание речи вызывается как внешними, так и внутренними причинами. К первой группе относятся факторы, связанные с ситуацией, условиями общения, возрастом собеседников. Факторы же второй группы объясняются самочувствием говорящего (физиологическая природа факторов), нервозностью, особенностями памяти (психологическая природа), социальным статусом (социальная природа), маленьким словарным запасом или нежеланием что-либо говорить (индивидуальная природа).

Паузы хезитации из-за их свободной дистрибуции, большой длительности, неинформативности зачастую ассоциируются непосредственно со сложностями в планировании текущего высказывания. Однако, нельзя не учесть и большой спектр позитивных функций пауз колебания. Будучи семантически опустошенными, они помогают замаскировать речевые мучения говорящего, служат словами-заполнителями, поддерживают внимание слушающего и, самое важное, предоставляют время для ориентировки в ситуации, в принятии решений содержательного, синтаксического характера [18]. Представляя собой спонтанную остановку информационного потока, паузы хезитации встречаются на всех этапах порождения речевого высказывания и совместно с другими темпоральными характеристиками речи могут свидетельствовать об успешности или неуспешности протекания ментальных процессов. Поэтому, их изучению должно уделяться должное внимание.

Пожалуй, более значимыми окажутся качественные характеристики речевых реакций на иностранном языке.

При осуществлении коммуникативной деятельности перед билингом ставится задача передать содержание мыслей (образов, чувств, эмоций) средствами другого языка. Языки же могут иметь различные лексические и грамматические значения, различаться в парадигматике и синтагматике. Поэтому при говорении на иностранном языке следует избегать излишнего вмешательства «внутреннего перевода». Перевод с одного языка на другой не всегда может быть реализован как простой переход от поверхностной структуры одного языка к поверхностной структуре другого, хоть и в соответствии

с определенным набором усвоенных правил, ассоциативных связей и речевых автоматизмов. Даже если структура фраз на родном и иностранном языке не различается, облегчая задачу говорящему на двух языках, адекватность передачи мысли находится в прямой зависимости от выбора соответствующей контексту и ситуации иноязычной лексики. Выходит, при выражении мыслей, репрезентируемых в сознании, в соответствующую словесную форму должны наблюдаться смысловые замены и порядок слов в предложении отличный от такового в системе родного языка.

Кроме того, последовательное замещение единиц родного языка словами-эквивалентами иностранного языка, ошибки как лексико-грамматические, так и фонетические, свидетельствуют не только о несовершенстве знаний теоретического материала или участии «внутреннего перевода», но и о попытке избежать отразить в сознании смысл исходной фразы в заданиях на перевод с одного языка на другой. Подобный подход к обработке поступающей извне информации становится препятствием на пути к совершенствованию умений восприятия иноязычного материала.

При говорении на иностранном языке в условиях ограничения во времени возникают затруднения и иного характера. При достижении беспереводного уровня владения иностранным языком и достаточном стаже переводческой деятельности формируются и функционируют такие же прочные связи знака иностранного языка с образной и эмоциональной сферами, какие существуют в мышлении на родном языке. Несформированность же навыков быстро облучать смыслообразующие элементы в соответствующую словесную оболочку иностранного языка повлечет за собой отказ от говорения или же незаконченные высказывания. В дополнение, в условиях, когда говорение на иностранном языке уступает таковому на родном, требуется больший расход энергии, становясь причиной быстрого утомления и нарушения оптимального протекания задействованных в деятельности операций [5]. Поэтому вероятное истощение энергопотенциала также послужит появлению в иноязычной речи оговорок, ошибок, лексических единиц на родном языке. Последнее, в свою очередь, укажет на факт функционирования в сознании говорящего одной когнитивной системы, в которой знаковые компоненты родного и иностранного языков взаимодействуют и часто взаимозаменяют друг друга в речемыслительной деятельности. Однако полноценное владение обоими языками предполагает разделение двух языков у билингвов при единой образной и эмоциональной сферах [5].

Характеристика лексико-грамматического наполнения иноязычных высказываний будет неполной без рассмотрения употребляемых говорящим временных форм иностранного языка. Данная грамматическая категория информирует об успешности пространственно-временного восприятия смысла сообщения, глубине понимания взаимоотношений между субъектом и объектом в ситуации. Целостное и динамическое отражение действительности способствует адекватному выстраиванию событий по временной оси. Если же внимание концентрируется не на сути передаваемого сообщения, а на отдельных элементах предложения, мучительном подборе лексических единиц, то и вероятность появления несоответствующих ситуации временных форм повышается.

Обобщая вышесказанное и подводя итог, следует сказать, что речевое высказывание представляет собой результат скрытого от глаз многоступенчатого процесса. Свернутая, понятная только для себя мысль, репрезентируемая в сознании динамическим сочетанием образов, эмоций и знаков, превращается в понятный для других лексически и грамматически правильно выстроенный набор слов определенного языка. Рассмотрение этапов порождения речи позволило выявить интерферирующий и порой деструктивный элемент успешного говорения на иностранном языке. Помимо прочной фиксации в памяти лексических единиц иноязычной системы, знаний грамматических правил и умений их использовать, порой участие родного языка на этапе создания и раскрытия замысла определяет скорость и адекватность построения фразы на иностранном языке. При этом при оценке сформированности навыков говорения на иностранном языке объективными и, на наш взгляд, достаточно информативными выступают следующие критерии:

- 1) темпоральные характеристики говорения (латентный период, темп речи, паузы хезитации);
- 2) структура порождаемых высказываний;
- 3) количество отказов от говорения и незаконченных фраз;
- 4) соответствие фраз нормам иностранного языка (оговорки, ошибки);
- 5) количество «вкраплений» слов на родном языке в процессе иноязычного говорения;
- 6) употребление временных форм глаголов.

Перечисленные параметры выделены небезосновательно и могут использоваться как при организации учебного процесса на этапе контроля навыков говорения, так и при планировании экспериментальных исследований по вопросам владения и овладения иностранным языком.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Выготский Л. С. Мышление и речь : сборник. М. : АСТ : ХРАНИТЕЛЬ, 2008. 668 с.
2. Ерчак Н. Т. Психология профессиональной речи учителя : учеб.-метод. пособие. Минск : МГЛУ, 2004. 143 с.
3. Лурия А. Р. Язык и сознание. М. : МГУ, 1979. 320 с.
4. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982. 159 с.
5. Ерчак Н. Т. Иностранные языки: психология усвоения : учеб. пособие. Минск ; М. : Новое знание : ИНФРА-М, 2013. 336 с.
6. Wiley N. Inner speech as a language: A Saussurean inquiry // Journal for the theory of social behavior. 2006. Vol. 36, iss. 3. P. 319–341.
7. Ерчак Н. Т. Иноязычная внутренняя речь как цель обучения иностранному языку // Современное языковое образование в контексте международных интеграционных процессов: состояние и перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17-18 дек. 2015 г. : в 2 ч. / Мин. гос. лингв. ун-т ; редкол.: Т. П. Леонтьева (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2017. Ч. 1. С. 116–118.
8. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку: на материале русского языка как иностранного. М. : Рус. яз., 1989. 219 с.
9. Зимняя И. А. Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка // Исследование речевого мышления в психолингвистике / Т. В. Ахутина [и др.] ; отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М., 1985. С. 85–99.

10. Фрумкина Р. М. Вероятностное прогнозирование в речи. М. : Наука, 1971. 199 с.
11. Ейгер Г. В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков : Основа, 1990. 184 с.
12. Ахутина Т. В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. 4-е изд. М. : URSS : Либроком, 2012. 215 с.
13. Залевская А. А. Введение в психоллингвистику : учебник. 2-е изд. испр. и доп. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. 560 с.
14. Леонтьев А. А. Психоллингвистические модели и теории порождения речи // Введение в психоллингвистику : хрестоматия / сост. А. П. Клименко, А. В. Посох. Минск, 2005. С. 22–44.
15. Levelt W. J. M. Models of word production // Trends in Cognitive Sciences. 1999. Vol. 3, iss. 6. P. 223–232.
16. Dell G. S. A spreading-activation theory of retrieval in sentence production // Psychological review. 1986. Vol. 93, № 3. P. 283–321.
17. Бенедиктов Б. А. Психология овладения иностранным языком. Минск : Выш. шк., 1974. 336 с.
18. Александрова О. А. Речекоммуникативный статус паузы колебания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. В. Новгород, 2004. 20 с.

УДК 378.147:811

Наталья Леонидовна Кучеренко,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
n.kucherenko@spbu.ru

К ВОПРОСУ О МЕДИАЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Статья раскрывает сущностные характеристики медиации в языковом образовании. Анализируя результаты отечественных и зарубежных исследований, автор рассматривает виды, формы и стратегии медиации как одного из способов коммуникации. Значительное внимание уделяется медиации текста. В результате комплексного рассмотрения вопроса сформулированы основные пути формирования медиативной компетенции в процессе обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: медиация; способы коммуникации; медиация текста; стратегии медиации; медиативная компетенция.

Natalia L. Kucherenko
Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor
Saint Petersburg University, Saint-Petersburg, Russian Federation

ON THE ISSUE OF MEDIATION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

The article reveals the essential characteristics of mediation in foreign language education. Analyzing the results of domestic and foreign studies, the author reviews the types, forms and strategies of mediation as one of the modes of communication. A prominent place is given to the text mediation. As a result of a comprehensive consideration of the issue, the main ways of forming mediative competence are indicated in the language training.

Key words: mediation; modes of communication; text mediation; mediation strategies; mediation competence.

В условиях современного глобализированного мира медиативные умения приобретают крайне важное социальное значение. Понятие «медиация», используемое во многих исследованиях, будь то политика, право, социальная или культурная деятельность, требует использования специфических терминов для формулировки его определения в теории и методике обучения иностранным языкам. Согласно Л.-Ж. Руссо, медиация – это «любая коммуникативная деятельность, требующая преобразования или адаптации устного или письменного сообщения, чтобы сделать его понятным для целевой аудитории в конкретной ситуации» [1, р. 1].

Интерес к медиации в образовательной сфере обусловлен несколькими факторами. Во-первых, усиление специализаций по областям знаний требует определенных навыков для передачи информации профессионального характера. Другим фактором, выдвигающим медиацию на передний план, является быстрое развитие множественных социальных групп, отличающихся друг от друга своими субкультурами. Для эффективного взаимодействия подобных групп необходимо формирование медиативных умений на всех ступенях образования, в том числе при преподавании иностранных языков [2, с. 175].

В отечественной методике имеется ряд работ, касающихся различных аспектов медиации в обучении иностранным языкам: о содержании понятия «медиация» как составного компонента иноязычной коммуникативной компетенции, ее стратегиях и проблемах оценивания [2; 3; 4]; о языковом посредничестве (медиации) как особом виде речевой деятельности, формировании медиативной компетенции при обучении иностранным языкам в школе [5]; о роли языкового посредничества в обучении переводу [6] и другие.

В различные периоды истории преподавания иностранных языков медиация понималась по-разному. В своем традиционном значении данная компетенция была эквивалентна переводу и практиковалась, в частности, в изучении классических языков (греческого, латинского), в преподавании которых применялся грамматико-переводный метод. В 60-е, 70-е, 80-е годы XX столетия с появлением аудиолингвальных и аудиовизуальных методов медиация была исключена из лингвообразования, так как использование родного языка воспринималось как препятствие для усвоения иностранного. В 80-х и 90-х годах благодаря коммуникативному подходу медиация допускалась, но по-прежнему играла второстепенную роль [7, с. 40].

Общеввропейская система компетенций владения иностранными языками поставила медиацию в один ряд с другими видами речевой деятельности: аудированием, чтением, письмом, говорением [8]. Однако отводимая ей роль ограничивалась спецификой профессиональной компетенции переводчиков. В учебниках иностранных языков медиации не уделялось должного внимания. Как правило, она встречалась в переводных упражнениях, но чаще всего на уровне перевода отдельных фраз.

Более расширенная трактовка данного понятия была представлена в Дополнительном томе Общеввропейской системы компетенций владения иностранными языками [9], содержание которого адаптировано под совре-

менный контекст. В отличие от документа 2001 года он предлагает переход от компетентностного подхода, центрированного на таких коммуникативных умениях, как понимание устных и письменных текстов, письменная речь, говорение (монолог, диалог) к подходу, центрированному на способах коммуникации (рецепция, продукция, интеракция, медиация), включающих коммуникативные компетенции (лингвистическую, социолингвистическую, прагматическую).

В Дополнительном томе концепция медиации включает 19 видов деятельности, каждый из которых описан в соответствии с уровнями владения иностранным языком. Согласно его основным положениям, в процессе медиации ученик выполняет социальную роль, создавая инструменты для передачи смысла в рамках одного языка (одноязычная медиация) или средствами нескольких языков (межъязыковая медиация) [9, р. 90].

Подразумеваемая под медиацией «любую деятельность, сокращающую «разрыв» между людьми или между людьми и новыми понятиями посредством языка», Энрика Пиккардо, соавтор Дополнительного тома Общеввропейской системы компетенций владения иностранными языками, выделяет четыре формы медиации: языковую, культурную, педагогическую и социальную [10, pp. 9–11].

Языковая медиация может быть неинтерактивной (передача информации от коммуникатора к реципиенту без осуществления обратной связи) или интерактивной (передача сообщения от коммуникатора реципиенту и наоборот). Формами неинтерактивной медиации могут быть собственно перевод или перевод с лингвострановедческим комментарием, реферирование, аннотирование, пересказ [6, с. 160]. К основным формам медиации в рамках интеракции относятся: последовательный перевод, текстуализация интенций, посредничество при переговорах. Рассматривают также медиацию смешанного типа, к которой относят языковое посредничество с элементами интеракции между медиатором и одним из коммуникантов. В этом случае медиатор несет на себе двойную функциональную нагрузку: языкового посредника и активного коммуниканта, как, например, в презентации собранной информации с последующим обсуждением [5, с. 29–31].

В языковом образовании выделяют три вида медиации: *медиация текста*, *медиация при решении концептуальных задач* (сотрудничество в группе, например, с целью обеспечения доступа к знанию, необходимому для решения проблемы), *медиация коммуникации* (создание благоприятной атмосферы для общения собеседников, в котором учащийся играет роль посредника) [9, р. 91].

Детально рассмотрим раздел, посвященный медиации текста, которая заключается в передаче содержания документа кому-то, кто не имеет к нему доступа по техническим причинам, а также из-за языкового или культурного барьера. Она включает следующие коммуникативные действия: передача информации; толкование данных, представленных в виде графиков, диаграмм и схем; обработка текста в устной или письменной форме; перевод; создание заметок; обсуждение художественных текстов [там же, р. 92].

Передача информации связана с пониманием устного или письменного сообщения, требующего немедленной реакции. Этот навык тесно связан с поисковым чтением, направленным на нахождение в документе конкретных данных, например, расписание выставки, инструкции по покупке билета, указание выхода на посадку, а также понимание информативных текстов (путеводителей, статей, переписки, отчетов и т. п.) на более продвинутом уровне.

Толкование данных предполагает умение описывать диаграммы и карты; рассказывать о тенденциях, представленных в графиках; сравнивать данные гистограмм; интерпретировать сведения, содержащиеся в таблицах. Чем выше языковой уровень, тем сложнее коммуникативные установки: от описания метеорологической карты до детальной интерпретации данных, сопровождающих академические и узкопрофессиональные тексты.

Обработка текста в устной или письменной форме означает осмысление содержания исходного текста с последующим его резюмированием. Речь идет не об упрощении сообщения, а об умении оперировать деталями в коммуникативных целях, обобщении полученных сведений или аргументов с целью объяснения получателю информации цели, основной идеи или точки зрения автора исходного текста.

До недавнего времени *перевод* был главным видом деятельности в медиации. В Дополнительном томе Общеевропейской системы компетенций владения иностранными языками отдельно рассматриваются устный и письменный переводы. Для устного перевода свойственна спонтанность, краткость, приблизительность. Достаточно уловить основную информацию для начальных (A1–B1) и смысловые нюансы для продвинутых уровней (B2–C2). В рамках каждой группы уровней требования к переводу примерно одинаковые, разница заключается лишь в типе и степени сложности текста. Что же касается письменного перевода, то он представлен как более формальный процесс, не претендующий на полноту или абсолютную точность, так как используется для повседневного, а не профессионального общения. Тем не менее, чем выше языковой уровень, тем более высокими становятся требования к достоверности перевода.

Создание заметок (конспектирование) на основе лекций, семинаров или совещаний, – это еще один аспект медиации, но не для кого-то другого, а для себя. Несмотря на то, что описание данного вида деятельности основывается на умении вести записи воспринимаемой на слух информации, примером медиации, на наш взгляд, является также и конспектирование письменного текста.

В обучении иностранным языкам медиации подвергнуты художественные тексты (литературные произведения, фильмы, картины), которые вызывают эмоциональную реакцию и побуждают к выражению собственного мнения. Традиционно выделяют четыре типа реакций: вовлеченность, интерпретация, анализ и оценка. Поскольку представленные реакции не равнозначны по степени сложности, авторы Дополнительного тома предлагают два

вида деятельности, связанных с художественными текстами: *выражение собственного мнения*, соотносимое с реакциями «вовлеченность» и «интерпретация» и *критический анализ* художественных текстов, соответствующий реакциям «анализ» и «оценка». Для первого вида деятельности ключевыми являются умения объяснить, что понравилось/заинтересовало в произведении; описать персонажей; установить связь между собственным опытом и отдельными аспектами текста. Более сложный вид деятельности, которым является критический анализ художественных текстов, представлен посредством таких умений, как «сравнить произведения», «обосновать свое мнение», «дать аргументированную критическую оценку произведению», «оценить эффективность стилистических приемов».

Вышеперечисленные действия реализуются в рамках различных способов коммуникации – рецепции, продукции, интеракции, медиации, – посредством коммуникативных стратегий. Представленные в Дополнительном томе стратегии медиации разделены на две группы: 1) стратегии, направленные на объяснение нового смысла; 2) позволяющие облегчить понимание текста. К первой группе относятся: активизация уже имеющихся у обучающегося знаний по теме (использование наводящих вопросов, сравнений, примеров); адаптация языка (употребление синонимов, упрощенных речевых оборотов, парафраз); анализ элементов, составляющих содержание (применение инструкций и отбор основных аргументов). Стратегии, используемые для упрощения текста включают следующие действия: дополнение текста объяснениями, примерами, специальной информацией или, наоборот, – сокращение, путем исключения повторов и маловажной информации, выделения главного [9, р. 117].

Проведенный анализ научных изысканий позволил нам сформулировать возможные пути формирования медиативной компетенции и использования ее в учебном процессе.

Во-первых, необходимо проанализировать, какие из уже используемых медиативных упражнений можно перенести в поле деятельности обучающегося. Приведем несколько примеров таких упражнений: перевести или объяснить слово/выражение/текст, пересказать своими словами, представить художественное произведение, изложить факты/события, рассказать о своем учебном заведении, рассказать о культурных особенностях своей страны, резюмировать приведенные разными сторонами аргументы и т. п.

Во-вторых, включить медиацию в планирование урока. Желательно применять поэтапный и дифференцированный подход, следуя языковым уровням Общевропейской системы компетенций владения иностранными языками (от A1 до B2), дескрипторам и шкалам.

Наконец, для формирования медиативной компетенции можно сочетать различные уровни навыков (A2/B1, B1/B2/C1), так как внутри одной и той же группы могут присутствовать обучающиеся, которые имеют одинаковый уровень во всех видах речевой деятельности, и другие, имеющие уровень, например, B1 в чтении, но A2 в устной речи.

Изложенное позволяет заключить, что медиация в обучении иностранным языкам выступает одновременно целью и средством. Это не только перевод, но и совокупность разнообразных видов речемыслительной деятельности, связанных между собой, способствующих развитию познавательной сферы обучающихся. Анализ имеющегося опыта обучения иностранным языкам показал, что упражнения, направленные на формирование медиативной компетенции, уже являются частью современного языкового образования. Новизной данного подхода является, прежде всего, осознание особой роли обучающегося, который в ряде коммуникативных ситуаций выступает еще и как посредник (медиатор). Не менее важным представляется рассмотрение способов коммуникации (рецепции, продукции, интеракции и медиации) в качестве составляющих современного концептуального ядра общеевропейской лингводидактики, открывающих новые педагогические перспективы, основанные на взаимном понимании, слушании, участии в совместной деятельности.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Rousseau L.-J. La médiation linguistique : vers l'adaptation des principes méthodologiques et des pratiques terminographiques [Electronic resource]. 2007. URL: http://www.realiter.net/wp-content/uploads/2013/07/Louis-Jean_Rousseau.pdf (accessed: 16.09.2021).
2. Ланкина О. Ю. Содержание понятия «медиация» в обучении иностранным языкам // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2018. № 2. С. 175–183.
3. Сафонова В. В. Лингвокультурная медиация как стратегическое общеевропейское направление в развитии современного языкового образования [Электронный ресурс] // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сб. науч. тр. М., 2018. Вып. 2. С. 179–183. URL: <https://bookonline.ru/node/1923> (дата обращения: 10.02.2022).
4. Ланкина О. Ю. Медиация в системе оценивания устного высказывания в форме дискуссии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 2 (83). С. 174–179.
5. Колесников А. А., Денисов М. К. Формирование медиативной компетенции при обучении иностранным языкам в школе // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2012. № 34. С. 23–33.
6. Спыну Л. М., Мешкова И. Н., Шереметьева О. А. Роль языкового посредничества (медиации) в обучении переводу // Глобальный научный потенциал. 2019. № 12 (105). С. 159–162.
7. Кучеренко Н. Л. La médiation en classe de langue, est-ce une «nouvelle» compétence ? // Актуальные вопросы методики преподавания иностранных языков : сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред.: Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары, 2020. С. 39–45.
8. Cadre européen commun de référence pour les langues (CECRL): Apprendre, Enseigner, Évaluer / Conseil de l'Europe. Paris : Didier. 2001. 192 p.
9. Common European Framework of Reference for Languages (CEFR): Learning, teaching, assessment. Companion vol. / Council of Europe. Strasbourg : Council of Europe Publ, 2017. 275 p.
10. North B., Piccardo E. Common european framework of reference for languages : Learning, teaching, assessment. Developing illustrative descriptors of aspects of mediation for the CEFR [Electronic resource]. 2016. 66 p. URL: <https://rm.coe.int/common-european-framework-of-reference-for-languages-learning-teaching/168073ff31> (accessed: 20.09.2021).

УДК 81-13

Лиана Игоревна Нестерова,
кандидат педагогических наук, учитель английского языка,
гимназия №5 г. Минска имени героев встречи на Эльбе, Минск,
Беларусь
lianan@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА В ФОРМИРОВАНИИ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СПЕЦИАЛИСТА

В статье рассматривается интерпретация иноязычного текста в виде компонентов модели формирования ключевых компетенций специалиста. В качестве текста выступает опыт профессиональной деятельности носителя иноязычной культуры. Данный опыт позволяет выявлять основные смыслы профессии и создавать теоретико-методологическую и аксиологическую основу профессиональной деятельности современного специалиста.

Ключевые слова: иноязычный текст, интерпретация текста, ключевые компетенции специалиста, опыт профессиональной деятельности личности.

Liana I. Nesterova
PhD in Pedagogy, English Teacher,
Gymnasium No.5 of Minsk named after the heroes of the meeting on the Elbe,
Minsk, Belarus

INTERPRETATION OF A FOREIGN LANGUAGE TEXT IN THE FORMATION OF THE SPECIALIST'S KEY COMPETENCIES

The article considers the interpretation of a foreign text in a form of the components of the model for formation of specialist's key competencies. As a text is discussed the experience of professional activity of a foreign language culture bearer. This experience allows us to identify the main meanings of the profession and create a theoretical, methodological and axiological basis for the professional activity of a modern specialist.

Key words: foreign language text, interpretation of the text, key competencies of the specialist, experience of professional activity of the individual.

Формирование личности специалиста в любой период исторического развития общества соотносится с теоретико-методологическими и аксиологическими основаниями профессиональной среды. Овладение данными основаниями предполагает формирование ключевых умений и навыков, получивших в современных научно-педагогических исследованиях наименование ключевых компетенций. Именно знание основных теоретических концепций, принципов, подходов функционирования в той или иной профессиональной среде, владение методами и механизмами принятия практических решений на основе имеющегося опыта социокультурного и профессионального взаимодействия, а также способность осуществлять ценностно-смысловой анализ сложившейся проблемной ситуации свидетельствует о профессиональной зрелости специалиста, его готовности решать профессиональные задачи в практически любом контексте своей профессии.

Целью данного исследования является определение теоретического и методологического обеспечения процесса интерпретации иноязычного текста в процессе формирования ключевых компетенций специалиста.

Материалами и методами исследования выступили теория герменевтики, системный и сравнительно-исторический подходы, биографический метод, методы анализа библиографических источников.

Ключевые компетенции современного специалиста можно определить в качестве способности теоретического построения, практической реализации и ценностно-смыслового анализа программы профессиональной деятельности личности. В связи с этим, можно выделить *теоретическую, методологическую и аксиологическую* ключевые компетенции. *Теоретическая ключевая компетенция* – целостное и обоснованное представление специалиста о мировоззренческих основаниях его профессиональной деятельности, об отличительных свойствах субъекта и объекта определенной профессиональной среды, способах и значении их взаимодействия на основании актуальных подходов и концепций. *Методологическая ключевая компетенция* может быть определена в качестве способности выявления необходимой совокупности средств, условий и принципов, методик и методологии деятельности и реализации имеющихся теоретических представлений на практике. *Аксиологическая ключевая компетенция* – способность ценностно-смыслового анализа оснований профессиональной среды функционирования личности, определения идейных оснований профессиональной деятельности, познания и творчества специалиста.

Полагаем, что формирование ключевых компетенций специалиста может быть реализовано в процессе выявления, понимания, переосмысления и осознания и, в конечном итоге, качественно новой интерпретации познающим субъектом индивидуального опыта профессиональной деятельности выдающихся представителей иноязычной культуры. Интерпретация профессионального опыта носителей иноязычной культуры позволит расширить мировоззренческие горизонты личности, создаст предпосылки для осознания и овладения специалистом моделями межкультурной коммуникации и эффективного взаимодействия между специалистами, являющихся носителями иной языковой картины мира.

Важной предпосылкой формирования ключевых компетенций специалиста является изучение опыта профессиональной деятельности носителей иноязычной культуры. Данный опыт выступает в качестве *текста* (лат. *textum* – связь, соединение) – совокупности лексико-грамматических, фонетических символов, культурных и мировоззренческих смыслов, фиксирующих информацию о теории, методологии и ценностно-смысловых основаниях определенной профессии. Изучение опыта в виде текста представляет собой непрерывный процесс его интерпретации, что позволяет создать представление об основных смысловых компонентах профессии (концептах), о возможностях их включения в структуру индивидуального сознания и сознания профессионального сообщества. Х.-Г. Гадамер, исследуя процессы понима-

ния культур, отмечал, что «понимание должно мыслиться как часть смыслового свершения» [2, с. 110]. В качестве смыслового свершения можно рассматривать процесс интерпретации текста, позволяющий создать представление о теоретико-методологических и аксиологических основаниях профессиональной деятельности личности.

Структурно-содержательная характеристика интерпретации иноязычного текста может быть представлена в качестве модели, состоящей из следующих компонентов:

- семантизации иноязычного текста;
- постижения смысла изучаемого текста;
- переосмысления иноязычного текста;
- осознания новых смыслов иноязычной культуры.

Выше названные компоненты модели интерпретации иноязычного текста могут быть релевантными при условии их теоретической и практической апробации.

Схематично данная модель может быть представлена следующим образом:

Рис. 1. Модель интерпретации иноязычного текста в процессе формирования ключевых компетенций специалиста

Семантизация иноязычного текста предполагает выделение и декодирование лексических единиц иноязычного текста, выявление синтаксических и лексико-грамматических отношений между ними, систематизация семантических значений текста. Форма и значение лексических единиц различных языков часто не совпадают, поэтому важно понимать значение слов и словосочетаний в той последовательности, в какой они позволяют раскрыть основной замысел произведения. Для эффективности процесса семантизации текстовой информации необходимо выбирать такие тексты, которые соответствовали бы уровню развития языковой личности познающего субъекта

и имеющегося у него профессионального опыта (на теоретическом и/или эмпирическом уровне), а также поставленным задачам компетентностной подготовки специалиста. Не менее важными являются вариативность и содержательная насыщенность лексического состава текста, что способствует обширному толкованию лексических значений в многообразии смыслов и смысловых моделей деятельности.

Постижение смысла изучаемого текста – установление смысловой структуры текста, последовательности изложения замысла речевого произведения, заданной его автором и историко-культурным контекстом его формирования. В сущности, постижения смысла текста представляет собой когнитивный процесс осмысления социокультурного и профессионального бытия личности. Постигание смысла (смыслов) текста осуществляется в виде *герменевтического круга* – механизма интерпретации текста, основанного на диалектике части и целого, количества и качества, формы и содержания. Процесс понимания и интерпретации текста движется по кругу, в котором целое ‘das Ganze’ понимается из анализа частей ‘das Einzelne’, единичное только в связи с целым [3, с. 16].

Переосмысление иноязычного текста означает качественный пересмотр содержания понятий или значений путем их аппликации на ту или иную предметную область в соответствии со смысловыми структурами субъекта познания, его ценностно-смысловыми установками. На данном уровне происходит производство новой актуальной для современного специалиста совокупности смыслов профессии, представляющих собой синтез ранее сформированного профессионального опыта, а также полученных представлений о смыслах своей профессии в процессе интерпретации рассматриваемых текстов.

На уровне переосмысления иноязычного текста имеет место рефлексия, вследствие которой изменяется отношение к старому опыту и формируется новое представление о смыслах (концептах) и назначении профессии. Новый опыт (даже на теоретическом уровне) создает предпосылки для изменения актуальной для специалиста профессиональной деятельности. В результате происходит смысловой диалог между познающим субъектом и изучаемыми персоналиями, вследствие чего формируются новые представления о профессии, формируется новый взгляд относительно актуальных моделей профессиональной деятельности личности. В результате в сознании специалиста происходит непрерывное количественно-качественные изменения теоретико-методологических и аксиологических структур.

Рефлексия имеет место в процессе *осознания* основных понятий интерпретируемого текста, что подразумевает включение новых смыслов, полученных на предыдущих этапах изучения текста, в систему мыслей, идей, чувств и других интеллектуальных феноменов личности, определяющих содержание индивидуального опыта специалиста. На уровне сознания формируется первичный теоретический опыт личности, который определяет все другие виды профессионального опыта.

С точки зрения американского психолога Дж. Брунера, все познавательные процессы необходимо трактовать как накладывание категорий на объекты или события с целью их категориального объединения в единую систему на основании наличия общих и наиболее релевантных свойств. С помощью некоторых характерных и определяющих свойств, называемых «ключевыми признаками», осуществляется отбор, отнесение воспринимаемого объекта к определенной категории [1, с. 12-13]. Принимая во внимание выводы Дж. Брунера, можно сказать о том, что процесс интерпретации смыслов возможен при наличии совместимых признаков у понятий, отражающих содержание первоначального профессионального опыта личности, и понятий, выявленных на этапе изучения профессионального опыта иноязычной личности. Речь идет о таких характеристиках смыслов, которые могут выступать в качестве общих связующих значений в рамках единой смысловой системы определенной профессии.

Релевантность интерпретируемых смыслов можно определить на *этапе апробации* – использования полученной совокупности ключевых понятий профессиональной деятельности личности на практике, т.е. в ходе процесса эмпирического познания и разрешения возникающих конкретных профессиональных задач. По словам Х.-Г. Гадамера, «применение есть такая же интегральная составляющая часть герменевтического процесса, как понимание и истолкование», так как «перед герменевтикой стоит задача соотносить смысл данного текста с той конкретной ситуацией, в которой он должен быть воспринят» [2, с. 187]. Причем процесс интерпретации текста имеет незавершенный циклический характер и выступает в виде непрерывного перехода от понимания единичных компонентов текста различного уровня обобщения к постижению смысла всего текста в целом. Каждый последующий этап интерпретации текстовой информации предполагает формирование более глубокого и содержательного представления о смысле (смыслах) рассматриваемой текстовой реальности, являясь тем самым важным основанием для эффективного формирования теоретико-методологических и аксиологических представлений специалиста.

Таким образом, происходит формирование представлений о теоретико-методологических и аксиологических основах профессиональной деятельности специалиста. В результате формируется новая совокупность ключевых понятий (концептов профессии), которые являются смыслообразующими компонентами в формировании ключевых компетенций специалиста.

Рассмотренная модель интерпретации иноязычного текста в формировании ключевых компетенций специалиста может выступить в качестве важного теоретического и методологического инструментария в процессе решения задач по созданию программного, дисциплинарного и междисциплинарного обеспечения профессионального образования личности. Успешность реализации данной модели находится в зависимости от научно-познавательного, социального и профессионального опыта познающего субъекта.

екта; уровня его методологической грамотности, культуры профессионального мышления и интеллектуального труда. Данные обстоятельства позволяют определить дальнейшие направления исследования: содержание и методологию каждого из уровней модели интерпретации текста в формировании ключевых компетенций специалиста; стратегии междисциплинарного и межкультурного анализа иноязычного текста как опыта профессиональной деятельности личности; методики практического использования новых понятий, представлений и походов в контексте определенной профессии.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации : пер. с англ. М. : Прогресс, 1977. 413 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
3. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского ; науч. ред. Н. О. Гучинская. СПб. : Европ. дом, 2004. 242 с.

УДК 378.147:811.134.2

*Светлана Анатольевна Радькова,
старший преподаватель кафедры иноязычной коммуникации
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск,
Беларусь
radzkovasvet@mail.ru*

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

В статье рассматривается сущность технологии проектного обучения и ее роль в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Дается краткая характеристика основных этапов данной технологии на примере использования участниками проектных команд приемов метода «Шесть шляп мышления», предложенного Эдвардом де Боно, применяемых при разработке учебного проекта в области государственного управления и экономики, реализация которого осуществляется на занятиях по деловому испанскому языку.

Ключевые слова: технология проектного обучения; метод проектов; шесть шляп мышления; обучение иностранному языку; испанский для специальных целей; бизнес-испанский.

Sviatlana A. Radzkova

*Senior Lecturer at the Department of Foreign Language Communication
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of
Belarus, Minsk, Republic of Belarus*

PROJECT-BASED LEARNING IN TEACHING SPANISH FOR SPECIFIC PURPOSES

The article considers the essence of project-based learning and its role in the process of forming foreign language communicative competence. A brief description of the main stages of this technology is given on the example of using by the participants of project teams the techniques of the "Six Hats of Thinking" method proposed by Edward de Bono that is applied in the development of an educational project in the field of Public Administration and Economics, which is implemented in Business Spanish classes.

Key words: Project-based learning (PBL); project method; Six Thinking Hats; teaching a foreign language; Spanish for Specific Purposes; Spanish for Business.

Изучение испанского языка в системе высшего образования становится все более востребованным, что продиктовано изменением геополитической ситуации в сегодняшнем быстро меняющемся мире, укреплением торговых связей со странами испаноязычного мира, интенсификацией межкультурных контактов и обусловлено требованиями, предъявляемыми к специалистам управленческого профиля по владению навыками межкультурной деловой коммуникации для работы в условиях поликультурной среды.

Цель настоящей статьи состоит в освещении роли технологии проектного обучения студентов управленческих специальностей и ее практическом применении в процессе преподавания испанского языка для специальных целей в учреждениях высшего образования (УВО) лингвистического профиля.

Обучение языку профессии сегодня признано важнейшим аспектом лингводидактики. В современном мире профессиональная деятельность не может успешно развиваться, будучи замкнутой в национальные рамки: профессионалу необходимо постоянно совершенствоваться, знакомиться со специальной литературой, участвовать в совещаниях, поддерживать личные контакты. Работа в международных компаниях – это также повседневная реальность наших дней. Наиболее практичным решением проблемы деловых интернациональных контактов стало повсеместное использование английского языка. Тем не менее, испанский не только не уступает своих позиций, но и стремится расширить сферу применения во все новых областях профессионального общения [1, с. 7].

Понятие «язык для специальных целей» трактуется как организованный процесс реализации образовательного курса для будущих специалистов с целью формирования у них иноязычной коммуникативной компетенции

в профессиональной сфере [2, с. 37]. В современной испаноязычной лингвистике и лингводидактике испанский язык для специальных целей (*lenguas con/para fines específicos, lenguas especializadas, lenguajes/lenguas de especialidad*) подразделяется на: 1) язык для учебных целей, необходимый для получения специального образования на испанском языке; и 2) язык, используемый для подготовки в процессе профессиональной (учебной) деятельности и повышения квалификации в целях осуществления успешной карьеры в выбранной профессиональной сфере (*el español profesional y académico (EPA)*). Испанскими учеными отмечаются трудности классификации испанского языка для специальных целей в зависимости от эволюции и рыночного спроса. Последнее побудило исследователей в этой области использовать преимущественно понятия «испанский язык для профессиональных целей» (*Español con Fines Profesionales*) и «преподавание испанского языка специальности» (*Enseñanza del Español Lengua de Especialidad*) [3, с. 14-15], когда речь идет о процессе преподавания и обучения специализированной коммуникации в профессиональных контекстах, цели и задачи которых весьма разнообразны по своему характеру с учетом конкретных потребностей детей или иммигрантов. Таким образом, специальные цели не выходят за рамки академических и профессиональных целей, основные специальности которых, в зависимости от текущего спроса, как в случае испанского языка, ограничиваются сферами права, бизнеса, туризма, дипломатии, науки, медицины и экологии [3, р. 63-67].

От цели изучения испанского языка для специальных целей зависят и особенности его изучения, среди которых выделяют наличие индивидуальных потребностей обучающихся с учетом профессионального контекста их деятельности и занимаемой должности. В этой связи особый характер обучению языку специальности придают использование особых методических приемов и педагогических технологий, ориентация на формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции, интеграция процесса овладения испанским языком с освоением профессии, а также усиление требований к двойной квалификации преподавателя как в области знания языка, так и получения дополнительных профессиональных знаний по преподаваемой специальности.

На кафедре иноязычной коммуникации Академии управления при Президенте Республики Беларусь в процессе обучения будущих управленцев иноязычному общению наряду с другими методами обучения применяется и технология проектного обучения, которая включает: 1) комплекс упражнений, направленных на введение и успешное овладение иноязычной лексикой профессиональной сферы государственного управления, экономики и права; 2) комплекс заданий, направленных на формирование профессионально-направленных умений вести монолог, диалог и полилог; 3) активные формы

и виды защиты проектов (деловые игры с элементами дискуссии и дебатов);
4) наглядность (компьютерные презентации, таблицы, графики, диаграммы и т. п.).

Обучение устному иноязычному общению студентов управленческих специальностей будет более эффективно, если оно осуществляется на основе технологии проектного обучения. Данная технология обучения испанскому языку для специальных целей студентов-управленцев на практике реализуется в рамках подготовки индивидуальных и групповых проектов. Структура каждого такого учебного проекта кратко может быть изложена в следующем виде: цель проекта – методы получения информации – обработка информации – результат. Процесс работы над проектом подразумевает прохождение шести стадий:

1) выбор и определение темы проекта, постановка и осмысление цели и задач исследования;

2) выбор видов речевой деятельности, необходимых для презентации проекта на испанском языке;

3) планирование включает сбор информации, определение источников получения информации, способов ее сбора и анализа, обдумывание формы представления конечного продукта;

4) практическая деятельность по организации и выполнению учебного проекта;

5) представление результатов с презентацией материалов проекта в виде деловой игры;

6) оценка представленных материалов на соответствие заявленным целям.

Необходимыми требованиями к использованию проектной методики при обучении иностранному языку в УВО, по мнению И. И. Кобыльской, являются следующие:

1) наличие лично значимой в исследовательском, творческом и профессиональном плане проблемы;

2) практическая значимость предполагаемых результатов коллективных проектов, самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность студентов на занятиях;

3) структурирование содержательной части проекта (с указанием поэтапных результатов и распределением ролей);

4) использование исследовательских методов, предусматривающих определенную последовательность действий, обсуждение способов формирования конечных результатов (презентаций, защиты, творческих отчетов, просмотров и т. д.);

5) подведение итогов, оформление результатов, их презентация, выводы, выдвижение новых проблем исследования [4, с. 9].

Взаимодействие студентов между собой и с преподавателем в ходе предварительного обсуждения проекта организуется, как правило, через чат и форум в электронной образовательной среде LMS Moodle при подготовке домашнего задания по поиску необходимой информации в сети Интернет. В основе любого проекта лежит проблема, требующая владения иностранным языком для ее разработки и решения и имеющая определенную практическую и теоретическую значимость. Благодаря связи с предпочтениями и интересами, предыдущим опытом и знаниями хорошо выстроенные проекты вдохновляют и мотивируют студентов-управленцев к совместной работе над углубленным изучением темы в рамках исследовательской работы в течение длительного периода времени. Обучающиеся моделируют стандартные ситуации, которые могут возникнуть в профессиональной деятельности, предлагают и обсуждают альтернативные варианты развития событий и принятия управленческих решений.

В качестве универсального метода, позволяющего вести разработку идей в ходе работы над проектом как отдельными участниками, так и в группах, и который предлагает единый подход, понятный всем участникам, может использоваться метод «Шесть шляп мышления», разработанный известным британским психологом и экспертом в области проблем латерального мышления Эдвардом де Боно. Суть этого метода изложена в его одноименной работе [5] и заключается в необходимости рассмотрения и обсуждения идей с различных точек зрения, которые и символизируют соответствующие шляпы, другими словами, роли с определенным стилем мышления. Белая шляпа сосредоточена на анализе имеющихся данных, цифр, выявлении и поиске недостающей информации. Ношение красной шляпы – индикатор эмоций, чувств, предчувствия и интуиции, возникающих у участников в ходе непосредственного обсуждения при принятии управленческих решений. Роль обладателя черной шляпы как пессимиста сводится к выявлению возможных минусов и рисков определенного решения. Управленец в желтой шляпе способен увидеть выгоду и все преимущества проекта и склонен думать позитивно, опираясь на скрытые положительные ресурсы. Цель зеленой шляпы – проявить креативность в поиске альтернативных путей принятия решений. Синяя шляпа берет на себя функции модератора или руководителя процесса обсуждения проекта.

Существует достаточное количество публикаций, раскрывающих сущность данного метода и подробно анализирующих возможности его эффективного применения в практике обучения иностранным языкам [6, 7]. В работе Терезы Фернандес Ульоа описан алгоритм работы с данным приемом на примере обучения испанскому языку. Как отмечает автор, по сути, каждая шляпа имеет свой цвет, указывающий на точку зрения. Это способствует получению отдачи от всех членов команды. Есть два способа использовать шляпы мышления: либо все надевают одну и ту же шляпу одновременно,

поэтому каждый должен внести свой вклад в обсуждение с точки зрения данной шляпы, либо все надевают разные шляпы, и тема обсуждается с разных точек зрения [8, с. 160–161]. Перед обсуждением участникам команды раздаются листы-шаблоны с нарисованной шляпой определенного цвета, роль которой они примеряют на себя, где они записывают свои идеи, проблемные вопросы и пути их решения.

По завершении изучения тем «Стили руководства» и «Принятие управленческих решений» студентам предлагается работа над проектом, результаты которого представляются в виде компьютерных презентаций с устным сопровождением. Например, в ходе разработки студенческого проекта «Строительство третьей ветки Минского метрополитена» для совместного обсуждения была сформулирована проблема: Может ли новая линия метро располагаться вблизи микрорайона «Зеленый Луг»? Во время мозгового штурма для рассмотрения были выделены такие вопросы, как стратегия развития города Минска, подготовка территорий для сооружения метро, стабильное финансирование строительства, обеспокоенность жителей из-за изменения маршрутов транспорта, влияние на экологию, применение новых технологий в строительстве, соблюдение техники безопасности и т. д.

При реализации учебного проекта у будущих управленцев вырабатываются навыки командной работы, умения не только представлять обоснованные аргументы, четко организовывать свое высказывание, логично и адекватно излагать и обосновывать свою точку зрения, но и выслушивать мнения коллег, их доводы и контраргументы, объясняя достоинства и недостатки различных вариантов проекта, чтобы в ходе совместного обсуждения прийти к компромиссу и в заключение четко представить общую позицию по важному профессиональному вопросу. Таким образом, в рамках работы над проектом в процессе поиска и анализа информации на испанском языке, составления текста выступления доклада, подготовки компьютерной презентации к нему и его последующего обсуждения происходит дальнейшее совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся.

Указанная технология, безусловно, ценна тем, что демонстрирует студентам связи между знаниями профильных дисциплин и иностранного языка для специальных целей. Применение данной технологии в процессе преподавания делового испанского языка позволяет преподавателю нивелировать возникающие у обучающихся сложности по освоению специальной лексики и терминологии. В результате эффективного выполнения проектных заданий студенты видят практическую пользу от изучения иностранного языка, следствием чего является повышение мотивации как к учебной дисциплине, так и к учебно-исследовательской работе в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции в различных речевых ситуациях.

Практический опыт применения технологии проектного обучения в сочетании с методом «Шесть шляп мышления» Эдварда де Боно показывает, что предложенная модель обучения испанскому языку для специальных целей полностью обеспечивает эффективное усвоение учебного материала, готовит студентов к профессиональной деятельности и способствует значительному повышению уровня владения иностранным языком и формированию устойчивых навыков и умений для их дальнейшего применения в сфере профессиональной деятельности обучающихся.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Романова Г. С. К вопросу о терминах в испанском языке // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 2 (11). С. 239–246.
2. Матвиенко Л. М. Использование языка для специальных целей: особенности, проблемы, перспективы [Электронный журнал] // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. № S21. С. 36–40. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14762.htm> (дата обращения: 09.03.2022).
3. Gómez de Enterría Sánchez J. El español lengua de especialidad: enseñanza y aprendizaje. (Manuales de formación de profesores de español 2/L). Madrid : Arco/Libros La Muralla, S.L., 2009. 192 p.
4. Кобыльская И. И. Проектная методика преподавания английского языка для студентов инженерных специальностей на базе электронного учебно-методического пособия : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2008. 16 с.
3. Васильева В. В. Релаксационный аспект журналистики развлечения [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/102-5907> (дата обращения: 11.07.2020).
5. De Bono E. Seis sombreros para pensar. Barcelona : Ediciones Paidós, 2019. 256 p.
6. Шустова Ю. В. Метод «шести шляп» в обучении иностранному языку студентов по направлению «Электроэнергетика и электротехника» // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Психолого-педагогические науки. 2014. № 4 (24). С. 273–277.
7. Иванова Н. В. Метод «шести шляп мышления» для развития культуры иноязычного речевого общения // Преподаватель XXI век. 2019. № 1-1. С. 129–137.
8. Ulloa T. F. Creatividad y colaboración en la clase de español a través del pensamiento de diseño [Electronic resource] // X Encuentro Práctico de Profesores E/LE (EPPELE): Reflexiones, aprendizajes y desarrollos en el nuevo contexto / Instituto Cervantes de Nueva Delhi y El Cairo. 2020. P. 142–179. URL: https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/publicaciones_centros/PDF/delhi_2020/10_fernandez.pdf (accessed: 09.03.2022).

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

<i>Иванова А. В.</i> Аналитизм vs синтетизм в иберо-романских языках в свете современных корпусных данных.....	3
<i>Антоненко А. В.</i> Прецедентные единицы как средство манипуляционного воздействия в аналитических статьях испанской прессы.....	7
<i>Байдак О. Ч.</i> Семантика и прагматика придаточных и (псевдо) независимых предложений с союзом <i>que</i> в испанском языке.....	12
<i>Гридина Т. М.</i> Функционирование неологизмов в профессиональном дискурсе.....	18
<i>Ильина Л. Е., Каримов Р. Р.</i> Мифологические локации: проблемы интерпретации	24
<i>Кремзикова С. Е.</i> Лингвокогнитивные основы моделирования деятельностных ситуаций в дискурсе конфронтации (диахронический аспект).....	31
<i>Кучугурная Е. А., Филон М. Ю.</i> Языковая игра на основе прецедентных феноменов в испаноязычном разговорном дискурсе	38
<i>Лебедевич Р. В.</i> Вербализация коммуникативных затруднений, возникающих при описании перцептивных образов, в диалогах на испанском языке.....	45
<i>Лисова А. Б.</i> Семантико-прагматические особенности функционирования интенсификаторов в рекламном слогане на испанском языке.....	50
<i>Овсейчик Ю. В.</i> Функциональный потенциал французских каузальных сочинительных союзов <i>car</i> и <i>donc</i> (на примере конструкции [adj]+conj _{co} + [adj]).....	56
<i>Скромблевич В. Б.</i> Проблемы омонимии в итальянской лексикологии и лексикографии	63
<i>Цупа А. И.</i> Метакоммуникативные речевые акты в структуре сложного диалогического единства (на материале испанского и русского языков).....	69
<i>Ягмурова М. С.</i> Социокультурная адаптация при переводе личных имен	76
<i>Яковлева Е. В.</i> Особенности референции личных местоимений в устном дискурсе.....	80

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ**

<i>Абдуллина Л. Р., Камалетдинов Р. Р.</i> Особенности лексико-семантического поля «экология воды» во французском языке.....	85
<i>Абдуллина Л. Р., Тарасова Е. Д.</i> Лексико-семантическое поле «продвижение недвижимости» во Франции и его структурный анализ.....	89
<i>Грищенко Н. М.</i> Взаимодействие вербального текста и текста культуры	95
<i>Колесник С. А.</i> Особенности употребления выражений приветствия и прощания в испанском языке.....	100
<i>Котова А. В.</i> Небесные тела как образ сравнения в «Энеиде» Вергилия и «Аргонавтике» Валерия Флакка	105
<i>Лещенко Н. В.</i> Универсальность и специфичность интернет-мема как феномена виртуальной коммуникации (на материале испанского и русского языков).....	110
<i>Нуридджанян Р. Г.</i> Основные особенности двуязычия в Парагвае	116
<i>Романкевич М. Н., Короткая А. А.</i> «Размытое» градуирование качественного признака во французском языке	121
<i>Синицына Д. И.</i> Поэтика «чудесной реальности» в новейшей испаноязычной литературе: «Необычайные годы» Родриго Кортеса	127
<i>Чельцова Т. Н.</i> Реализация концептосферы «терроризм» во французских СМИ.....	133
<i>Чиркун А. Б.</i> Категория уместности: невербальный аспект	138
<i>Якушкина К. В.</i> К вопросу о гендерной тегизации в актуальной испаноязычной коммуникации	144

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ
РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ**

<i>Ильина Л. Е.</i> Интегрированный курс «Латинский и французский языки» для бакалавров.....	151
<i>Ильина Л. Е., Шигаева Е. А.</i> Работа с постфольклорными текстами на занятиях по иностранному языку	157

<i>Краус Е. С.</i> Критерии оценки сформированности навыков говорения на иностранном языке.....	162
<i>Кучеренко Н. Л.</i> К вопросу о медиации в обучении иностранному языку ...	169
<i>Нестерова Л. И.</i> Интерпретация иноязычного текста в формировании ключевых компетенций специалиста.....	175
<i>Радькова С. А.</i> Технология проектного обучения в преподавании испанского языка для специальных целей	180

CONTENTS

CURRENT THEORETICAL PROBLEMS OF ROMANCE PHILOLOGY

A. V. Ivanova Analytism vs synthetism in ibero-roman languages in the light of modern corpus data..... 3

A. V. Antonenko Precedent elements as means of the manipulation in the analytical articles of the Spanish press..... 7

O. Ch. Baidak Semantics and pragmatics of complex sentences and pseudo-independent sentences with the conjunction *que* in Spanish 12

T. M. Gridina Functioning of neologisms in professional discourse..... 18

I. L. Evgenievna., R. R. Karimov Mythological locations: problems of interpretation..... 24

S. Y. Kremzykova Linguo-cognitive bases for modeling activity situations in confrontation discourse (diachronic aspect)..... 31

A. A. Kuchuhurnaya, M. Y. Fylon Language game on the basis of precedent phenomena in Spanish conversational discourse 38

Raksana V. Lebiadzevich Verbalization of communication difficulties, arising from the description of perceptual images, in dialogues in Spanish..... 45

A. B. Lisova Semantic-pragmatic features of the functioning of intensifiers in the advertising slogan in Spanish..... 50

Y. V. Auseichyk Functional potential of the french causal coordinators *car* and *donc* (the construction [adj]+conj_{co}+ [adj])..... 56

V. B. Skromblevich Problems of homonymy in Italian lexicology and lexicography..... 63

H. I. Tsupa Metacommunicative speech acts in the structure of complex dialogical unity (by the material of the Spanish and Russian languages)..... 69

Mehri S. Yagmurova Socio-cultural adaptation in the translation of personal names 76

Elena V. Yakovleva Peculiarities of personal pronouns in oral discourse 80

CULTURAL AND SOCIAL ASPECTS OF RESEARCH IN THE FIELD OF ROMANCE PHILOLOGY

<i>L. R. Abdullina, R. R. Kamaletdinov</i> Features of the lexico-semantic field "ecology of water" in French.....	85
<i>L. R. Abdullina, E. D. Tarasova</i> Lexico-semantic field «real estate promotion» in France and its structural analysis	89
<i>N. M. Grischenko</i> The interaction between a verbal text and a cultural text.....	95
<i>S. A. Kolesnik</i> Peculiarities of the usage of the expressions of greeting and farewell in Spanish language.....	100
<i>A. V. Kotova</i> Heavenly bodies as vehicles in Vergil’s “Aeneid” and Valerius Flaccus’ “Argonautica”	105
<i>N. V. Leshchanka</i> Universality and specificity of the internet-meme as a phenomenon of virtual communication (based on Spanish and Russian languages).....	110
<i>R. G. Nuridzhanyan</i> Main features of bilinguality in Paraguay.....	116
<i>M. N. Romankevich, A. A. Korotkaya</i> "Blurred" grading of a qualitative feature in French.....	121
<i>D. I. Sinitsyna</i> Poetics of the “lo real maravilloso” in the newest Hispanic fiction: “Los años extraordinarios” by Rodrigo Cortés	127
<i>T. N. Cheltsova</i> Implementation of the "terrorism" concept sphere in the French media	133
<i>A. B. Chirkun</i> Category of relevance: non-verbal aspect.....	138
<i>Kseniia V. Iakushkina</i> On the problem of gender tagging in actual Spanish communication	144

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE TEACHING OF ROMANCE LANGUAGES

<i>L. E. Ilina</i> Integrated course "Latin and French" for bachelors.....	151
<i>L. E. Ilina, E. A. Shigaeva</i> Working with modern folklore texts in foreign language classes	157
<i>E. S. Kraus</i> Criteria for the assessment of speaking skills in a foreign language.	162
<i>N. L. Kucherenko</i> On the issue of mediation in foreign language teaching	169
<i>L. I. Nesterova</i> Interpretation of a foreign language text in the formation of the specialist's key competencies	175
<i>S. A. Radzkova</i> Project-based learning in teaching Spanish for specific purposes.....	180

Научное издание

Актуальные проблемы романской филологии

Минск, 2023 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. В. Леценко*

Компьютерная верстка *К. Г. Гавриченковой*

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.